

ВИЛЬГЕЛЬМ
ЛЕВИК
✠
ИЗБРАННЫЕ
ПЕРЕВОДЫ

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1977

Поэты

ГЕРМАНИИ
ИТАЛИИ
ФРАНЦИИ
ПОРТУГАЛИИ
ИСПАНИИ
АВСТРИИ
ПОЛЬШИ
ВЕНГРИИ
АНГЛИИ

ВИЛЬГЕЛЬМ
ЛЕВИК

ИЗБРАННЫЕ
ПЕРЕВОДЫ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ
II

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1977

С6 3
Л 36

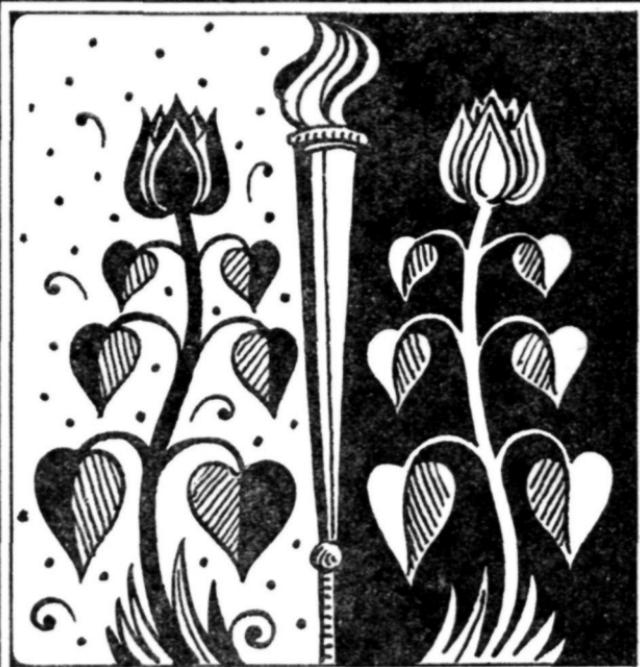
Оформление художника
Г. КЛОДТА

© Переводы, отмеченные * в содержании.
«Художественная литература», 1977 г.

Л $\frac{70404-241}{028(01)-77}$ 167-77

Из
ПОРТУГАЛЬСКОЙ
ПОЭЗИИ

ЛУИС КАМОЭНС

1520—1584

* * *

Порой Судьба надежду мне дает,
Что скоро я утешен буду ею,
И я при этой мысли так пьянею,
Что все во мне и пляшет и поет.

Я слышу музы радостный полет,
Но тут любовь, боясь, что я прозрею,
Придумывает новую затею
И муку вновь, как слепоту, мне шлет.

Вы, горькой обреченные заботе!
Рабы любви, когда вы здесь прочтете
Все тайное, что вверил я с т и х а м , —

Рассказ правдивый о печальной б ы л и , —
О, если вы подобно мне любили,
Как много скажет эта книжка вам!

* * *

Я бросил щит, едва был начат с п о р , —
Гордец, обезоруженный мгновенно,
Я понял вдруг, что не избегнет плена,
Кто вызовет на бой ваш дивный взор.

Вы только отягчили мой позор,
Мне на раздумья время дав надменно.
Я бился храбро, но признал смиренно,
Что глаз таких всесилен приговор.

И, покорен красавицей строптивой,
Я уступил необоримой силе.
Судьба слепа, и слеп ее закон.

Но небо мерит мерой справедливой:
Вам славы нет, хотя вы победили,
Но слава мне, пускай я побежден!

* * *

Колокола сзывали в божий храм,
И люди шли, как реки льются в море,
Чтобы того прославить в общем хоре,
Кто указал пути к спасенью нам.

Но притаился бог незрячий там,
И я в груди стрелу почувал вскоре,
И он сломил мой разум в жарком споре,
Прекрасный лик явив моим глазам.

Язычник одолел меня во храме,
Но я в душе не чувствую укора,
Слепому супостата не кляню.

Я дал ему обвить меня цепями,
Я славил этим вас, моя сеньора,
И жаль, что прежде не был я в плену.

* * *

В огне гореть таким, как ты, пролазам,
Злодей Амур, мой хитрый супостат!
Твой лук и стрелы — все, чем ты богат, —
С тобой самим пускай сгорели б разом!

Тогда б настал конец твоим проказам,
Ты нам в нектар не подсыпал бы яд,
Не соблазнял бы любопытный взгляд,
Доверчивый не обольщал бы разум.

Но если бы ты снял повязку с глаз,
Ты изошел бы медленною мукой,
Узнал, что совесть жжет больней огня, —

Ты понял бы, как страшен каждый час
Тому, кого ты мучаешь разлукой,
Ты б увидал, как истерзал меня.

* * *

«Что унесла ты, Смерть?» — «Взошедшее светило».
«Когда?» — «Как только день забрезжил в небесах».
«И что ж теперь оно?» — «Уже остывший прах».
«Кто приказал тебе?» — «Тот, чья безмерна сила».

«Кто телу даст приют?» — «Как всем телам — могила».
«Где юный блеск его?» — «Как всё, погас впотьмах».
«А Португалия?» — «Глядит на гроб в слезах».
«Что говорит она?» — «Как рано ты почила!»

«Кто видел мертвую — не умер?» — «Был убит».
«Что говорит Любовь?» — «В молчании скорбит».
«Кто ей замкнул уста?» — «Я! чтоб не слышать вздора».

«А королевский двор?» — «С Любовью заодно».
«Что там готовится?» — «Там пусто и темно».
«Кто мог бы свет вернуть?» — «Мария де Тавора!»

* * *

Прощальный час, прощальной речи звук —
И жизнь уйдет путем необратимым,
И станет все несбывшимся и мнимым,
Обман мечты замкнет железный круг,

О, смена встреч, свиданий и разлук!
Ты к цели шел усердным пилигримом,
Ты верен был, но все уходит дымом,
Ни жертв не ценит Время, ни заслуг,

Прошедшее не может возвратиться,
Такая даль разделит нас с тобою,
Что нам едва ли встреча суждена.

Все кончено! К чему еще стремиться?
Мне будет — так начертано судьбою —
Разлукой долгой жизнь сокращена.

* * *

Когда б мой дух, утративший покой,
Забывший сон, всечасно льющий слезы,
Слепому бога презирал угрозы
И дал ему победоносный бой,

И там, в тени, над речкой голубой,
Где из травы глядят лесные розы,
Там, где мечту подслушивают лозы,
Моя любовь, я встретился с т о б о й, —

Тогда мои бы вздохи не смущали
Уснувший воздух, слезы б не текли
И зеркало воды не омрачали.

Но Рок враждебен радостям земли,
И гонит страсть меня в чужие дали
От милой мне — от близкой и вдали.

* * *

Я думаю все чаще день от дня:
Чего желать? Когда мне лучше было?
Пока любовь меня не опалила,
Иль когда все закрыла от меня?

Я от любви бежал, как от огня,
Высмеивал безумцев, полных пыла,
Но что любил — теперь мне все немило,
И все люблю, что отвергал, кляня.

Не стану лгать, та жизнь была прекрасна,
Мои часы в веселье пролетали,
Сердечный не томил меня недуг.

Но ты пришла, — я гнал любовь напрасно —
Ее оковы мне блаженство дали,
А исцеленье было б горше мук.

* * *

Вы, струи Тахо, ты, прозрачный ток,
Ты благодать несешь лугам и нивам,
И пастухам, и нимфам шаловливым,
Поишь траву, и зверя, и цветок.

Могу ли знать, какой мне выпал срок,
Когда вернусь, вернусь ли вновь счастливым
Внимать твоим журчащим переливам,
Не навсегда ль велит расстаться рок.

Судьба торопит в дальнюю дорогу,
И я покой меняю на тревогу,
И многого мне стоит мой отъезд.

Чтобы слезой мутить чужие воды,
Чтобы вздыхать среди чужой природы,
Бегу от милых, незабвенных мест.

* * *

Мой нежный враг, в чьи руки отдала
Судьба мои надежды и свершенья,
Я на земле не знаю утешенья,
Как ты на ней могилы не нашла.

Твою красу пучина унесла,
И сам я жертва страшного крушенья.
В моей душе ни света, ни движенья,
Но памяти навеки ты мила.

И если может грубый стих мой ныне
Тебе, моей любви, моей святыне,
Надгробьем стать наперекор судьбе, —

Ты будешь мной прославлена на лире,
И я клянусь: пока есть память в мире,
Он будет эпитафией тебе.

* * *

Меняется и время и мечты,
Меняются, как время, представленья.
Изменчивы под солнцем все явленья,
И мир всечасно видишь новым ты.

Во всем и всюду новые черты,
Но для надежды нет осуществленья!
От счастья остаются сожаленья,
От горя — только чувство пустоты.

Уйдет зима, уйдут снега и холод,
И мир весной, как прежде, станет молод,
А я и песню слушаю в слезах.

Иссякнут слезы, вновь придет веселье,
Но страшно роковое новоселье,
И неизменен в мире этот страх.

* * *

Зачем, желанья, вы стучитесь в грудь,
Зачем, надежды, вы мне снова лжете?
Года летят, сменяются в полете, —
Их не вернуть, как жизни не вернуть.

Года летят, а вам пора уснуть,
Года влекут уже к другой заботе,
Но вы опять на части сердце рвете,
Хоть прегражден осуществленьям путь.

Все, что любил я, все переменялось.
Мир стал другим, душа с другим сроднилась.
Былых желаний голос в ней затих.

О, возродись, надежды цвет весенний,
Вернись, пора ошибок, заблуждений,
Губительница радостей моих.

* * *

Луга, леса в вечерней тишине,
Ручей, едва журчащий на просторе,
Иль тот, что в разрушительном напоре
Шумит, катясь по горной крутизне,

Граниты скал в лазурной вышине,
Согласные в своем нестройном х о р е , —
Пока меня в оковах держит горе,
Отрады вы не принесете мне.

Другим стою перед тобой, природа.
Не радуюсь ни краскам небосвода,
Ни весело струящейся воде.

Мне чудится пора совсем иная,
Я слезы лью, о прошлом вспоминая,
И здесь печалюсь так же, как везде.

* * *

Воспоминанья горькие, вы снова
Врываетесь в мой опустелый дом.
Я не настолько одурачен злом,
Чтоб в этой жизни ожидать иного.

Мне видеть крах надежд моих не ново,
И, сотни раз обманутый во всем,
Я, с примиренным сердцем и умом,
Готов терпеть вторжение былого.

Да, я не все терпенье и сто щил, —
Пускай в несчастьях век мой горький прожит,
Я милосердья от судьбы не жду.

Спротивляться ей — нет больше сил,
Так пусть паду — падением, быть может,
Я от себя страданья отведу.

* * *

Тот радостный и горестный рассвет
(Пускай нам скрыто жизнь уже грозила),
Как все, что сердцу безгранично мило,
Да славят люди в океане бед.

Был свод небесный пышно разодет,
И видело всходящее светило,
Как страсть в одно два сердца превратила,
Забывшие на время злобный свет.

Лишь солнце в горних видело просторах,
Как слезы их текли двумя ручьями
И становились бурною рекой.

Оно слова слышало, от которых
Похолодеть могло бы даже пламя
И души бы в аду нашли покой.

* * *

Таких созвучий, полных красоты,
Таких стихов в сладчайшем новом стиле
Мои труды еще не породили,
Мой стих явил лишь грубые черты.

А ваш — родник, бегущий с высоты,
Вы Иппокрены ключ им посрамили.
Цветам, что вы на Тахо возрастили,
Завидуют и Мантуи цветы.

Зато вы небесами не забыты,
И Аполлон, пристрастья не тая,
Вручил вам дар, какого я не стою.

Две наши музы равно знамениты,
Но только черной завистью моя,
А ваша — несравненной чистотою.

* * *

То случай иль судьба — не все ль равно —
Однажды Вечность в мир Добро послала
И, видимо, сама же пожелала
На мне проверить, что несет оно.

Но я у жизни в пасынках давно,
И для меня в том было проку мало.
Во всем, во всем она мне отказала,
О чем просил — и то мне не дано.

Сменив обычай, землю, кров и стены,
Я втайне ждал счастливой перемены,
С надеждой сел в неверную ладью,

Но увидел по знаменьям небесным,
Что, соблазненный счастьем неизвестным,
Злосчастью в жертву отдал жизнь свою.

* * *

За что?! Сижу, прикованный к стене.
За днями дни в тюрьме идут как тени,
Потоком смутным мыслей, чувств, видений,
Бесследным и бесплодным, как во сне.

Лишь прошлое стучится в дверь ко мне
Тоской невыносимых сожалений,
Да колесом, бессменным в общей смене,
Слышней скрипит Фортуна в тишине.

И, в хаосе бегущих дум затерян,
Мой скорбный дух не знает, не уверен,
То говорит со мною ночь и тьма —

Иль, предаваясь тягостному бреду,
С собой я сам веду в ночи беседу,
Здоров ли я или схожу с ума.

* * *

Меня сочли погибшим, наблюдая,
Как тягостно владеет горе мною,
Как меж людей бреду я стороною
И как чужда мне суета людская.

Я погибал. Но, мир пройдя до края,
Не изменил возвышенному строю
Среди сердец, что обросли корою,
Страданий очистительных не зная.

Иной во имя золота и славы
Обрыщет землю, возмутит державы,
Зажмет весь мир в железное кольцо.

А я иду любви тропой неторной.
В моей душе — кумир нерукотворный —
Изваяно прекрасное лицо.

* * *

Как лебедь умирающий поет
На зыбкой глади озера лесного,
Когда впервые, скорбно и сурово,
На жизнь глядит уже с иных высот, —

О, если б он часов замедлил ход,
О, если бы расправил крылья снова!
Но славит он конец пути земного,
Освобожденье от земных з а б о т, —

Так я, сеньора, здесь, в пути далеком,
Уже смирясь пред неизбежным роком,
Не в силах жить, берусь за лиру вновь,

И снова славлю горькими словами
Мою любовь, обманутую вами,
И вашу изменившую любовь.

* * *

Зачем Надежда лжет мне, как всегда,
Зачем Судьба скликает беды снова?
Не может быть возврата для былого,
И вспять не обращаются года.

Так пусть идут, проходят без следа
Свидетелями жребия людского.
Один всегда отличен от другого,
Но и с мечтой не сходен никогда.

Что так любил я, с чем душа сроднилась,
Все стало чуждым, все переменялось,
Я постарел, утратил к жизни вкус.

Меня Судьба замкнула в круг проклятый,
И Время — счастья злобный соглядатай —
Надежд убитых множит тяжкий груз.

* * *

Как смерть в глаза выдавший мореход,
Добравшись вплавь до берега чужого, —
Пускай «забыть о море» дал он слово,
Пусть он и ветер и волну клянёт, —

Уже назавтра, с сердца сбросив гнет;
Он золота, он бури жаждет снова.
И вот воспрял, и длань его готова
Направить парус в гибельный поход, —

Так я от бури сладостного взора
Хотел бежать, я изменил отчизне,
Я слал проклятья ветру и волне,

Но возвращаюсь к вам, моя сеньора,
Чтоб снова там найти источник жизни,
Где лишь недавно смерть грозила мне,

* * *

Зарею ли румянит мир весна,
Сияет ли полдневное светило,
Я над рекой, где все теперь немило,
Былые вспоминаю времена.

Здесь убирала волосы она,
Здесь улыбнулась, тут заговорила,
Там отвернулась и лицо закрыла,
Моим вопросом дерзким смущена.

Там шла и тихо что-то напевала,
Тут села и ромашку обрывала,
И уронила голову на грудь.

Так, весь в минувшем, день и ночь тоскуя,
Сплю и не сплю, живу и не живу я, —
Пройдет ли это все когда-нибудь?

* * *

Я встарь любовью жил. Я в те года
Умел в Любви любить лишь то, что ново,
И в жажде необычного улова
Предмет любви менял я без труда.

Сменялась увлечений череда,
И одному соблазну для другого
Я изменял, не сдерживая слова,
И новый пламень вспыхивал тогда.

А если я, бывало, бремя сброшу,
То лишь как тот, кто скидывает ношу,
Чтобы затем устать еще сильнеей.

Тебе, Любовь, за эти муки слава,
В них цель твоя, они твоя забава,
Страданья тех невозвратимых дней.

* * *

Я знаю ваши фокусы и штуки,
Любовь не раз давала мне урок,
И хитрость вам, боюсь, пойдет не впрок:
Я дорогой не позабыл науки.

Красавицы на мне погрели руки,
Зато, хоть Новый год уж недалек.
Сеньора, не для вас мой кошелек,
Поверьте мне: напрасны ваши муки!

Я изучил таких, как вы, хитрюг,
И ваши ходы ясны мне заране.
Любовь теперь я вижу без прикрас.

Так постарайтесь, мой прелестный друг,
Не оказаться в собственном капкане —
Лишь то просить, о чем прошу я вас.

* * *

Я мало жил. Был горек каждый час.
Нуждой унижен, я увял в расцвете.
Я и пяти не прожил пятилетий,
Когда мой день в безвременье погас.

Я воевал, скитался, я не раз
Искал лекарств от жизни, но на свете
Не созданы еще лекарства эти,
А ратный труд не осчастливит нас,

В прекрасной Португалии рожденный,
Я вырос на зеленых луговинах,
Но, вредоносным воздухом убит,

Вблизи утесов Африки пустынных
Я кинут рыбам в океан бездонный
И родиной возлюбленной забыт.

* * *

Когда брожу я по лугам зеленым,
Везде за мной летит пичужка вслед.
Она забыла счастье прежних лет
И наслажденье счастьем обретенным.

Я от людей бегу к речным затонам,
Она и здесь мой спутник, мой сосед.
Друг другу мы дарим забвенья бед,
Обоим легче в горе разделенном,

И все ж она счастливей! Пусть навек
Она бывшее благо утратила, —
Ей не мешают в чаще плакать сиром,

Куда несчастней создан человек!
Чтобы дышать — и воздуха мне мало,
А чтобы жить — мне мало даже мира.

* * *

Я воспевал минувшие года,
Теперь ловлю их отголоски жадно.
От старых песен — пусть я пел нескладно —
Вскипают слезы, новые всегда.

Я п е л , — давно ли? — сам забыл когда,
И был судьбой обманут беспощадно.
Но в горестях бывает так отраднa
Воспоминаний беглая чреда.

Я п е л , — и что ж? — обманут в том, что свято:
Не в жажде наслаждений, но в доверье.
Я пел и слышал звон цепей у ног.

Но не Надежда в этом виновата,
Ведь в мире всюду ложь и лицемерье,
А ошибаться может даже Рок.

* * *

Будь проклят день, в который я рожден!
Пусть не вернется в мир, а коль вернется,
Пусть даже Время в страхе содрогнется,
Пусть на небе потушит солнце он.

Пусть ночи тьма завесит небосклон,
Чудовищ сонм из ада изрыгнется,
Пусть кровь дождем из туч гремящих льется
И сын отца убьет, поправ закон.

Пусть люди плачут и вопят, не зная,
Крепка ль еще под ними грудь земная,
Не рушится ли мир в бездонной мгле.

Не плачьте, люди, мир не заблудился,
Но в этот день — несчастнейший родился
Из всех, кто был несчастен на земле.

* * *

В отчаянье глубоко пребывала
Уже давно терзаемая грудь.
И, увидав, что муку не стряхнуть,
Душа уж не страшилась, не желала.

И все же память сердце убеждала,
Что может счастье прежнее вернуть
Тот образ, чья божественная суть
Мой разум красотой околдовала.

Как сердце верит радостно тому,
Во что поверить хочется ему,
Не видя, что судьба над ним смеется!

Пускай хоть ложь — я радуюсь и ей.
Быть может, мука будет тяжелей,
Но хоть мечта для сердца остается.

* * *

Найду ли сердцу я приют укромный,
От счастья ограждаемый судьбою,
Куда ни зверь неведомой тропюю,
Ни человек не забредет бездомный, —

Пусть это будет черный лес огромный,
Безлиственный, подобный сухостою,
Где я печальный мрачный дом построю,
Как жизнь, печальный, как страданье, темный.

И, труп живой, один в лесу дремучем,
Меж диких скал влача свой век бесцельно,
Его я в скорбных жалобах растрачу.

Увы, мое страданье беспредельно,
В несчастный день я рад нависшим тучам,
А в день счастливый я невольно плачу.

* * *

О вы, кто честным изменил дорогам,
Чья цель одна: довольство и покой,
Вы блага жадной ловите рукой,
И Беспорядок — ваш кумир во многом.

А мир меж тем идет в Порядке строгом.
Вы жертвуете совестью, собой,
Но божий суд карает грех любой,
И даже Случай тоже создан богом.

Наказан будет тот, кто лишь в судьбу
Да в случай верит разумом кичливым, —
Есть в опыте опасности зерно.

Бог не простит упрямому рабу,
Но то, что он считает справедливым,
Для нас несправедливо и темно.

* * *

Любовь, ошибки и враждебный рок —
Все на меня обрушилось жестоко.
Но даже без ошибок и без рока
Любить и не погибнуть я б не мог.

Все минуло. Но в сердце гнев залег
И боль о том, что ныне так далеко.
И понял я, состарившись до срока,
Что создан лишь для горя и тревог.

Я заблуждался, вечной полон смуты,
И мне Судьба за глупые мечты
Преподала тяжелые уроки.

Любовь считал я прихотью минуты.
О, как развеять скуку пустоты!
И чем насытить мести дух жестокий!

* * *

Когда Носитель высшей красоты,
Покинув небо, в плоть вошел людскую,
Он всех людей, природу их земную,
Возвысил тем до высшей высоты.

Господь — алкал он высшей нищеты,
Любовь принес он в суетность мирскую
И, вretiщем окутав плоть нагую,
Забыл о небе для земной тщеты.

Как? В бедности нисходит к нам господь?
И кто явился в нищенском обличье,
Тот перед ним достойней, благородней?

Да, в яслях бедность облачилась в плоть,
И бедным быть — столь явное отличие,
Что чем бедней ты, тем богоугодней.

* * *

Дожди с небес, потоки с гор мутят
Речную глубь. В волнах не стало брода,
В лесах не стало лиственного свода,
Лишь ветры оголтелые свистят.

Сменил весну и лето зимний хлад,
Все унеслось в круговращенье года,
И Рок забыл, жива ль еще природа,
Гармония ли в мире иль разлад.

Но Время точно свой блюдет порядок.
А мир... а в мире столько неполадок,
Как будто нас отверг Всевышний сам.

Все ясное, обычное, простое,
Все спуталось, и рухнули устои.
А жизни нет. Жизнь только снится нам.

* * *

О вы, кто внемлет жалобам, звенящим
В моих стихах, которые сложил
Я в те года, когда я молод был,
Когда я был живым и настоящим, —

В них то, что я вверял зеленым чащам,
Когда мечтал, и верил, и любил,
А та беда, которой я молил,
Меня печалям обрекла щемящим.

Я только притчей во языцех стал,
Как это чувство ни было велико,
И сам теперь собою пристыжен.

Так пусть пример, который вам я дал,
Покажет всем, от мала до велика,
Что слава мира — мимолетный сон.

* * *

Когда улыбкой, звуком нежных слов
Мой слух, мой взор, все чувства увлекая,
Вы мысль мою, мой разум, дорогая,
Возносите к обители богов,

Освобожден от всех земных оков,
Людских богатств ничтожность презирая,
Я здесь дышу благоуханьем рая,
Я вдруг рассудок потерять готов.

Не оскорблю вас жалкими хвалами.
Кто видел вас, кто восхищался вами,
Тот понял всю безмерность красоты.

Он согласиться вынужден без спора,
Что сотворить вас мог лишь тот, сеньора,
Кто создал небо, звезды и цветы.

* * *

Верните все, в чем ваше торжество:
Румянец — розе, белизну — лилее,
Светилам, обходящим э м п и р е и, —
Палящий пламень взора своего.

Верните голос, дивный звук его,
Сирене — той, что пела всех нежнее.
Ограбленной верните Эвриклею
Осанки, плеч и стана волшебство.

Диане — холод, гордость и бесстрастность,
Минерве — речь, ума и сердца ясность,
Венере — чары красоты ее.

Верните все, что вам дано судьбою,
И оставайтесь лишь самой собою,
Вы, божество бездушное мое.

* * *

Туманный очерк синеватых гор,
Зеленых рощ каштановых прохлады,
Ручья журчанье, рокот водопада,
Закатных тучек розовый узор,

Морская ширь, чужой земли простор,
Бредущее в свою деревню с т а д о, —
Казалось бы, душа должна быть рада,
Все тешит слух, все восхищает взор.

Но нет тебя — и радость невозможна.
Хоть небеса невыразимо сини,
Природа бесконечно хороша,

Мне без тебя и пусто и тревожно,
Сержусь на все, блуждаю, как в пустыне,
И грустью переполнена душа.

* * *

Как птица утром, пробудясь от сна,
К весне и жизни полная доверья,
То чистит клюв, то отряхает перья,
Поет и скачет, воздухом пь я н а , —

Но человек — ему ведь кровь нужна! —
Подкрался, хитрый, полный лицемерья,
Стреляет — и сквозь темные преддверья
Комочком жалким в Орк летит о н а , —

Не так ли я обманут был судьбою?
Я жил счастливый, я не знал печали,
Не знал, что гибель мне готовит рок,

Но час настал, я встретился с тобою,
Твои глаза прибежище мне дали,
И в них слепой настиг меня стрелок.

* * *

Мучительно за годом год идет,
А дней уже осталось так немного.
Но чем их меньше, тем длинней дорога,
Тем больше в сердце горестных забот.

Мой дар слабеет, и который год
Не знает радость моего порога.
И только опыт, все измерив строго,
Порой обман грозящий узнает.

Гонюсь за счастьем — вот оно! попалось!
Увы! рванулось и опять умчалось.
Я падаю, встаю, пропал и след...

Бегу опять, з о в у , — оно далеко.
Вперяю вдаль отчаянное око...
Но счастье скрылось, и надежды нет.

* * *

Деревня! Для изведавших крушенье
В житейском море ты надежный плот,
Убежище от бурных непогод,
Приют любви и в горе — утешенье.

И если нет ошибки в утверждении,
Что смена мест меняет жизни ход,
Во мне пусть мир твой суетность убьет,
И я благословлю уединенье.

Здесь радует меня осенний плод,
Я наслаждаюсь шумом светлых вод,
Мне день приносит мир, а вечер — сладость.

Влюбленному внимаю соловью
И хороню тоску и скорбь мою,
Как хоронил в былое время радость.

* * *

Итак, Судьбы узнал я благодать!
Лежу в пыли, и мне уж не подняться.
Все изменилось, так чему ж меняться?
Все потерял я, что еще терять?

Расстался с лучшим — значит, с худшим ладь.
Жить прожитым я буду впредь пытаться.
Но в мире зла, где злу и не дивятся,
На что и жить, чего от жизни ждать?

Пускай же смерть приходит, торжествуя.
Надежды нет, желаний больше нет.
Так злом за зло! Хоть сердцу легче будет.

Ведь от добра уже добра не жду я,
Но средство есть от этих зол и бед,
И за него пусть мир меня не судит.

* * *

Подряд мои надежды разбивая,
Свое всевласть доказал мне рок.
О страшном дне, когда мой день поблек,
Мне только память говорит живая.

И вот гляжу на все, подзревая,
Что положил пределы счастью бог,
Чтоб мир не мнил и мне сказать не мог:
Ты ложь мою почел блаженством рая.

Но если рок убил, меня сломив,
Такую радость, что смертельной мукой
Становится о ней воспоминанье,

Я буду в горе тверд и терпелив, —
Пусть мучает судьба меня разлукой,
Но слабым не найдет меня страданье.

* * *

Весельем боя взор воспламенен,
В пыли доспех, на лбу зияет рана.
Так дух надменный дона Себастьяна
Спешит к реке, где мертвых ждет Харон.

Но кормчий хмур, и тень встречает он
Укором гневным: «Ты зачем так рано?
Не входит в мир загробного тумана,
Кто на земле лежит непогребен».

Ему герой: «Старик, заблудший в сквернах,
За грош ничьей ты не гнушался тени,
Вот мой медяк за скорлупу твою.

Пришел король — он весь в крови неверных,
А ты ему о чем — о погребенье?
Пекись о тех, кто умер не в бою!»

* * *

Ужасная судьба! Жестокий рок!
Зачем меня вы счастьем обольщали!
Мой каждый день вы розами венчали,
О, как я был от всех забот далек!

Но лишь затем узнать я счастье мог,
Чтоб горше мне казался вкус печали.
Все у меня вы сразу отобрали,
Двойное горе кинув мне в залог.

А лучше ль тем, кого ты невлюбила,
О радость? Ты пронесишься как сон.
И мы не знаем, вправду ли была ты.

Безрадостным один приют: могила!
Но беспощаден бытия закон,
И я не умер от такой утраты.

* * *

Когда, дымясь, вода воспламенится,
И станет свет подобен темноте,
И небеса исчезнут в высоте,
И выше звезд земля распространится,

Когда любовь рассудку подчинится,
И все и вся придет к одной черте,
Тогда, быть может, вашей красоте,
Остывший, перестану я молиться.

Но в мире все идет без перемен,
Каким возник, таким он остается,
Так нужно ль вам, чтобы мой жар угас?

Моя надежда, мой прекрасный плен,
Пускай душа погибнет иль спасется,
Но только взор пусть вечно видит вас.

* * *

Когда для всех ты хочешь быть мила
И каждому приятна в разговоре,
Чтоб видел каждый даже в беглом взоре,
Как много в сердце носишь ты тепла,

Ах, будь со мной бесчувственна и зла,
И радость я найду в твоём отпоре.
Уже мне будет облегченьем в горе,
Что все ж меня ты выделить могла.

Ведь если так добра ты с первым встречным,
То лишь того избранником сердечным
Ты назовешь, кто видел зло твое.

И мне едва ль шепнешь признанья слово,
Когда в груди хранишь черты другого, —
Любовь одна, нельзя делить ее.

* * *

Вы мчитесь, волны, мимо всех преград,
Пусть с трудом, но радуясь заране
Соединенью в вечном океане,
Который вас готов принять, как брат.

Но горе тем, чей путь трудней стократ,
Кто слезы льет, придя к последней грани,
Кто, затеряв мечту свою в тумане,
Ее причислил к тысячам утрат.

Вы мчитесь по извилистым дорогам
К морской груди — как бы к земному раю,
Вам тяжело, но радостен ваш бег,

А я иду, как будто проклят богом,
Я торный путь, ведущий к цели, знаю,
Но для меня закрылся он навек.

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

Род. в 1902 г.

ТИЦИАН

Была Диана там, Каллисто и Даная,
Был Вакх, Эрот, бог золотых проказ,
Ультрамарин вельмож, лазурь морская,
Венерин пояс, сорванный не раз,
Буколика и пластика поэмы,
И полный свет, и полный голос темы.

О молодость, чье имя — Тициан!
В чьей музыке и ритм, и жар движений,
Чьей красотой им строй высокий дан,
В чьей грации так много выражений.
Пора веселья — алый, золотой,
Вкус диспропорции в гармонии простой.

Сферический живот, в безумстве оргий —
Сосков, пьянящих пляской, острота.
Цвет, брызнувший в вакхическом восторге,
Теней, дотоле тайных, нагота.
В богатстве форм — поток любви всесветный,
Разбрызнувшийся радугой стоцветной.

На серебристых простынях — тела,
Любовным отдающиеся ласкам,
Альков, парчовый занавес и мгла, —
Доступное лишь этим мощным краскам.
Нет, в золотое кистью не облечь
Ни лучших бедер, ни подобных плеч!

Сиенна — сельвы детище и зноя,
И золотистый мрак лесных дорог,
И в золоте сафического строя
Весь золотой от солнца козлоног.
И в золотой текучей атмосфере
Колонны, окна, цоколи и двери.

Грудь Вакха золотит струя вина,
Стекающая с бледного чела Христова,
И в лике божьей матери — она,
Все та ж Венера золотая снова.
И переходит кубок золотой
К Любви небесной от Любви земной.

Любовь, любовь! Шалун Эрот, губящий
Сердца людей незримых стрел огнем,
И прямо в сердце Живопись разящий
Светящимся, пылающим копьем.
Век полнокровья! Он бродил влюбленным
По лунным высям, звездным бастионам.

Счастливой, пышной юности цветник,
Великий маг из Пьеве-ди-Кадоре!
С горы Венеры брызжащий родник
В стране, где нет зимы, в стране Авроры.
Пусть и в веках сияет зелень лета
Приапу кисти, Адонису цвета!

КОРО

Ты — души эманация, свет
изнемогшего дня иль темнеющей рани,
стройный тополь, стройнее которого нет,
легкий, словно палитра, которой познал ты все грани.

Одевает листвою твои кисти рассвет,
в волосах многоцветно-зеленых
ветерок набежавший резвится.
Если ж вечер плывет, весь одевшийся в розовый цвет,
в сонной кисти твоей засыпает усталая птица.

Ты ли зеркало вод, что застыли в пути,
в бездыханных, недвижных, неслышных долинах.
Дай присниться себе, дай в себя мне уйти
среди влажных и трепетных рощ тополиных, —

где последние нимфы в картинах твоих,
как живые гирлянды в языческой пляске,
томно льнут к пастухам, возвращенным из древних
идиллий,

где звучат, умирая, кадансы пейзажей былых,
чтобы в новые краски
облеклись их мелодии, став музыкальней, чем были.

Ты художник счастливых улыбок, ветров,
приносящих нам сильфов, ты свежесть лесная,
дымка, ткущая миру прозрачный покров,
иль озер, еще девственных, цепь голубая.

Дай мне жизни поток увидеть наяву
там, где очи мостов твоих смотрят в спокойные дали.
Дай мою же увидеть листву —
ту, что ветры осенней поры разметали.

Дай мне детскую нежность души умиленной твоей,
дай любовь, что с Планеты уходит, слабея,
дай хоть ветку от всех сотворенных тобою ветвей,
но не дай мне грустить, что забыл о тебе я.

СЕЗАНН

Подвижник, мученик идеи,
он в живописи увидал свой путь.
Учился, шел, где круче, где труднее,
найдя пейзаж, стоял, искал в нем смысл и суть

О, пластика, о, жизнь вещей немая,
вся нескончаемо мучительная быль!
Самодовлеет вещь любая:
плетенка, яблоко, будильник, торс, бутыль.

Суровый, дикий, нежный, страстный
воитель.
В борьбе с холстом расчетливый и властный
Первозиждитель.
О, плен! Судьба! Бесповоротность!
О, живопись — тюрьма, темница,
где радостно ему томиться.
О, живопись! Весомость! Плотность!

Как точен глаз!
Моделировка, равновесье масс!

Ритм на земле и ритм на небосклоне,
закон контрастов и гармоний,
звучанье цвета, осязаемый вес,
вещественность земли, небес.
Мазки, мазки,
то плотны, то легки,
то осмотрительны, то смелы,
И вдруг — пробелы.

Повсюду синий, синева холста,
оркестра цветового схема,
и наслажденья формой полнота,
как цель, как тема.

Верховной кисти раб, колючий, словно шип,
прияв от живописи рану,
своей сетчатки мученик — погиб
под стать святому Севастьяну.

Но, как прозренья поздний дар
открылась Истина Сезанну:
всех форм основа — конус, куб иль шар.

Из
АВСТРИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

1802—1850

ФОРМА

Если форма и готова,
Знай, поэт, стихи пусты
До тех пор, покуда ты
Мыслью не наполнил слово.

Есть слова как облаченье,
Под которым тела нет.
Сердце дрогнет им в ответ,
Но, увы, лишь на мгновенье.

Наподобие трещотки
Стих по рифмам застучит,
И, хоть он мастеровит,
Жалок век его короткий.

КОРЧМА В СТЕПИ

Я брел по Венгрии — один.
Душе отрадно было
Глядеть в пустую даль равнин,
Тянувшихся уныло.

Степь ширилась, тиха, мертва.
День догорал. Устало
Шли облака. Едва-едва
Зарница трепетала.

И вдруг неясный шум во мгле,
В бездонной, темной дали.
Я ухо приложил к земле:
Не кони ль там скакали?

Все ближе, ближе — стук копыт
Наполнил землю дрожью.
Так сердце робкое дрожит,
Почуяв кару божью.

И вдруг вблизи, распалены
Пастушьям гамом, гиком,
Промчались бурей табуны,
Беснуясь в беге диком.

Горячий конь летит стрелой,
Храпит и ржет в тревоге.
Обгонит ветер он степной,
Сметет его с дороги.

Но держит крепкая рука,
Конь бесится напрасно.
Тисками воля седока
Его сжимает властно.

Неслись туда, откуда шла
Ненастья злая сила.
Исчезли, будто ночь и мгла
Их разом поглотила.

Но все казалось, что гудит
Над степью вихрь летучий,
Что гром несется от копыт
И выются гривы тучей.

И те же тучи табуном
В гремящем небе мчались,
Кругом будили гул и гром
И в беге умножались.

А буря, конюх удалой,
Ревела и свистала,
И плетью молнии витой
Лихой табун хлестала.

Но бег разгорячил коней,
Стал глуше топот злобный,
И, словно пот, сильней, сильней
Закапал дождик дробный.

Холмы возникли предо мной,
И домик у дороги
Мелькнул радушной белизной,
Мне окрыляя ноги.

Омыв лазурь, гроза прошла,
И, радуясь погоде,
Над степью радуга взошла
На влажном небосводе.

Я шел быстрее, к холмам спеша.
Закатное светило
Плетеный кров из камыша
И стекла позлатило.

А хмель, казалось, обнял дом
И пляшет в опьяненье.
Уже я слышал за окном
И музыку и пенье.

И я вошел и, всем чужой,
Присел поодаль с чарой.
Кружились вихрем предо мной,
Сходились пара с парой.

Девицы юны и стройны,
Тела как налитые.
Мужчины смелы и сильны —
Разбойники степные.

Бряцает в такт железо шпор,
И плещут руки мерно.
Поет, ликуя, буйный хор,
Что в мире все неверно.

Поет: «О братья, все мы прах,
Уьемся жизнью краткой!»
Из глаз, хоть радость на устах,
Бежит слеза украдкой.

Сидит, поникнув головой,
Их атаман угрюмый.
Сидит за кружкой сам не свой,
Печальной полон думой.

И, как в ночи лесной костер
За темными ветвями,
Горит его блестящий взор
Под черными бровями.

Все тяжелей хмельной туман,
Все больше в пляске жару.
Бросает на пол атаман
Свою пустую чару.

С ним девочка — лицом она
К его груди прильнула,
Утомлена, оглушена
Веселием разгула.

Он смотрит на дитя свое
И забывает горе.
Он озирает жизнь ее —
И грусть в отцовском взоре.

Все громче скрипок визг и вой,
Кипит хмельное зелье.
Все жарче вихорь плясовой,
Безудержней веселье.

И даже атаман сверкнул
Ожившими глазами.
Но петлю вспомнил я, вздохнул
И вышел со слезами.

Лежала степь мертва, темна,
Лишь в небе жизнь бродила,
Блистая полная луна,
Сияя, шли светила.

И атаман покинул дом,
Сошел — и чутким слухом
Сперва послушал ночь, потом
К земле приникнул ухом:

Не слышно ль топота вдали,
Не скачут ли гусары,
Не выдает ли дрожь земли
Грозящей смелым кары?

Все было т и х о , — поглядел
И поднял к небу очи,
Как будто сердце он хотел
Открыть светилам ночи —

Сказать: «О звезды, о луна!
О, как ваш сладок жребий!
Вкруг вас такая тишина,
Вы так спокойны в небе!»

Приникнул вновь, отпрянул вдруг
И свистнул под окном он,
И стих танцоров шумный круг,
И замер буйный гомон.

Я глазом не успел моргнуть —
Уже все были в сборе,
И на коней, и вихрем в путь,
И смолк их топот вскоре.

И вновь цыганский грянул хор,
А степь уже светлела,
И песнь о Ракоци в простор,
Свободы песнь летела.

ЛОТТА

(Песни в камышах)

1

Лег последний луч на нивы,
День усталый изнемог.
Над водой склонились ивы,
Пруд безмолвен, пруд глубок.

Дни любви, как сон прошли вы,
Плачь, душа, в немой тоске!
Шелестят печально ивы,
Стонет ветер в тростнике.

Ты одна — мой луч пугливый
В бездне темных, горьких мук.
От звезды любви, сквозь ивы,
Пал на воду светлый круг,

2

Смерклось. Буря тучи гонит.
Хлынул черный дождь из туч.
Ветер воет, ветер стонет:
Где же, пруд, твой звездный луч

Ищет: где в бурлящем море
Эта светлая струя?
Ах, в моем глубоком горе
Не блеснет любовь твоя!

3

Вечеру лесной тропой
Пробираюсь в камыши —
Над пустынною водою
О тебе грустить в тиши.

Если ветер листья тронет,
Пронесется по волне, —
Как тростник шумит и стонет,
Как рыдает все во мне!

Ибо, сладостен, чудесен,
Вновь звучит мне голос твой,
Он исходит в звуках песен,
Замирая над водой.

4

Тучи нанесло.
Сумрак на земле.
Ветер тяжело
Бьется в душной мгле.

Стрелы молний, треск,
Гром да ветра вой,
Бродит беглый блеск
В бездне прудовой.

Вижу в блеске гроз
Лишь тебя одну,
Взвихренных волос
Вольную волну.

5

Пруд недвижим. Золотая
Льет луна поток лучей,
Розы бледные вплетая
В зелень темных камышей.

На холме олень пасется,
Смотрит в ночь, на лунный лик.
Сонно птица шевельнется,
Дрогнет дремлющий тростник,

И, как прошлого дыханье,
Как молитва в час ночной,
О тебе воспоминанье
Тихо веет надо мной.

ПРОГУЛКА В ГОРАХ

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты был мне спутник верный, милый,
Приди, прекрасный день, приди!
Еще хоть раз волшебной силой
К веселью душу возроди!

В ПУТИ

От поцелуев дня пылая,
Струило небо алый свет,
Ль ночь бледнела, посылая
Мне с утренней звездой привет.

И снова посох взял дорожный,
Сказал хозяевам: «Друзья!
Вам бог воздаст за кров надежный!»
И в горы путь направил я.

ЖАВОРОНОК

Жужжа, для сбора сладкой дани
Слетались пчелы на цветы,
И песней жаворонок ранний
Меня осыпал с высоты,

ЛЕС

И вот вхожу в священный, темный
Дубовый лес. Едва блестя,
В траве ручей журчит укромный,
Как будто молится дитя.

Я весь охвачен странной жаждой,
И так шумит и ропщет лес,
Как будто хочет ветвью каждой
Раскрыть мне целый мир чудес.

И вот он дрогнул, он нагнулся
Доверить тайны божьи мне,
Но вдруг, опомнясь, ужаснулся
И замер в чуткой тишине.

ПАСТУХ

Из чащи темною тропюю
Я выхожу на горный склон.
Еще мне виден лес порою,
Но исчезает вскоре он.

Стада рассыпались по лугу,
Пастух прилег на крутизне,
Под звон бубенчиков подругу
Лаская в мимолетном сне.

ОДИНОЧЕСТВО

Ни пастуха, ни стад на круче,
Мой спутник — только ветерок.
Тропа ведет все выше, в тучи.
Я в дебрях горных одинок,

Лишь стонет в черной мгле расселин
Ручей, бегущий от тюрьмы
Туда, где май душист и зелен,
Из царства ужаса и тьмы.

Здесь мертвый мир камней и праха,
Живого всякий след пропал.
Сама тропа дрожит от страха,
В бездонный заглянув провал.

Приди почуять божью силу,
В творца не верящий пигмей!
Твой грех найдет без дна могилу
И стену до неба над ней.

ДАЛЬ

Вверху — лишь купол небосвода,
Уже гора побеждена.
Как вольно дышится, Природа,
Когда душа тобой полна!

Земля раскинула без края
Леса, поля, холмы, луга,
Вплела в убор веселый мая
Ручьев живые жемчуга.

Взметнулась к небу вольным бегом,
Громадой горы взгромоздив.
Главу венчала льдом и снегом,
Дорогу тучам заградив.

Порой мои пленяла взоры
Крутая, дикая скала.
Порой влекли их вновь просторы,
Где синяя курилась мгла.

И к сердцу сладостно прильнула
Сестра безбрежности, печаль,
И душу страстно потянуло
Туда, в таинственную даль.

Быть может, дивные творенья
И там таит природа-мать,
Быть может, многим без презренья
Я мог бы руку там пожать!

БУРЯ

Еще безмолвно в небе мглистом
Дремали выси гор, но вот
Сорвался вихрь и с диким свистом
Увлёк стихии в хоровод.

Громады черных туч нависли,
Их гонит ветер грозовой,
Так месть горячечные мысли
Взметает ночью бредовой.

Вся бездна и гремит и блещет;
Как жила гнева на челе,
На небе молния трепещет,
Грозя испуганной земле.

Шумят потоки дождевые.
Волна уносит бурелом
И крутит сосны вековые.
Но все слабей, все реже гром.

Гроза стихает понемногу,
Струится медленней поток.
А вот и кровля! Слава богу!
Иду скорей на огонек.

СОН

И старец вышел среброкудрый,
И к небу обратил чело,
И мне сказал с улыбкой мудрой,
Что с неба счастье низошло.

И понял я, что грохот бури
Не только бедами грозит,
Но, как в сияющей лазури,
Источник блага в туче скрыт.

Я выпил кубок влаги алой
И в жажде отдыха скользнул
На сеновал и там, усталый,
Упал на сено и уснул.

И все, что видел я в дороге,
Сплелось в единый сладкий сон.
Я, грезя, слушал без тревоги
Редевших капель тихий стон.

Как сладко спать на теплом сене
Под тихий плач дождя во мгле!
Не так ли спят за гробом тени
Тех, кто оплакан на земле?

ВЕЧЕР

На небе радуга сияла,
И мне закат блеснул в глаза,
Когда я спрыгнул с сеновала,
Почуяв, что прошла гроза.

И, взяв мой посох крепкий снова,
Хозяину за кров и стол
Сказал я дружеское слово
И в сумрак вечера побрел.

ТВОЙ ОБРАЗ

Рассыпав сотни роз живых,
Горит заря в долине.
Я узнаю твой образ в них,
Такой далекий ныне!

Восходит Вesper золотой
В лазоревом просторе.
Но не звезда — мне образ твой
Сияет в звездном хоре.

Луна блистает в вышине,
Ручей звенит и плещет.
Твой образ в ласковой волне
Мерцает и трепещет.

Удары грома, ветра вой,
Все в блеске, все в движенье!
Я вижу в туче грозовой
Твое изображенье.

Как выются молнии вокруг
Скользящих очертаний!
Так злая дума вспыхнет вдруг
В ночи моих страданий.

С горы, охотника дразня,
Как вихрь, олень несется.
Так радость бросила меня
И больше не вернется.

Но вот — разверстой бездны мгла,
И только шаг до края.
Еще в той бездне не была
Ничья душа живая.

И там — опять твои черты.
Как друг, как добрый гений,
В глаза мне кротко смотришь ты,
Иль там — конец мучений?

ПОЧТОВЫЙ РОЖОК

Все утихло. Ни один
Лист не шевелится.
Спит селенье, люди спят,
Спит на ветке птица.

Только месяц ходит вновь
По небу дозором.
Озирает спящий мир
Дружелюбным взором.

Да ручей-болтун журчит,
Спать не хочет летом.
Отвечает на привет
Месяцу приветом.

Месяц! Вот и я бреду
Следом за волною.
Видно, счастье и покой
Не в ладу со мною.

Растерял я где-то сны
Детства золотого.
Надо мне с тоской моей
Перемолвить слово.

Вот в рожок свой почтальон
Протрубил уныло.
Горе к сердцу моему
Комом подступило.

Ты поплачь, рожок, поплачь,
Вместе плакать будем.
Почему же так легко
Расставаться людям?

Бодро катится возок
Полям да лесами.
Не следил ли кто за ним
Грустными глазами?

Пусть глядит! От слез людских
Резвый конь не станет.
Пусть поймет, как стук колес
Больно сердце ранит!

Мчится конь. И вот рожка
Уж не слышит ухо.
Лишь волна в тиши ночной
Жалуется глухо.

Долго ль сердцу рваться к вам,
К близким и любимым,
К тем, кого покинул я
Там, в краю родимом?

Промелькнет и рта ночь,
День раскинет крылья.
Так уходит без следа
Жизнь моя бобыля.

Не о том ли бьют часы
Там, под старым сводом?
Дорогие! Где вы все?
Мчится год за годом!

Где ты, кладбище отцов?
Долго ль быть нам розно?
Все равно вернусь к тебе
Рано или поздно.

ЖУРАВЛЬ

Опустевший лес угрюм,
Ветер мечется по свету.
Не ответит летний шум,
Листьев шум его привету.

Улетают журавли
С промерзающего луга,
Кличут в небе, что нашли
Прежний путь в долины юга.

Вольным странникам верна,
За моря и сквозь туманы
Их далекая весна
Манит в солнечные страны.

Кто счастливей на земле
Перелетных птиц, которым
Светит луч в осенней мгле
Над безжизненным простором!

Там вверху, среди облаков,
Есть усталым утешенье:
В ветре с дальних берегов —
Радость, вера, предвкушенье.

Каплет сырость на поля,
Черен лес, но все терплю я,
Видя в небе журавля,
Что на юг летит, ликуя.

Пусть по голому жнивью
Я весь день бродил в печали,
Вспоминал, как жизнь мою
С юных лет серпы срезали,

Пусть я в роще тосковал,
Что и сам под бурей вяну,
Если ветер бушевал,
Заноса листвою поляну,

Но теперь гоню печаль,
Забываю скорбный жребий,
Ибо сердце рвется вдаль
И поет, как птица в небе.

Да, как эти журавли,
Сердце мчатся вдаль готово,
К берегам иной земли,
Где весну я встречу снова.

НЕУДАЧНИК

Полжизни сдуру прочудил,
Без толку счастье просадил.
Бушует ветер по оврагу.
Итак, пора прибавить шагу.

Теперь попутны все ветра.
Но ведь окончена игра —
Не предаюсь пустой надежде
Вернуть утраченное прежде.

Я три мечты таил в груди:
В бою сражаться впереди,
Достойной ввериться подруге
Да сына нянчить на досуге.

Все три мечты сбылись не впрок,
Но я не жалею на рок,
Хотя несчастья злая сила
Их в три удара обратила.

Искал я славы на войне,
Но пуля там досталась мне,
Сынка похитила могила,
Моя жена мне изменила.

ТРИ ИНДЕЙЦА

Буря в небе мчится черной тучей,
Крутит прах, шатает лес дремучий,
Воеет и свистит над Ниагарой,
Тонкой плетью молнии лиловой
Люто хлещет вал белоголовый,
И бурлит он, полон злобы ярой.

Три индейских воина у берега
Молча внемлют реву водобега,
Озирают гребни скал седые.
Первый — воин, много испытавший,
Много в жизни бурь перевидавший,
Рядом с ним — два сына молодые.

На сынов глядит старик с любовью,
С тайной болью видит мощь сыновью,
В гордом сердце та же мгла и буря,
Словно туча, что чернее ночи,
Дико блещут молниями очи.
Говорит он, гневно брови хмурия:

«Белые! Проклятье вам веки!
Вам проклятье, голубые реки, —
Вы дорогой стали нищей своре!
Сто проклятий звездам путеводным,
Буйным ветрам и камням подводным,
Что воров не потопили в море!

Их суда — отравленные стрелы —
Вторглись в наши древние пределы,
Обрекли свободных рабской доле,
Все, чем мы владели, им досталось,
Нам лишь боль и ненависть осталась,
Так умрем, умрем по доброй воле!»

И едва то слово прозвучало,
Отвязали лодку от причала,
Отребли они на середину,
Обнялись, чтоб умереть не розно,
И запели песню смерти грозно,
Весла кинув далеко в пучину.

Гром гремит, и молния змеится,
Лодка смерти по реке стремится,
То-то чайкам-хищницам отрада!
И мужчины гибели навстречу,
С песней, будто в радостную сечу,
Устремились в бездну водопада.

СМОТРИ В ПОТОК

Кто знал, как счастья день бежит,
Кто счастья цену знает,
Взгляни в ручей, где все дрожит
И, зыблясь, исчезает.

Смотри, уйдет одна струя,
Придет струя другая,
И станет глуше скорбь твоя,
Утраты боль живая.

Рыдай над тем, что рок унес,
Но взор впери глубоко
Сквозь пелену горячих слез
В изменчивость потока.

Найдешь забвенье в глуби вод,
И сердцу будет зримо:
Сама душа твоя плывет
С ее печалью мимо.

ПЕЧАЛЬ НЕБЕС

На лике неба хмурой темной тучей
Блуждает мысль, минувшей бури след.
Под резким ветром бьется лист летучий,
Как сумасшедший, впавший в буйный бред.

Рыдает гром глухими голосами,
Чуть вспыхнув, меркнет бледный свет зарниц,
Порой в очах, наполненных слезами,
Так слабый луч дрожит из-под ресниц.

Над степью тени призрачные встали,
Сырой туман окутал все вокруг,
И небо смолкло в мертвенной печали,
Бессильно солнце выронив из рук.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Осень, тучи, ветра свист.
Одному в дороге трудно!
Смолкли птицы, вянет лист —
Ах, как тихо, как безлюдно!

Словно смерть, идет зима.
Лес мой, где твои напевы?
Где твой шелест, полутьма,
Золотые нивы, где вы?

В поле стал пастись туман,
Бесприютный холод бродит.
В голой роще, вдоль полян
Веет скорбью. Жизнь уходит.

Сердце, слышишь, как поток
По скалам грохочет грозно?
Был у нас немалый срок
Обсудить дела серьезно.

Сердце! Ты сожгло себя,
Всех терзало понемногу,
Многим верило, любя.
Что ж, пойдём-ка в путь-дорогу!

Я тебя на дальний путь
Спрячу вглубь, стяну потуже,
Чтоб ни ветру не дохнуть,
Не достать коварной стуже.

Молча мы в последний раз
Побредем тропой унылой.
Только дождь помянет нас
Да поплачет над могилой,

ТРИ ЦЫГАНА

Плелся, мучаясь, мой шарабан
Голой песчаной равниной.
Вдруг увидел я троих цыган
Под придорожной осиной.

Первый на скрипке играл. Озарен
Поздним вечерним багрянцем,
Сам для себя наяживал он,
Тешась огненным танцем.

Рядом сидел другой, с чубуком,
Молча курил на покое,
Радуясь, будто следить за дымком —
Высшее счастье людское.

Третий в свое удовольствие спал
На долгожданном привале.
Струны цимбал его ветер ласкал,
Сердце виденья ласкали.

Каждый носил цветное тряпье,
Словно венец и порфиру.
Каждый гордо делал свое
С вызовом богу и миру.

Трижды я понял, как счастье брать,
Вырваться сердцем на волю,
Как проспать, прокурить, проиграть
Трижды презренную долю.

Долго — уж тьма на равнину легла —
Мне чудились три цыгана:
Волосы черные, как смола,
И лица их цвета шафрана.

К ВЕСНЕ 1838 ГОДА

О весна, ведь ты пророк,
Так открой пути,
На которых мир бы мог
Счастье обрести!

Землю роя, лес губя,
Верный твой приют,
Гости, злые для т е б я , —
Рельсы — так и прут.

Скрежет, визг — не подходи!
Скошен старый бор.
Дроворубом впереди
Двигается топор.

Поддаваясь, дуб седой
Стонет и трещит.
Образ девы пресвятой
Здесь ему не щит.

Ты нежней, весна, прильни
К ним в последний раз!
Дуб и дева — где они?
Бьет прощальный час.

Поезд пулей полетит,
Ринувшись вперед.
Он цветов не пощадит,
Набожность убьет.

Но ведет ли этот бег
В милую страну,
Где Свободу человек
Примет, как жену,

И за боль твоих обид,
О, скажи, весна,
Вправду ль радость подарит
Людям та страна?

Или в этот райский сад
Людям не войти,
И лишь прибыль да разврат
Миру по пути?

Иль не шпалы все вперед
Гонит плут-кузнец,
А для мира цепь кует
Из конца в конец?

Как же встретишь ты, весна,
Свист, и гул, и дым?

Отвернешься ли, грустна,
Улыбнешься им?

Нынче так сияешь ты,
Слыша лязг болтов,
Что и в лучшие мечты
Верить я готов.

Так ликуют клест и чиж,
Так стучит желна!
Ты нам, Вольность, отворишь
Двери, как жена!

ХОЛОСТЯК

Не ждут ни дети, ни жена
Меня в мансарде голой,
Не знает нежных слов она
Иль беготни веселой.

Там не залает верный пес,
Товарищ престарелый.
Лишь дым — наперсник давних грез,
Да череп пожелтелый.

Кольцо в кольцо — уходит дым,
А тигель мозга бранный
Стоит пред зеркалом моим,
Как зеркало вселенной.

Я друга мудро усадил
На полку в назиданье.
Я смертью в сердце охладил
Палящее желанье.

Угрюмо созерцая кость
И тусклый облак дыма,
Мне третий друг, незримый гость,
Сказал неумолимо:

— На что жена, на что семья —
Случайный спутник в мире?
Как дым, уйдет душа твоя,
Рассеется в эфире.

И этот череп жил огнем
Высоких откровений,
И чья-то страсть курилась в нем,
Пылал в нем чей-то гений.

Пускал колечки Пан-старик
Из этой трубки хрупкой,
И смерть пришла в тот самый миг,
Как Пан расстался с трубкой.

Но череп — ныне мерзкий прах —
Блистал красой в те годы,
Когда он трубкой был в устах
У божества природы.

Исчез неведомый жилец,
О нем не вспомнят боле,
И мудрый был он иль глупец —
Для нас не все равно ли?

Не все ль, что в воздух выдул П а н , —
Нужда в людской пустыне,
Блаженство, боль душевных ран —
Не все ль забыто ныне?

И дым забыт, и жар забыт
В круженье урагана.
Их образ призрачный хранит
Одна лишь память Пана.

Мне не везло в моей судьбе,
Виной людская злоба.
Так не впущу и пса к себе,
Запрусь один до гроба.

И здесь умру в пустом доме
Бездетным нелюдимом...
Ну что ж! Пока чубук возьму
Да послежу за дымом,

ИЗ
ПОЛЬСКОЙ
ПОЭЗИИ

АДАМ МИЦКЕВИЧ

1798—1833

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана.
Безбрежен зелени — цветов и трав — разлив.
Качаясь, как ладья, возок плывет среди нив,
Скользит меж островов коралловых бурьяна.

Смеркается. Кругом ни тропки, ни кургана.
Жду путеводных звезд. Весь горизонт закрыв,
Алеют о б л а к а, — заря глядит в разрыв:
Зажегся на Днестре маяк близ Аккермана.

И все утихло. Стой! Я слышу, как скользнул
И притаился уж, как мотылек вспорхнул,
Как, недоступные глазам орла степного,

Курлычут журавли в померкшей вышине.
Так слух мой напряжен, что в этой тишине
Уловит зов с Литвы... Но в путь! Не слышно зова.

ШТИЛЬ НА ВЫСОТЕ ТАРКАНКУТА

Едва трепещет флаг. В полуденной истоме,
Как перси юные, колышется волна.
Так дева томная, счастливых грез полна,
Проснется, и вздохнет, и вновь отдастся дреме.

Подобно стягам в час, когда окончен бой,
Уснули паруса, шумевшие недавно,
Корабль, как на цепях, уснул, качаясь плавно.
Смеются путники. Зевает рулевой.

О море! Меж твоих веселых чуд подводных
Живет полип. Он спит при шуме бурь холодных,
Но щупальца спешит расправить в тишине.

О мысль! В тебе живет змея воспоминаний.
Недвижно спит она под бурями страданий,
Но в безмятежный день терзает сердце мне.

ПЛАВАНИЕ

Гремит! Как чудища, снуют валы кругом.
Команда, по местам! Вот вахтенный промчался,
По лесенке взлетел, на реях закачался
И, как в сетях, повис гигантским пауком.

Шторм! Шторм! Корабль трещит. Он бешеным
Метнулся, прынул вверх, сквозь пенный шквал ^{рывком}
Прорвался,
Расшиб валы, нырнул, на крутизну взобрался,
За крылья ловит вихрь, таранит тучи лбом.

Я криком радостным приветствую движенье,
Косматым парусом взвилось воображенье,
О счастье! Дух летит вослед мечте моей!

И кораблю на грудь я падаю, и, мнится,
Мою почуяв грудь, он полетел быстрей.
Я весел! Я могуч! Я волен! Я — как птица!

БУРЯ

В лохмотьях паруса, рев бури, свист и мгла.
Руль сломан, мачты треск, зловещий хрип насосов.
Вот вырвало канат последний у матросов.
Закат в крови померк, надежда умерла.

Трубит победу шторм! По водяным горам,
В кипящем хаосе, в дожде и вихре пены,
Как воин, рвущийся на вражеские стены,
Идет на судно смерть, и нет защиты нам.

Те падают без чувств, а те ломают руки,
Друзья прощаются в предчувствии разлуки.
Обняв свое дитя, молитвы шепчет мать.

Один на корабле к спасению не стремится,
Он мыслит: счастлив тот, кому дано молиться,
Иль быть бесчувственным, иль друга обнимать.

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Пилигрим

Аллах ли твердь воздвиг из ледяных громад,
Иль трон из мерзлых туч поставил серафимам?
Иль четверть суши Див нагромоздил над Крымом,
Чтоб звездам путь пресечь с восхода на закат?

Какое зарево! Ужель горит Царьград?
Иль там, где сходит ночь и мгла клубится дымом,
Аллах, чтобы светить мирам неисчислимым,
Украсил небосвод ярчайшей из лампад?

Мирза

Там был я. Там Зима сидит на льдистой круче,
Я лишь дохнул — и льдом покрылась борода.
Там клювы родников буравят наст колючий.

Там нет орлам пути, но я взошел туда.
И пусто было там. Лишь проплывали тучи,
И подо мной был мир, а надо мной — звезда.
То Чатырдаг!

Пилигрим

А-а!

БАХЧИСАРАЙ

Безлюден пышный дом, где грозный жил Гирей.
Трон славы, храм любви, — двory, ступени, входы,
Что подметали лбом паши в былые годы, —
Теперь гнездилище лишь саранчи да змей.

В чертоги вторгшийся сквозь окна галерей,
Захватывает плещ, карабкаясь на своды,
Творенья рук людских во имя прав природы.
Как Валтасаров перст, он чертит надпись: «Тлей!»

Не молкнет лишь фонтан в печальном запустенье —
Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленья:

О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!
Вам суждены века, а мне — одно мгновенье,
Но длятся дни мои, а вас пропал и след.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Умолк в мечети гул, расходится народ.
Изан уж не звучит, земля почиет в мире,
К рубиновой заре в серебряной порфире
Царь ночи, как жених к возлюбленной, идет.

Гаремом звезд его зажегся небосвод.
Одно лишь облачко в лазоревом эфире,
Как лебедь белая среди зеркальной шири,
Каймою золотой повитое, плывет.

А на дорогу тень легла от кипариса.
Над кровлей — минарет. За ним — громады гор,
Черны, как дьяволы в судилище Эвлиса.

Внезапно молния, пугая робкий взор,
С вершины прянула и, с быстротой фариса,
Зигзагом рассекла лазурной тьмы простор.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

Ты розой расцвела в садах чужой земли.
И ты мертва! Мелькнув чредой золотокрылой,
В твой мир года весны и молодости милой,
Как тайного червя, о прошлом боль внесли.

Дугою к северу мильоны звезд взошли.
Кто мог в одну стезю их слить волшебной силой?
Не ты ль огнем очей, потушенных могилой,
На Польшу яркий путь зажгла в ночной дали?

Как ты, о полька, здесь я кончу дни в забвенье,
Но, может быть, мой холм найдет безвестный друг,
Пришедший навестить твое уединенье,

И польской речи я родной услышу звук,
И в песне о тебе строкою вдохновенной
Поэт грядущих дней почтит мой прах смиренный.

МОГИЛЫ ГАРЕМА

Мирза — пилигриму

До срока срезал их в саду любви Аллах,
Не дав плодам созреть до красоты осенней.
Гарема перлы спят не в море наслаждений,
Но в раковинах тьмы и вечности — в гробах.

Забвенья пеленой покрыло время прах.
Над плитами — чалма, как знамя войска теней.
И начертал гяур для новых поколений
Усопших имена на гробовых камнях.

От глаз неверного стеной ревнивой скрыты,
У этих светлых струй, где не ступал порок,
О розы райские, вы отцвели, забыты.

Пришельцем осквернен могильный ваш порог.
Но он один в слезах глядел на эти плиты,
И я впустил его — прости меня, Пророк!

БАЙДАРЫ

Нешадно бью коня — летим во весь опор.
Земля плывет у ног и льнет к его копытам
То лесом, то тропой, то вздыбленным гранитом,
Движеньем образов пьяня мой дух и взор.

Конь в мыле, он храпит, не слушается шпор.
Мне ветер жжет лицо. Как в зеркале разбитом,
Уже бесцветные во тьме, пятном размытым,
Мелькают призраки лесов, долин и гор.

Мир спит, но я не сплю. Вот море предо мною.
На берег вал идет, как черная стена.
Я, руки вытянув, склоняюсь, иду к прибою.

Гремит, накрыв меня, и рушится волна.
О, если бы, как челн, закруженный стремниной,
Могла исчезнуть мысль хотя б на миг единый!

АЛУШТА ДНЕМ

С горы упал туман, как сброшенный халат.
Шумит, намаз творя, пшеница золотая.
Кладет поклоны лес, порой с кудрей роняя,
Как с четок дорогих, рубин или гранат.

В цветах земля. Цветы порхают и парят.
То вьются бабочки, как радуга живая,
Алмазным пологом все небо закрывая.
И сушит стрекоза крылатый свой наряд.

Лишь там, где лысый кряж глубоко вдался в море,
Отпрянет и на штурм идет опять волна,
Угрозу для земли тая в своем напоре.

Как тигра хищный глаз, мерцает глубина.
А дальше — гладь и блеск, и в голубом просторе
Играют лебеди близ мирного челна.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Дохнуло свежестью. Дневной свершив дозор,
Упал на Чатырдаг светильник мироздания,
Разбился, льет поток пурпурного сиянья
И гаснет. Путник вдаль вперил тревожный взор.

На доли ночь сошла. Черны уступы гор.
Все дремлет. В синей мгле слышней ручья дыханье.
И, словно музыка, цветов благоуханье
С душой таинственный заводит разговор.

Я сплю под крыльями безмолвия ночного.
Вдруг метеор блеснул, и, светом пробужден,
Я вижу в зареве и лес и небосклон.

Ночь! Одалиска-ночь! Ты вновь ласкать готова.
Ты, негой усыпив, зовешь для неги снова
И взором огненным желанный гонишь сон.

ЧАТЫРДАГ

Великий Чатырдаг, созвездий горних брат,
Утесов падишах и минарет вселенной!
Целую трепетно, ислама сын смиренный,
Подожвы скал твоих, заоблачных громад.

Ты словно Гавриил на страже райских врат,
И темный лес — твой плащ, и снег — тюрбан
надменный,
И, янычары бурь, свой жемчуг драгоценный
Вплетают молнии в твой сумрачный наряд.

Палит ли солнце нас, легла ли ночь на дол,
Жрет саранча наш хлеб, гяур ли жжет селенья, —
Бессмертный драгоман всего миротворенья,

Недвижный, и немой, и чуждый здешних зол,
Поправ грома, людей, их жалкие владенья,
Ты слушаешь Творца таинственный глагол.

ПИЛИГРИМ

У ног моих лежит волшебная страна,
Страна обилия, гостеприимства, мира.
Но тянется душа, безрадостна и сира,
В далекие края, в былые времена.

Литва! В твой темный лес уносится она
От соловьев Байдар, от смуглых дев Салгира.
Мне ближе зелень мхов, чем в небе цвет сапфира,
Чем апельсиновых рощ багрец и желтизна.

Оторван от всего, что мне навеки свято,
Средь этой красоты я вновь грущу о ней,
О той, кого любил на утре милых дней.

Она в родном краю, куда мне нет возврата.
Там все кругом хранит печать любви моей,
Но помнит ли она? Тяжка ли ей утрата?

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

Мирза

Молись! Поводья кинь! Смотри на лес, на тучи,
Но не в провал! Здесь конь разумней седока.
Он глазом крутизну измерил для прыжка,
И стал, и пробует копытом склон сыпучий.

Вот прыгнул — не гляди! Во тьму потянет с кручи!
Как древний Аль-Кайр, тут бездна глубока.
И рук не простирай — ведь не крыло рука.
И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.

Как якорь, мысль твоя стремглав пойдет ко дну,
Но дна не досягнет, и хаос довременный
Поглотит якорь твой и челн затянет вслед.

Пилигрим

А я глядел, мирза! Но лишь гробам шепну,
Что различил мой взор сквозь трещину вселенной:
На языке живых — и слов подобных нет.

ГОРА КИКИНЕИЗ

Ты видишь небеса внизу, на дне провала?
То море. Присмотрись: на грудь его скала
Иль птица, сбитая перунами, легла
И крылья радугой стоцветной разметала?

Иль это риф плывет в оправе из опала?
Не риф, но туча там. Она, как ночи мгла,
Полмира тенью крыл огромных облекла.
А вот и молния, — видал, как засверкала?

Но конь твой пятится, — тут пропасть, осади!
Пусть он, как мой скакун, возьмет ее с размаха;
Я прыгаю! Сперва исчезну, но следы:

Мелькнет моя чалма — ударь коня без страха
И, шпоры дав, лети, лишь призови аллаха!
А не мелькнет — вернись: тут людям нет пути!

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Обломки крепости, чья древняя громада,
Неблагодарный Крым, твой охраняла сон.
Гигантским черепом торчащий бастион,
Где ныне гад живет и люди хуже гада.

Всхожу по лестнице. Тут высилась аркада.
Вот надпись. Может быть, герой здесь погребен?
Но имя, бывшее грозой земных племен,
Как червь, окутано листьями винограда.

Где италийский меч монголам дал отпор,
Где греки свой глагол на стенах начертали,
Где путь на Мекку шел и где намаз читали, —

Там крылья черный гриф над городом простер,
Как черную хоругвь, безмолвный знак печали,
Над мертвым городом, где был недавно мор.

АЮДАГ

Мне любо, Аюдаг, следить с твоих камней,
Как черный вал идет, клубясь и нарастая,
Обрушится, вскипит и, серебром блистая,
Рассыплет крупный дождь из радужных огней.

Как набежит второй, хлестнет еще сильнее,
И волны от него, как рыб огромных стая,
Захватят мель и вновь откатятся до края,
Оставив гальку, перл или коралл на ней.

Не так ли, юный бард, любовь грозой летучей
Ворвется в грудь твою, закроет небо тучей,
Но лиру ты берешь — и вновь лазурь светла,

Не омрачив твой мир, гроза отбушевала,
И только песни нам останутся от шквала —
Венец бессмертия для твоего чела.

ИЗ
ВЕНГЕРСКОЙ
ПОЭЗИИ

ШАНДОР ПЕТЕФИ

1823—1849

АИСТ

На свете много птиц, по-разному их славят,
По-разному худят.
Одним всего милей красивый голос птицы,
Другим — ее наряд.
Моя бедна, как я, не знает звучных песен,
Не блещет красотой.
Наполовину бел, наполовину черен
Убор ее простой.

Чудесный аист мой! В семье друзей пернатых
Он многих мне милей,
Крылатое дитя моей земли прекрасной,
Моих родных степей.
Быть может, аиста лишь оттого люблю я,
Что вырос вместе с ним,
Что забавлял меня, еще младенца в люльке,
Он шелканьем своим.

Со мной делил он жизнь. Когда, бывало, с поля,
Подняв веселый шум,
Мальчишки вечером в деревню гнали стадо, —
Мечтательно-угрюм,
Я уходил грустить под камышовым стогом,
Часами наблюдать,
Как дети моего любимца просят пищи,
Как пробуют летать.

И там я размышлял, досуг мой коротая,
В сгущающейся мгле:
Зачем, бескрылые, всю жизнь обречены мы
Влачиться по земле?
Любая даль земли ногам людей доступна,
Простор любых широт.
Но не в земную даль — в небесные высоты
Мечта меня зовет.

Взлететь бы к солнцу, ввысь, и поглядеть, умчавшись
В лазурные поля,
Как в шляпе, сотканной из воздуха и света,
Красуется земля.
Когда же, все в крови, закатывалось солнце,
Тьмой ночи сражено,
Я думал: верно, всем, кто людям свет приносит,
Погибнуть суждено.

Радужной осени ждут не дождутся дети:
Она идет, как мать,
С корзиной, полною плодов и винограда,
Питомцев угощать.
И только я врага в ней чувствовал: на что мне
Подарки сентября,
Когда мой лучший друг, мой аист, улетает
За дальние моря!

Следил я, как шумят, летят, несутся стаи
Неведомо куда.
Не так ли ныне я слежу, как жизнь и юность
Уходят навсегда!
Чернели на домах покинутые гнезда,
Сквозь слезы я глядел,
И мне предчувствие, подобно ветру, пело:
Таков и твой удел!

Когда ж весной вдруг земля освобождалась
От шубы снеговой
И надевала вновь свой доломан зеленый
С цветами и травой,
О, и моя душа, ликуя, надевала
Свой праздничный наряд.
Я за околицу бежал, чтоб видеть первым,
Как аисты летят.

Но детство минуло, и юность удалая
Грозой пришла ко мне.
Вот у кого земля горела под ногами!
На диком скакуне,
Поводья опустив, любил я вольно мчаться
Один в глуши степей,
И, закатав штаны, за мною гнался ветер,
Но конь мой был быстрее.

О степь, люблю тебя! Лишь ты душе приносишь
Свободу и простор.
Среди твоих равнин ничем не скован разум,
Не ограничен взор.
Не тяготят меня безжизненные скалы,
Как неотвязный сон.
Звнящий водопад на память не приводит
Цепей унылый звон.

Иль некрасива степь? О нет, она прекрасна,
Но надо знать ее.
Она, как девушка, стыдливо под вуалью
Таит лицо свое.
Она решается, подняв вуаль, лишь другу
Открыть свои черты,
И ты в смятении внезапно видишь фею
Волшебной красоты.

Люблю я степь мою! Я всю ее объездил
На огненном коне.
В глуши, где, хоть умри, следа людей не сыщешь,
Скакать случилось мне.
Я спрыгивал с коня, над озером валялся
В густой траве степной.
И как-то раз гляжу — и вижу: что за чудо!
Мой аист предо мной.

Он прилетел ко мне. С тех пор мы полюбили
Вдвоем в степи мечтать.
Я, лежа, созерцал вдали фата-моргану,
Он — озерную гладь.
Так неразлучно с ним провел я детство, юность,
Он был мне друг и брат.
И я люблю его, хоть не поет он песен
И прост его наряд.

О милый аист мой! Ты все мое богатство,
Все, что осталось мне
От незабвенных дней, которые провел я
В каком-то сладком сне.
Пора прилета птиц! Зимой твержу, тоскуя:
«Приди, скорей приди!»
А осенью, мой друг, тебе вослед шепчу я:
«Счастливого пути!»

ВЕНГЕРЕЦ Я!

Венгерец я! На свете нет страны,
Что с Венгрией возлюбленной сравнится.
Природой все богатства ей даны,
В ней целый мир, прекрасный мир таится.
Все есть у нас: громады снежных гор,
Что из-за туч глядят на Каспий дальный,
Степей ковыльных ветровой простор,
Бескрайный, бесконечный, безначальный.

Венгерец я! Мне дан суровый н р а в , —
Так на басах сурова наша скрипка.
Забыл я смех, от горьких дней устав,
И на губах — лишь редкий гость улыбка.
В веселый час я горько слезы лью,
Не веря в улыбнувшееся счастье,
Но смехом я скрываю скорбь м о ю , —
Мне ненавистны жалость и участие.

Венгерец я! За морем прошлых дней
Я, гордый, вижу скалы вековые —
Деянья славной родины моей,
Твои победы, Венгрия, былые.
Европу сотрясала наша речь,
Мы были не последними на свете.
Дрожали все, узнав венгерский меч,
Как молнией напуганные дети.

Венгерец я! Но что моя страна!
Лишь призрак жалкий славного былого!
На свет боится выглянуть она:
Покажется — и исчезает снова.
Мы ходим все, пригнувшись до земли,
Мы прячемся, боясь чужого взора,
И нас родные братья облекли
В одежды униженья и позора.

Венгерец я! Но стыд лицо мне жжет.
Венгерцем быть мне тягостно и стыдно!
Для всех блистает солнцем небосвод,
И лишь у нас еще зари не видно.

Но я не изменю стране родной,
Хотя бы мир взамен мне обещали!
Все силы — ей, всю душу — ей одной,
Сто тысяч раз любимой в дни печали!

ТИСА

Пал на землю сумрак пеленой,
Тихо плещет Тиса предо мной.
Резвый Тур, что к матери ребенок,
К ней стремится, говорлив и звонок.

Средь размытых берегов река
Катится, прозрачна, широка,
Не сломает солнца луч волною,
Не рассеет пеной кружевною.

И лучи на рдяной глади вод
Завели, как феи, хоровод.
И звенят невидимые хоры,
И бряцают крохотные шпоры.

И ковром по самый край земли
Золотые травы залегли.
А поля просторны и широки,
И на них снопы — что в книге строки.

Дальше, величавый и немой,
Дремлет лес, внизу окутан тьмой,
Только кроны от зари багровы,
Будто кровь струится из дубровы.

С берега склонились над водой
Ивы да орешник молодой,
А в просвете рдеет сквозь верхушки
Тусклый шпиль в далекой деревушке.

Словно память о златых часах,
Плыли тучки, рдея в небесах.
Сквозь туман мечтательные взоры
Мне кидали Мрамороша горы.

Все молчало. Замерла вода,
Лишь свистела птица иногда.
Как комар, вдали, не уставая,
Мельница жужжала луговая.

К берегу напротив, из села,
Девушка с кувшином подошла,
На меня взглянула, наклонилась,
Зачерпнула, быстро удалилась.

Я молчал, не двигаясь во мгле,
Будто вдруг прикованный к земле,
Заглядысь в темнеющие воды,
Опьяненный красотой природы.

О природа, с языком твоим
Наш язык могучий несравним,
Ты молчишь, но речи бессловесной
Внемлет слух, как музыке чудесной.

Я добрался к ночи в хутора,
Ужинал плодами у костра,
Ярким жаром ветви трепетали,
Долго мы с друзьями толковали.

«Но скажите, — молвила друзьям, —
Чем же Тиса досадила вам,
Почему всегда она в ответе?
Ведь покорней нет реки на свете».

Через три или четыре дня
На заре набат поднял меня,
Крик: «Снесло! Прорвало! Горе, горе!»
Глянув в окна, я увидел — море,

Тиса будто цепи сорвала,
Всю плотину в щепки разнесла,
Разлилась, не ведая предела,
Проглотить весь мир она хотела,

ДОБРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Злых учителей там было
Много — не дай боже!
Но один попался добрый,
Один бы л , — а все же.

Я его отлично помню.
Чуть глаза закрою,
Вот он, сгорбленный да лысый,
Сидит предо мною.

То, что лысый — божья воля,
Как винить за это!
Старый холостяк, забыл он
Весну свою, лето.

Розы вешние завяли,
Лишь одна осталась —
На носу его алела
Да все разрасталась.

Что ни день, то расцветала
В свежести невинной.
И какой же нос не цвел бы
От поливки винной?

Грех сказать, а норов странный
У цветка такого:
Дай ему росу из бочки —
Не спросит другого!

А под носом усы были
Черны да колючи.
Один ус — веслом в землю,
Другой — веслом в тучи.

Под усами — рот, как плошка,
В нем чубук дымился.
Мундштук толстый — для лопаты
Как раз бы годился.

Доломан его линиялый
Был ровесник Ною.
Я подобного не видел
По цвету и крою.

На нем, как башка у турка,
Пуговицы были.
Верно, в старину такими
Басурманов били.

Весь он был сутажем вышит.
Узор — расчудесный!
В том узоре заблудился б
Даже гром небесный.

Штаны узкие, наверно,
Сшил ему портняга,
Все-таки они болтались
От каждого шага.

Много с ним возни мне б ы л о , —
А что тут смешного?
Он-то заслужил уж л а с к и , —
Добряк, одно слово!

Школьникам такой и нужен —
Рассудите сами:
Книги у него валялись
Под столом годами.

Если я не знал урока,
Он утешит сразу.
«Ладно, — с к а ж е т , — приготовишь
Мне к другому разу».

И за это для бедняги
Я сделал немало.
Все какой-нибудь подарок
Принесу, бывало:

Из его трубы копченых
Колбас наворую
И ему д а р ю , — он счастлив,
А я с ним пирую.

БРОДЯГА

Если денег нет в кармане,
Нет и в брюхе ни черта!
У меня в кармане пусто —
Вот и в брюхе пустота.

Я на голод не в обиде,
Хоть не ел уже два дня:
Кто-нибудь на белом свете
Пообедал за меня.

Завтра, завтра есть я буду
(Коль достану что-нибудь),
Сладкой матери-надежды
Пососу покуда грудь.

У меня в желудке пусто,
Но зато полны глаза:
Каждый миг от этой стужи
Застилает их слеза.

И пускай, пускай морозит!
Подгоняет холодок!
С ним короче до трактира,
А трактир еще далек.

Ну-тка, серая, гнедая,
Ну-тка, ноги, побыстрей!
Что за кони, просто прелесть:
Не корми да не жалей!

Левый оттого и серый,
Правый оттого гнедой,
Что вчера, продрав штанину,
Я кусок пришил с другой.

У меня костюм был новый,
Был он крепок да хорош,
Так, чтоб он не истрепался,
Я спустил его за грош.

А чтоб вор меня не грабил, —
Эх, провел я подлеца! —
Отдал в первом же трактире
Грош мой за стакан винца.

Пусть теперь наскочит кулиг,
Пусть хоть грош отыщет он,
Я ему в награду тут же
Отчитаю сотню крон.

Но не вор в карман мой лезет,
Шарит ветер мокрый там.
Брось ты, ветер, эти штуки,
Право, шлепну по рукам!

Шутка шуткой, а погоду
За разбой бы да под суд!
Ливень, холод, снег да ветер —
Одного четыре бьют!

И босой по лужам е д у , —
Впрочем, этак лучше мне:
В сапогах сегодня плавать
Мокро было бы вдвойне.

Так пускай хохочет ветер
Оттого, что я промок.
Он когда-нибудь мне тоже
Попадется на зубок.

Бог пошлет мне мастерскую
С теплой печью, в два окна,
Будет в ней светло и чисто,
Будут дети и жена.

А тогда уж, если ветер
Взвоят у моих окон,
Засвищу ему я в рожу,
Чтоб со злости лопнул он.

* * *

Осенний ветер шелестит в деревьях,
Так тихо-тихо шепчется с листвою.
Не слышно слов, но грустные деревья
В ответ ему качают головой.
Я на диване растянусь удобно.
День гаснет. Скоро вечер. Тишина.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Рукой счастливой слышу колыханье
Ее груди. В моей руке другой
История сражений за свободу —
Молитвенник и катехизис мой.
В душе моей гигантскою кометой
Горят его живые письма.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Народ, покорный бешенству тирана,
В сраженья гонят золото и кнут.
А вольность? За одну ее улыбку
Герои в бой бестрепетно идут
И принимают, как цветы от милой,
И смерть и раны, что дарит она.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Так много славных, о святая вольность,
Пошли на смерть для дела твоего!
И пусть победы нет — победа будет!
Последний бой сулит нам торжество.
Ты отомстишь за раненых и мертвых,
И будет месть прекрасна и страшна!
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Передо мной кровавой панорамой
Встают виденья будущих времен:
В своей крови враги свободы тонут,

От тирании мир освобожден.
Стук сердца моего подобен грому,
И молниями грудь рассечена.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

ИЗ
АНГЛИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

ДЖОН МИЛЬТОН

1608—1674

АЛЛЕГРО

Печаль-губительница, прочь!
Ужасный призрак, Тьмой бездонной
В стигийской пропасти от Цербера рожденный,
Там, где лишь стон теней глухую будит ночь,
Ступай в пустыни Киммерии,
Где крылья мрак простер над сумрачной
страной,

Где ворон каркает ночной,
Где все мертво, лишь гор сухие скаты
От терниев, как ты, косматы, —
Уйди туда, во льды, в снега немые!
Ты ж, Эвфрозина, ты в мой дом
Сойди прекрасным божеством
И в сердце радость лей без меры.
Сестра двух граций, дочь Венеры,
Которую застиг врасплох
Венчанный хмелем пьяный бог,
Иль ветер (по словам поэта)
Весной, в туманный час рассвета,
Когда Аврора с высоты
Сошла на луг собирать цветы,
Там, среди роз и незабудок,
Девичий усыпил рассудок
И стал отцом тебе, чей нрав,
Как ветер, легок и лукав.
Приди, о нимфа! С громким смехом
Влеку веселье вслед по телям, —
И танцев шум, и вихрь проказ,
И спор, и сговор быстрых глаз,
И песнь, и шутки, и остроты —
Врагов морщинистой заботы,
И все, что в ямочках таит
Близ губ соперница Харит.
Стопой воздушной, будто в пляске,

Приди, полна любви и ласки,
И в наш разгульный юный хор
Введи Свободу — нимфу гор.
Когда ж вам почести воздам я,
Прими певца под ваше знамя,
Дай мне прожить остаток дней
Средь вольных нег с тобой и с ней,
Следить, как жаворонок вьется,
Как тьмы ночной завеса рвется,
И он, приветствуя восход,
С дозорной вышки песнь поет;
Как в тусклом блеске перламутра,
Печали враг, восходит утро
И мне сквозь плющ и виноград
В окно кидает первый взгляд,
А уж петух, вдогонку ночи
Прокукарекав что есть мочи,
Ведет кудахтающих дам
К желтеющим вдали скирдам
И медлит, важно ставя н о г у , —
Блуждать, прислушиваясь к рогу
И к лаю отдаленных псов
Во мгле разбуженных лесов,
Или брести по мшистым склонам,
Стеною вязов затененным,
Туда, к восточной стороне,
Где небосвод уже в огне
И, под лучами солнца тая,
Редет легких тучек стая.
А в поле пахарь уж свистит
И плугом землю бороздит,
Косарь уж косу точит бодро,
В село несет доярка ведра,
Пастух на тонкий звук рожка
Коров выводит из леска.
Как на ладони вся округа:
Лиловость рощи, зелень луга
Да белизна овечьих стад —
Все очаровывает взгляд.
Ты видишь гор нагие кручи,
Где в складках отдыхают тучи,
Уют ручьев, реки простор,
Покосов блекнувший ковер,
И башни на холмах лесистых,

Да замок средь аллеи тенистых,
Где бродит дева-красота,
Соседа юного мечта...
Дымит под старым темным кленом
Очаг в домишке трехконном,
И, кухни запахом пленен,
Торопит Тирзу Коридон.
Обед, хотя простой, но вкусный,
Филида им рукой искусной
Сварила и, прибрав весь дом,
Снопы вязать ушла потом,
Как шла косить в исходе мая,
За Фестилидой попевая.
Но вот и отдыху черед.
Воскресный колокол зовет
К иным отрадам миротворным.
Уже с утра в селенье горном
Трехструнка, лихо зазвенев,
Скликает юношей и дев
Плясать и петь в лесок дубовый.
И стар и млад играть готовы
И тешить праздничную лень,
Покуда длится летний день.
Но вот огни зажглись в деревне.
Пора потолковать в харчевне,
Вчера у кузнеца весь хлеб
И сливки съела фея Мэб,
Тот черта разглядел в бучиле,
Ту тискали, щипали, били,
А тот видал, как домовой,
Оброк сдавая годовой,
Пудовый цеп спроворил где-то,
Промолотил всю ночь до света,
Набил зерном полста мешков,
Как десять дюжих батраков,
Опорожнил, мохнач, бутылку,
Решив поспать, залез в сушилку,
Вскочил, заслышав петухов,
Собрал свой харч и был таков.
Но полночь. Кружки опустели.
Зовут рассказчиков постели.
А мы с тобою — в мир другой,
К отрадам жизни городской,
Где присмиревшие бароны

Теперь к турнирам мирным склонны,
В кругу прекрасных дам, чей взор
Сулит иль славу, иль позор,
Когда умы в пылу сраженья
Ждут, как мечи, ее решенья.
Сюда в одежде древних дней
Приходит часто Гименей
С пирами, с факелами, в пляске,
Ведя языческие маски,
Как в роще майской над ручьем
Мечтает юный бард о нем.
Тут сходит к нам с подмостков бурных
Ученый Джонсон на котурнах.
Воображенью дав полет,
Шекспир лесную песнь поет.
Назло бытийственным досадам
Пьяни мой дух лидийским ладом
Беспечно-буйных строф твоих,
И пусть широкий, плавный стих,
В самом спокойствии мятежный,
Своею точностью небрежной
Сближая дерзость и расчет,
Путем извилистым течет,
Твоих, Гармония святая,
Волшебных уз не разрывая,

Верь, сам Орфей, когда бы он
Сквозь элизийский томный сон
Услышал вдруг такие звуки,
Проснулся бы для новой муки,
Как прежде, в Орк сойти готов,
Чтоб волшебством бессмертных строф
Склонить подземного владыку
Вернуть под солнце Эвридику.

За эти блага бытия,
О Радость, твой до гроба я!

ДЖОНАТАН СВИФТ

1667—1746

БАСНЯ О МИДАСЕ

(На герцога Мальборо лорда Черчилля, чье имя как мошенника и казнокрада стало нарицательным)

Жил-был на свете царь Мидас.
Он чудеса творил не раз:
Он воду, камень, сажу, мел —
Все сделать золотом умел.
Отломит хлеб — и не безделка:
Полна дублонами тарелка,
Простое яблоко берет,
А сунет золотое в рот,
Наденет шляпу — шлем Мамбрена
Уже блестит на нем отменно,
Возьмет овса иль гречки сноп,
Глядишь — а он монеты среб.
С того и сказ пошел когда-то:
Мол, счастье — все равно что злато!
Он был везучим дураком,
А порешили все кругом,
Что он мудрец. И захотели
Кифары бог и бог свирели,
А проще — Пан и Аполлон,
Чтоб разрешил их тяжбу он:
Кто из двоих сильнее талантом?
Кому быть первым музыкантом?

Мидас послушал их, зевнул
И лавры Пану протянул,
Все чары струн отдать готовый
За трель свистульки тростниковой.
Как дернет за уши в ответ
Мидаса гневный Кифаред!
Была отомщена кифара:
Ушей прямых и длинных пара —
Их ни позолотить, ни скрыть —

Судьи вознаградила прыть.
Ему пришлось в колпак рядиться.
Решил пойти в Пактол помывшись —
И взяли волны у него
Дар делать злато из всего.
С тех пор — от богачей до голи —
Все ищут свой профит в Пактоле.
В золотобрызгущей реке
И в золотом ее песке,
Спеша свою пополнить кассу
Уже без зависти к Мидасу,
Поняв — таков всеобщий г л а с , —
Что он осел, судья Мидас.

Так, друг читатель, и ведется:
Подобный лидер попадется
И, смотришь, действует как раз,
Как этот самый царь Мидас.
Обходит без труда законы —
Подарки, взятки, пенсии
С живого, с мертвого дерет,
И от всего ему доход.
На деньги нюх имеет лисий,
Умеет брать процент с комиссий
И делать золотом само
Обыкновенное дерьмо.
А люди голодают в массе,
Как было и при том Мидасе.

К тому ж Мидасы новых дней
Хотя наглей, но не умней,
И совесть говорит в них глуше.
Они уже не прячут уши.
Их стало много, ибо там,
Где счета нет любим скотам,
Где столько глупого народу,
Один не делает погоду.
И мало одного осла,
Чтоб жизнь ослиною была.
А впрочем, много рук иль мало,
Всегда их золото марало,
И грязь отмыть — свидетель бог —
Британский наш Мидас не смог,
Хоть руки тер он что есть мочи,

Пока сенат и дни и ночи
Шумел, грозя прищучить сброд,
Который грабит весь народ.

Вот так Мидас и достарался,
Он замести следы пытался,
И уносила без следа
Все, что наградил он, вода.
Все уплывало без оглядки:
Проценты, пенсии, взятки,
Лишь грязь вода не унесла,
Да уши выдают осла.
Все то, чем он владел, готовы
Поймать другие рыболовы,
А наш Мидас, как столб, стоит,
Людьми осмеян и забыт.

СЭМЮЕЛЬ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ

1772—1834

СКАЗАНИЕ О СТАРОМ МОРЕХОДЕ В СЕМИ ЧАСТЯХ

Facile credo, plures esse Naturas invisibiles quam visibiles in rerum universitate. Sed horum omniam familiam quis nobis enarrabit? et gradus et cognationes et discrimina et singulorum mimera? Quid agunt? quae loca habitant? Harum rerum notitiam semper ambivit ingenium humani, nunquam attigit. Juvat, interea, non difficile, quandoque in animo, tanquam in tabula, majoris et melioris mundi imaginem contemplari: ne mens assuefacta hodiernae vitae minutiis se contrahat nimis, et tota subsidat in pusillas cogitationes. Sed veritati interea invigilandum est, modusque servandus, ut certa ab incertis, diem a nocte, distinguamus. — T. Burnet. *Archeol. Phil.*, p. 68.¹

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

О том, как корабль, перейдя Экватор, был занесен штормами в страну вечных льдов у Южного полюса; и как оттуда корабль проследовал в тропические широты Великого, или Тихого, океана; и о странных вещах, которые приключились; и о том, как Старый Мореход вернулся к себе на родину.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Старый Мореход встречает трех юношей, званых на свадебный пир, и останавливает одного из них.

Вот Старый Мореход. Из тьмы
Вонзил он в Гостя взгляд.
«Кто ты? Чего тебе, старик?
Твои глаза горят!»

¹ Я охотно верю, что во вселенной есть больше невидимых, чем видимых существ. Но кто объяснит нам все их множество, характер, взаимные и родственные связи, отличительные признаки и свойства каждого из них? Что они делают? Где обитают? Человеческий ум лишь скользил вокруг ответов на эти вопросы, но никогда не постигал их. Однако, вне всяких сомнений, приятно иногда рисовать своему мысленному взору, как на картине, образ большего и лучшего мира: чтобы ум, привыкший к мелочам обыденной жизни, не замкнулся в слишком тесных рамках и не погрузился целиком в мелкие мысли. Но в то же время нужно постоянно помнить об истине и соблюдать должную меру, чтобы мы могли отличить достоверное от недостоверного, день от ночи. — Т. Барнет. *Философия древности*, с. 68 (*лат.*).

Живей! В разгаре брачный пир,
Жених — мой близкий друг.
Все ждут давно, кипит вино,
И весел шумный круг».

Тот держит цепкою рукой.
«И б ы л , — он мол в и т , — бриг».
«Пусти, седобородый шут!»
И отпустил старик.

Брачный Гость зачаро-
ван глазами Старого Мо-
рехода и принужден вы-
слушать его рассказ.

Горящим взором держит он,
И Гость не входит в дом;
Как зачарованный стоит
Пред Старым Моряком.

И, покорён, садится он
На камень у ворот,
И взором молнию метнул
И молвил Мореход:

«В толпе шумят, скрипит канат,
На мачте поднят флаг.
И мы плывем, вот отчий дом,
Вот церковь, вот маяк.

Мореход рассказывает,
что корабль плыл к югу,
и был попутный ветер и
спокойное море, и вот
подошли к Экватору.

И Солнце слева поднялось,
Прекрасно и светло,
Сияя нам, сошло к волнам
И справа вглубь ушло.

Все выше Солнце с каждым днем,
Все жарче с каждым днем...»
Но тут рванулся Брачный Гость,
Услышав трубный гром.

Брачный Гость слышит
свадебную музыку, но
Мореход продолжает
свой рассказ.

Вошла невеста в зал, свежа,
Как лилия весной.
Пред ней, раскачиваясь в такт,
Шагает хор хмельной.

Туда рванулся Брачный Гость,
Но нет, он не уйдет!
И взором молнию метнул
И молвил Мореход:

Буря уносит корабль
к Южному полюсу.

«И вдруг из царства зимних вьюг
Примчался лютый шквал,
Он злобно крыльями нас бил,
Он мачты гнул и рвал.

Как от цепей, от рабьих уз,
Боясь бича изведать вкус,
Бежит, сраженье бросив, трус,
Наш бриг летел вперед,
Весь в буре порванных снастей,
В простор бушующих зыбей,
Во мглу полярных вод.

Вот пал туман на океан, —
О, чудо! — жжет вода!
Плывут, горя, как изумруд,
Сверкая, глыбы льда.

Страна льда и пугающего гула,
где нет ни одного живого существа.

Средь белизны, ослеплены,
Сквозь дикий мир мы шли
В пустыни льда, где нет следа
Ни жизни, ни земли.

Где справа лед и слева лед,
Лишь мертвый лед кругом,
Лишь треск ломающихся глыб,
Лишь грохот, гул и гром.

И вдруг большая морская птица,
называемая Альбатросом,
прилетела сквозь снеговой туман.
Ее встретили с великой радостью,
как дорогого гостя.

И вдруг, чертя над нами круг,
Пронесся Альбатрос,
И каждый, белой птице рад,
Как будто был то друг иль брат,
Хвалу Творцу вознес.

Он к нам слетал, из наших рук
Брал непривычный корм,
И с грохотом разверзся лед,
И наш корабль, войдя в пролет,
Покинул царство льдистых вод,
Где бесновался шторм.

И слушай! Альбатрос оказался
птицей добрых предзнаменований.
Он стал сопровождать корабль,
который сквозь туман и плавучие
льды направился обратно к северу.

Попутный ветер с юга встал,
Был с нами Альбатрос,
И птицу звал, и с ней играл,
Кормил ее матрос.

Лишь день уйдет, лишь тень падет,
Наш гость уж на корме.
И девять раз в вечерний час,
Луна, сопровождая нас,
Всходила в белой тьме».

Старый Мореход, нарушая закон гостеприимства, убивает благотворящую птицу, которая приносит счастье.

«Как странно смотришь ты, Моряк, Иль бес тебя мутит? Господь с тобой!» — «Моей стрелой Был Альбатрос убит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И справа яркий Солнца диск
Взошел на небосвод.
В зените долго медлил он
И слева, кровью обагрен,
Упал в пучину вод.

Нас ветер мчит, но не слетит
На судно Альбатрос,
Чтоб корму дал, чтоб с ним играл,
Ласкал его матрос.

Товарищи Морехода бранят его за то, что он убил птицу добрых предзнаменований.

Когда убийство я свершил,
Был взор друзей суров:
Мол, проклят тот, кто птицу бьет,
Владычицу ветров.
О, как нам быть, как воскресить
Владычицу ветров?

Но туман рассеялся, они стали оправдывать Морехода и тем самым приобщились к его преступлению.

Когда ж Светило дня взошло,
Светло, как божие чело,
Посыпались хвалы:
Мол, счастлив тот, кто птицу бьет,
Дурную птицу мглы.
Он судно спас, он вывел нас,
Убил он птицу мглы.

Ветер продолжается. Корабль входит в Тихий океан и плывет к северу, пока не достигает Экватора.

И бриз играл, и вал вставал,
И плыл наш вольный сброд
Вперед, в предел безмолвных вод,
Непройденных широт.

Корабль внезапно останавливается.

Но ветер стих, но парус лег,
Корабль замедлил ход,

И все заговорили вдруг,
Чтоб слышать хоть единый звук
В молчанье мертвых вод!

Горячий медный небосклон
Струит тяжелый зной.
Над мачтой Солнце все в крови,
С Луну величиной.

И не плеснет равнина вод,
Небес не дрогнет лик.
Иль нарисован океан
И нарисован бриг?

И начинается месть за
Альбатроса.

Кругом вода, но как трещит
От сухости доска!
Кругом вода, но не испить
Ни капли, ни глотка.

И мнится, море стало гнить, —
О Боже, быть беде!
Ползли, росли, сплетясь в клубки,
Слипались в комя слизняки
На слизистой воде.

Виясь, крутясь, кругом зажглась
Огнями смерти мгла.
Вода — бела, желта, красна,
Как масло в лампе колдуна,
Пылала и цвела.

Их преследует Дух, один
из тех незримых обита-
телей нашей планеты,
которые суть не души
мертвых и не ангелы.
Чтобы узнать о них, чи-
тай ученого еврея Иоси-
фа и константинополь-
ского платоника Михаи-
ла Пселла. Нет стихии,
которой не населяли бы
эти существа.

Матросы, придя в отчая-
ние, хотят взвалить всю
вину на Старого Морехо-
да, в знак чего они при-
вязывают ему на шею
мертвого Альбатроса.

И Дух, преследовавший нас,
Являлся нам во сне.
Из царства льдов за нами плыл
Он в синей глубине.

И каждый смотрит на меня,
Но каждый — словно труп.
Язык, распухший и сухой,
Свисает с черных губ.

И каждый взгляд меня клянет,
Хотя молчат уста.
И мертвый Альбатрос на мне
Висит взамен креста.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Старый Мореход замечает нечто странное вдали над водой.

Пришли дурные дни. Гортань
Суха. И тьма в глазах.
Дурные дни! Дурные дни!
Какая тьма в глазах!
Ио вдруг я что-то на заре
Заметил в небесах.

Сперва казалось — там пятно
Иль сгусток мглы морской,
Нет, не пятно, не мгла — предмет.
Предмет ли? Но какой?

Пятно? Туман? Иль парус? — Нет!
Но близится, плывет.
Ни дать ни взять, играет эльф,
Ныряет, петли вьет.

И когда загадочное пятно приближается, он различает корабль. И дорогой пеной освобождает он речь свою из плена жажды.

Из наших черных губ ни крик,
Ни смех не вырвался в тот миг,
Был нем во рту и мой язык,
Лишь искривился рот.
Тогда я палец прокусил,
Я кровью горло оросил,
Я крикнул из последних сил:
«Корабль! Корабль идет!»

Луч радости.

Они глядят, но пуст их взгляд,
Их губы черные молчат,
Но я услышан был,
И словно луч из туч блеснул,
И каждый глубоко вздохнул,
Как будто пил он, пил...

И снова ужас, ибо какой корабль может плыть без волн и ветра?

«Друзья (кричал я), чей-то барк!
Мы будем спасены!»
Но он идет, и поднят киль,
Хотя кругом на сотни миль
Ни ветра, ни волны.

Он видит только очертания корабля.

На западе пылал закат
Кроваво-золотой.
Пылало Солнце — красный круг

Над красною водой,
И странен черный призрак был
Меж небом и водой.

И ребра корабля чернеют,
как тюремная решетка
пред ликом заходящего Солнца.

И вдруг (Господь, Господь,
внемли!)

По Солнцу прутья поползли
Решеткой, и на миг
Как бы к тюремному окну,
Готовый кануть в глубину,
Припал горящий лик.

Плывет! (бледнея, думал я)
Ведь это чудеса!
Там блещет паутинок сеть —
Неужто паруса?

И что там за решетка вдруг
Замглила Солнца свет?
Иль это корабля скелет?
А что ж матросов нет?

Только Женщина-Призрак
и ее помощница Смерть,
и никого нет больше
на призрачном корабле.

Там только Женщина одна.
То Смерть! И рядом с ней
Другая. Та еще страшней,
Еще костлявей и бледней —
Иль тоже Смерть она?

Каков корабль, таковы
корабельщики!

Кровавый рот, незрячий взгляд,
Но космы золотом горят.
Как известь — кожи цвет.
То Жизнь-и-в-Смерти, да, она!
Ужасный гость в ночи без сна,
Кровь леденящий бред.

Смерть и Жизнь-и-в-Смерти
играют в кости, и ставят они
на экипаж корабля, и она (вторая)
выигрывает Старого Морехода.

Барк приближался. Смерть и Смерть
Играли в кости, сев на жердь.
Их ясно видел я.
И с хохотом вскричала та,
Чьи красны, точно кровь, уста:
«Моя взяла, моя».

Нет сумерек после захода
Солнца.

Погасло Солнце, — в тот же миг
Сменился тьмою свет.

Уплыл корабль, и лишь волна
Шумела грозно вслед.

И восходит Месяц.

И мы глядим, и страх в очах,
И нам сердца сжимает страх,
И бледен рулевой,
И тьма, и плещут паруса,
И звучно каплет с них роса,
Но вот с востока разлился
Отенок золотой,
И Месяц встал из облаков
С одной звездой между рогов,
Зеленою звездой.

Один за другим

И друг за другом все вокруг
Ко мне оборотились вдруг
В ужасной тишине,
И выражал немой укор
Их полный муки тусклый взор,
Остановясь на мне.

его товарищи падают
мертвыми.

Их было двести. И без слов
Упал один, другой...
И падающей глины стук
Напомнил их паденья звук,
Короткий и глухой.

И Жизнь-и-в-Смерти на-
чинает вершить кару
над Старым Мореходом.

И двести душ из тел ушли —
В предел добра иль зла?
Со свистом, как моя стрела,
Тяжелый воздух рассекли
Незримые крыла».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Брачный Гость пугается,
думая, что говорит с
Призраком.

«Пусти, Моряк! Страшна твоя
Иссохшая рука.
Твой мрачен взор, твой лик темней
Прибрежного песка.

Но Старый Мореход,
убедив его в своей те-

Боюсь твоих костлявых рук,
Твоих горящих глаз!»
«Не бойся, Брачный Гость, — увы!
Я выжил в страшный час.

лесной жизни, продол-
жает свою страшную
исповедь.

Он презирает тварей,
порожденных Спокойст-
вием,

и сердится, что *они*
живы, меж тем как
столько людей погибло.

В мертвых глазах чита-
ет он свое проклятие.

И в своем одиночестве
и в оцепенении своем
завидует он Месяцу и
Звездам, пребывающим
в покое, но вечно дви-

Один, один, всегда один,
Один и день и ночь!
И бог не внял моим мольбам,
Не захотел помочь!

Две сотни жизней Смерть взяла,
Оборвала их нить,
А черви, слизи — все живут,
И я обязан жить!

Взгляну ли в море — вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг —
Но трупы вокруг лежат.

На небеса гляжу, но нет
Молитвы на устах,
Иссохло сердце, как в степях
Сожженный Солнцем прах.

Заснуть хочу, но страшный груз
Мне на зеницы лег:
Вся ширь небес и глубь морей
Их давит тяжестью своей,
И мертвецы — у ног!

На лицах смертный пот блестел,
Но тлен не тронул тел.
Как в смертный час, лишь Гнев
из глаз
В глаза мои глядел.

Страшись проклятья сироты —
Святого ввергнет в ад!
Но верь, проклятье мертвых глаз
Ужасней во сто крат:
Семь суток смерть я в них читал
И не был смертью взят!

А Месяц яркий плыл меж туч
В глубокой синеве,
И рядом с ним плыла звезда,
А может быть, и две.

жущимся. Повсюду принадлежит им небо, и в небе находят они кров и приют, подобно желанным владыкам, которых ждут с нетерпением и чей приход приносит тихую радость. При свете Месяца он видит божьих тварей, рожденных великим Спокойствием.

Блестела в их лучах вода,
Как в инее — поля,
Но, красных отсветов полна,
Напоминала кровь волна
В тени от корабля.

А там, за тенью корабля,
Морских я видел змей.
Они вздымались, как цветы,
И загорались их следы
Мильонами огней.

Везде, где не ложилась тень,
Их различал мой взор.
Сверкал в воде и над водой
Их черный, синий, золотой
И розовый узор.

Их красота и счастье.

О, счастье жить и видеть мир —
То выразить нет сил!
Я ключ в пустыне увидел —
И жизнь благословил.
Я милость неба увидел —
И жизнь благословил.

Он благословляет их в сердце своем.

И чарам наступает конец.

И бремя сбросила душа,
Молитву я вознес,
И в тот же миг с меня упал
В пучину Альбатрос,

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О, сон, о, благодатный сон!
Он всякой твари мил.
Тебе, Пречистая, хвала,
Ты людям сладкий сон дала,
И сон меня сморил.

Милостью Пречистой
Матери Старого Морехода
освежает дождь.

Мне снилось, что слабеет зной,
Замглился небосвод.
И в бочках плещется вода.
Проснулся — дождь идет,

Язык мой влажен, рот мой свеж,
До нитки я промок,
И каждой порой тело пьет
Животворящий сок.

Встаю — и телу так легко:
Иль умер я во сне?
Или бесплотным духом стал
И рай открылся мне?

Он слышит какие-то звуки и видит странное движение в небесах и в стихиях.

Но ветер прошумел вдали,
Потом опять, опять,
И шевельнулись паруса
И стали набухать.

И воздух ожил в вышине!
Кругом зажглись огни.
Вблизи, вдали — миллион огней,
Вверху, внизу, средь мачт и рей,
Вкруг звезд вились они.

И ветер взвыл, и паруса
Шумели, как волна.
И ливень лил из черных туч,
Средь них плыла Луна.

Грозой разверзлись недра туч,
Был рядом серп Луны.
Воздвиглась молнии стена,
Казалось, падала она
Рекою с крутизны.

В трупы корабельной
команды вселяется
жизнь, и корабль несет-
ся вперед;

Но вихрь не близился, и все ж
Корабль вперед несло!
А мертвецы, бледны, страшны,
При блеске молний и Луны
Вздохнули тяжело.

Вздохнули, встали, побрели,
В молчанье, в тишине.
Я на идущих мертвецов
Смотрел, как в страшном сне.

А ветер стих, но бриг наш плыл,
И кормчий вел наш бриг,

Матросы делали свое,
Кто, где и как привык.
Но каждый был, как манекен,
Безжизнен и безлик.

Сын брата моего стоял
Плечо к плечу со мной.
Один тянули мы канат,
Но был он — труп немой.»

но не души людские, не
демоны земли или сре-
динной сферы воздуха
вселяются в них, а духи
небесные, блаженные
духи, посланные заступ-
ничеством святых.

«Старик, мне страшно!» —
«Слушай, Гость,
И сердце успокой!
Не души мертвых, жертвы зла,
Вошли, вернувшись, в их тела,
Но светлых духов рой.

И все, с зарей оставив труд,
Вкруг мачты собрались,
И звуки сладостных молитв
Из уст их полились.

И каждый звук парил вокруг —
Иль к Солнцу возлетал.
И вниз неслись они чредой
Иль слитые в хорал.

Лилась то жаворонка трель
С лазоревых высот,
То сотни щебетов иных,
Звонящих в зарослях лесных,
В полях, над зыбью вод.

То флейту заглушал оркестр,
То пели голоса,
Которым внемля в светлый день
Ликуют небеса.

Но смолкло все. Лишь паруса
Шумели до полдня.
Так меж корней лесной ручей
Бежит, едва звеня,
Баюкая притихший лес
И в сон его клоня.

И до полудня плыл наш бриг,
Без ветра шел вперед,
Так ровно, словно кто-то вел
Его по глади вод.

Послушный силам небесным,
одиноким Дух Южного полюса
ведет корабль к Экватору,
но требует мести.

Под килем, в темной глубине,
Из царства вьюг и тьмы
Плыл Дух, он нас на север гнал
Из южных царств зимы.
Но в полдень сникли паруса,
И сразу стали мы.

Висел в зените Солнца диск
Над головой моей,
Но вдруг он, словно от толчка,
Сместился чуть левей
И тотчас — верить ли глазам? —
Сместился чуть правей,

И, как артачающийся конь,
Рывком метнулся вбок.
Я в тот же миг, лишившись чувств,
Упал, как сбитый с ног.

Демоны, послушные Духу Южного полюса,
незримые обитатели стихий,
беседуют о его мстительном замысле,
и один из них рассказывает
другому, какую тяжелую
долгую епитимию назначил
Старому Мореходу Полярный Дух,
возвращающийся ныне к югу.

Не знаю, долго ль я лежал
В тяжелом, темном сне.
И, лишь с трудом открыв глаза,
Сквозь тьму услышал голоса
В воздушной вышине.

«Вот он, вот он, — сказал один, —
Свидетелем Христос —
Тот человек, чьей злой стрелой
Загублен Альбатрос.

Любил ту птицу мощный Дух,
Чье царство — мгла и снег.
И птицей был храним он сам,
Жестокий человек».

И голос прозвенел другой,
Ио сладостный, как мед:
«Он кару заслужил свою
И кару понесет».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Первый голос

«Не умолкай, не умолкай,
Не исчезай в тумане —
Чья сила так стремится корабль?
Что видно в океане?»

Второй голос

«Смотри — как пред владыкой раб,
Смиренно замер он,
И глаз огромный на Луну
Спокойно устремлен.

Губителен иль ясен путь —
Зависит от Луны.
Но ласково глядит она
На море с вышины.»

Мореход лежит без
чувств, ибо сверхъесте-
ственная сила стремится
корабль к северу быст-
рее, чем это способна
выдержать человеческая
природа.

Первый голос

«Но чем, без ветра и без волн,
Корабль вперед гоним?»

Второй голос

«Пред ним разверстый, воздух вновь
Смыкается за ним.

Назад, назад! Уж поздно, брат,
И скоро день вернется,
Все медленней пойдет корабль,
Когда Моряк проснется».

Сверхъестественное дви-
жение замедлилось. Мо-
реход очнулся, и возоб-
новляется ему назначен-
ная епитимья.

Я встал. Мы полным ходом шли
При Звездах и Луне.
Но мертвецы брели опять,
Опять брели ко мне.

Как будто я — их гробовщик,
Все стали предо мной.
Зрачки окаменелых глаз
Сверкали под Луной.

В глазах застыл предсмертный
страх,
И на устах — укор.
И ни молиться я не мог,
Ни отворотить мой взор.

Неистовый бег прекра-
тился.

Но кара кончилась. Чиста
Была кругом вода.
Я вдаль глядел, хоть страшных чар
Не стало и следа, —

Так путник, чей пустынный путь
Ведет в опасный мрак,
Раз обернется и потом
Спешит, ускорив шаг,
Назад не глядя, чтоб не знать,
Далек иль близок враг.

И вот бесшумный, легкий бриз
Меня овеял вдруг,
Не зыбля, не волнуя гладь,
Дремавшую вокруг,

Он в волосах моих играл
И щеки освежал.
Как майский ветер, был он тих,
И страх мой исчезал.

Так быстр и легок, плыл корабль,
Покой и мир храня.
Так быстр и легок, веял бриз,
Касаясь лишь меня.

И Старый Мореход ви-
дит свою отчизну.

Я сплю? Иль это наш маяк?
И церковь под холмом?
Я вновь на родине моей,
Я узнаю свой дом,

Я, потрясенный, зарыдал!
Но в гавань мы вошли...
Всевышний, разбуди меня
Иль сон навек продли!

Весь берег в лунный свет одет,
И так вода ясна!
И только тени здесь и там
Раскинула Луна.

И холм и церковь так светлы
В сияющей ночи.
И спящий флюгер серебрят
Небесные лучи.

Духи небесные покидают
мертвые тела и появляются
в своем собственном
лучезарном облике.

От света бел, песок блестел,
И вдруг — о, дивный миг!
В багряных ризах сонм теней
Из белизны возник.

Невдалеке от корабля —
Багряный сонм теней.
Тут я на палубу взглянул —
О Господи, на ней

Лежали трупы, но клянусь,
Клянусь крестом твоим:
Стоял над каждым в головах
Небесный серафим.

И каждый серафим рукой
Махнул безмолвно мне,
И был чудесен их привет,
Их несказанный, странный свет,
Как путь к родной стране.

Да, каждый мне рукой махал
И звал меня без слов.
Как музыка, в моей душе
Звучал безмолвный зов.

И я услышал разговор,
Услышал плеск весла
И, обернувшись, увидал:
За нами лодка шла.

Рыбак с сынишкой в ней сидел,
О, доброта Творца!
Такую радость не убьет
Проклятье мертвеца!

И третий был Отшельник там,
Сердец заблудших друг.
Он в славословиях Творцу
Проводит свой досуг.
Он смоем Альбатроса кровь
С моих преступных рук.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Лесной Отшельник

Отшельник тот в лесу живет
На берегу морском.
Он славит Божью благодать,
И он не прочь потолковать
С заезжим моряком.

Он трижды молится на дню,
Он трав язык постиг,
И для него замшелый пенъ —
Роскошный пуховик.

Челн приближался, и Рыбак
Сказал: «Но где ж огни?
Их столько было! Как маяк,
Горели здесь они».

в изумлении приближа-
ется к кораблю.

«Ты п р а в , — Отшельник отвечал, —
И видят небеса:
Не отзывается никто
На наши голоса.
Но как истрепан весь корабль,
Истлели п а р у с а , —

Как листья мертвые в лесу,
Что вдоль ручья лежат,
Когда побегу снег накрыл,
И филины кричат,
И в мерзлой чаще воев волк
И жрет своих волчат».

«Вот страх-то! — бормотал Рыбак. —
Господь, не погуби!»
«Греби! — Отшельник приказал
И повторил: — Греби!»

Челнок подплыл, но я не мог
Ни говорить, ни встать.
Челнок подплыл. И вдруг воды
Заволновалась гладь.

Внезапно корабль идет
ко дну.

Старого Морехода спа-
сают, он поднят в лодку
Рыбака.

В пучине грянул гром, вода
Взметнулась в высоту,
Потом разверзлась, и корабль
Свинцом пошел ко дну.
Остолбенеv, когда удар
Сотряс гранит земной,
Я, словно семидневный труп,
Был унесен волной.
Но вдруг почувствовал сквозь мрак,
Что я в челне, и мой Рыбак
Склонился надо мной.

Еще бурлил водоворот,
И челн крутился в нем,
Но стихло все. Лишь от холма
Катился эхом гром.

Я рот раскрыл — Рыбак упал,
На труп похожий сам.
Отшельник, сидя, где сидел,
Молился небесам.

Я взял весло, но тут малыш
От страха одурел.
Вращал глазами, хохотал
И бледен был как мел.
И вдруг он завопил: «Го го!
На весла дьявол сел!»

И я на родине опять,
Я по земле могу ступать,
Я вновь войду в свой дом!
Отшельник, выйдя из челна,
Стал на ноги с трудом.

Старый Мореход молит
Отшельника выслушать
его исповедь.

«Внемли, внемли, святой отец!»
Но брови сдвинул он:
«Скорее говори — кто ты?
И из каких сторон?»

И здесь его настигает
возмездие.

И непрестанная тревога
заставляет его скитаться
из края в край.

И собственным примером
учит он людей любить
и почитать всякую
тварь, которую создал
и возлюбил Всевышний.

И тут я, пойманный в силки,
Волнуюсь и спеша,
Все рассказал. И от цепей,
От страшной тяжести своей
Избавилась душа.

Но с той поры в урочный срок
Мне боль сжимает грудь.
Я должен повторить рассказ,
Чтоб эту боль стряхнуть.

Брожу, как ночь, из края в край
И словом жгу сердца
И среди тысяч узнаю,
Кто должен исповедь мою
Прослушать до конца.

Какой, однако, шумный пир!
Гостями полон двор.
Невеста и жених поют,
Подхватывает хор.
Но, слышишь, колокол зовет
К заутрене в собор.

О Брачный Гость, я был в морях
Пустынных одинок.
В таких морях, где даже Бог
Со мною быть не мог.

И пусть прекрасен этот пир,
Куда милей — пойми! —
Пойти молиться в Божий храм
С хорошими людьми.

Пойти со всеми в светлый храм,
Где Бог внимает нам,
Пойти с отцами и детьми,
Со всеми добрыми людьми,
И помолиться там.

Прощай, прощай, и помни, Гость,
Напутствие мое:
Молитвы до Творца дойдут,
Молитвы сердцу мир дадут,

Когда ты любишь всякий люд
И всякое зверье.

Когда ты молишься за них
За всех, и малых и больших,
И за любую плоть,
И любишь все, что сотворил
И возлюбил Господь».

И Старый Мореход побрел, —
Потух горящий взор.
И удалился Брачный Гость,
Минуя шумный двор.

Он шел бесчувственный, глухой
К добру и недобру.
И все ж другим — умней, грустней —
Проснулся поутру.

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

1770—1850

* * *

Монашке мил свой нищий уголок,
В пещерной тьме аскет не знает скуки,
Мила студенту цитадель науки,
Девушка любит прялку, ткач — станок.

Пчела, трудясь, летит искать цветок
На дикий Фернс, — жужжит, и в этом звуке
Лишь радость, ни усталости, ни муки.
И кто в тюрьме свой дом увидеть смог,

Тот не в тюрьме. Вот почему не ода,
Но тесного сонета краткий взлет
И в радостях мне люб, и средь невзгод.

И кто, как я (не шутит ли природа!),
Горюет, что стеснительна свобода,
В сонете утешение найдет.

НА ЛИКВИДАЦИЮ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 1802 г.

И часовым для Запада слыла,
И мусульман надменных подчинила.
Венеция! Ни ложь врага, ни сила
Ее дела унизить не могла.

Она Свободы первенцем была,
Рождению своему не изменила,
Весь мир девичьей красотой пленила
И с морем вечным под венец пошла.

Но час настал роскошного заката —
Ни прежней славы, ни былых вождей!
И что ж осталось? Горечь и расплата,

Мы — люди! Пожалеем вместе с ней,
Что все ушло, блиставшее когда-то,
Что стер наш век и тень великих дней.

ТРОСЕКС

Тут горы встали в грозном торжестве,
Тут храм для всех, достигших перевала,
Чье лето — в прошлом, осень миновала,
И жизнь подобна вянущей траве,

Еще недавно свежей. О, как мало,
В искусственности наших модных зал,
Мы ценим счастье жить среди гор и скал,
Среди озер, чью гладь не оскверняло

Ничье дыханье. Трижды счастлив тот,
Пред кем осина дрогнет золотая
(В художествах октябрь — соперник мая)

И гостя красногрудая вспорхнет,
Задумчивую песню напевая,
Баюкая состарившийся год.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СОНЕТ РЕКЕ ДАДДОН

В прощальный час, мой друг и спутник мой,
Иду к т е б е . — Напрасное влеченье!
Я вижу, Даддон, все в твоём теченье,
Что было, есть и будет впредь со мной.

Ты катишь воды, вечный, озорной,
Даруешь вечно жизнь и обновление,
А мы — мы сила, мудрость, устремленье,
Мы с юных лет зовем стихии в бой,

И все-таки мы смертны. — Да свершится!
Но не обижен, кто хоть малый срок
Своим трудом служить потомству мог,

Кто и тогда, когда близка гробница,
Любовь, Надежду, Веру — все сберег.
Не выше ль он, чем смертным это мнится!

АНГЛИЯ, 1802 г.

Скажи, мой друг, как путь найти прямой,
Когда притворство — общая зараза,
И делают нам жизнь — лишь для показа —
Портной, сапожник, повар и лакей.

Скользи, сверкай, как в ясный день ручей,
Не то пропал! В цене — богач, пролаза.
Величье — не сюжет и для рассказа,
Оно не тронет нынешних людей.

Стяжательство, грабеж и мотовство —
Кумиры наши — то, что нынче в силе.
Высокий образ мыслей мы забыли.

Ни чистоты, ни правды — все мертво!
Где старый наш святой очаг семейный,
Где прежней веры дух благоговейный?

СОНЕТ, НАПИСАННЫЙ НА ВЕСТМИНСТЕРСКОМ МОСТУ 3 СЕНТЯБРЯ 1802 ГОДА

Нет зрелища пленительней! И в ком
Не дрогнет дух бесчувственно-упрямый
При виде величавой панорамы,
Где утро — будто в ризы — все кругом

Одело в Красоту. И каждый дом,
Суда в порту, театры, башни, храмы,
Река в сверканье этой мирной рамы,
Все утопает в блеске голубом.

Нет, никогда так ярко не вставало,
Так первозданно солнце над рекой,
Так чутко тишина не колдовала,

Вода не знала ясности такой.
И город спит. Еще прохожих мало,
И в Сердце мощном царствует покой.

* * *

Моя любовь любила птиц, зверей,
Цветы любила, звезды, облака.
Я знал, что твари все знакомы ей,
Но не случилось видеть светлячка.

Ненастной ночью, едучи домой,
Я вижу вдруг зеленый луч у пня.
Гляжу — светляк! Вот радость, боже мой!
Обрадованный, прыгнул я с коня.

Я положил жучка на мокрый лист
И взял с собой в ненастье, в ночь его.
Он был все так же зелен и лучист,
Светил — и не боялся ничего.

Подъехав к дому Люси, я тайком
Прошел к ней в сад, хотя был еле жив,
Жучка оставил под ее окном
На ветке и ушел, благословив.

Весь день я ждал, надежду затая,
И ночью в сад пустился поскорей.
Жучок светился. «Люси!» — крикнул я.
И так был рад, доставив радость ей!

ТЫ ВСЕ МОЛЧИШЬ!..

Ты все молчишь! Как быстро отцвела
Твоя любовь, не выдержав дыханья
Разлуки, растоптав воспоминанья,
Отвергла долг и дар свой отняла.

Но в горький плен мой разум ты взяла,
Тебе служить — иного нет желанья!
И хоть сожгла ты прошлое дотла,
Душа, как нищий, просит подаянья,

Ответь! — Пусть сердце, пылкое тогда,
Когда мы страстным предавались негам,
Пустым, холодным стало навсегда, —

Гнездо в лесу, засыпанное снегом,
В глухом лесу, где замер каждый звук.
Ответь, молю, не для жестоких мук!

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

1792—1822

ОБЛАКО

Я влагой свежей морских прибрежий
Кроплю цветы весной,
Даю прохладу полям и стаду
В полдневный зной.
Крыла раскрою, прольюсь росой,
И вот ростки взошли,
Поникшие сонно на жаркое лоно
Кружащейся в пляске Земли.
Я градом хлестну, как цепом по гумну,
И лист побелеет и колос.
Я теплым дождем рассыплюсь кругом,
И смех мой — грома голос.
Одену в снега на горах луга,
Застонут кедры во мгле,
И в объятых метели, как на белой постели,
Я сплю на дикой скале.
А на башнях моих, на зубцах крепостных
Мой кормчий — молния ждет.
В подвале сыром воеет скованный гром
И рвется в синий свод.
Над сушей, над морем, по звездам и зорям
Мой кормчий правит наш бег,
Внемля в высях бездонных зовам дивов

влюбленных —

Насельников моря и рек.
Под водой, в небесах, на полях, в лесах,
Ночью звездной и солнечным днем,
В недрах гор, в глуби вод, мой видя полет,
Дух, любимый им, грезит о нем
И следит, как бегу я, грозя и ликуя,
Расточаясь шумным дождем.

Из-за дальних гор, кинув огненный взор,
В красных перьях кровавый восход

Прыгнул, вытеснив тьму, на мою корму,
Солнце поднял из дальних вод.
Так могучий орел кинет хмурый дол
И взлетит, золотясь, как в огне,
На утес белоглавый, сотрясаемый лавой,
Кипящей в земной глубине.
Если ж воды спят, если тихий закат
Льет на мир любовь и покой,
Если, рдян и блестящ, алый вечера плащ
Упал на берег морской,
Я в воздушном гнезде дремлю в высоте,
Как голубь, укрытый листвою.

Дева с огненным ликом, в молчанье великом
Надо мной восходит луна.
Льет лучей волшебство на шелк моего
Разметенного ветром руна.
Пусть незрим ее шаг, синий гонит он мрак,
Разрывает мой тонкий шатер,
И тотчас же в разрыв звёзды, дух затаив,
Любопытный кидают взор.
И гляжу я, смеясь, как теснятся, роясь,
Миллионы огненных пчелок.
Раздвигаю мой кров, что сплетен из паров,
Мой, ветрами развеванный, полог,
И тогда мне видна рек, озер глубина,
Вся в звездах, как неба осколок.
Лик луны я фатой обовью золотой,
Алой ризой — солнечный трон.
Звезды меркнут, отпрянув, гаснут жерла вулканов,
Если бурей стяг мой взметен.
Солнце скрою, над бездной морскою
Перекину гигантский пролет
И концами на горы, не ища в них опоры,
Лягу, чудом воздвигнутый свод.
Под сияюще-яркой триумфальною аркой
Пролечу, словно шквал грозовой,
Приковав неземные силы зыбкой стихии
К колеснице своей боевой.
Арка блещет, горит и трепещет,
И ликует мир подо мной.

Я вздымаюсь из пор океана и гор,
Жизнь дают мне земля и вода,

Постоянства не знаю, вечно облик меняю,
Зато не умру никогда.
Ибо в час после бури, если солнце — в лазури,
Если чист ее синий простор,
Если в небе согретом, создан ветром и светом,
Возникает воздушный собор,
Я смеюсь, уходя из царства дождя,
Я, как тень из могилы, встаю,
Как младенец из чрева, в мир являюсь без гнева
И сметаю гробницу мою.

ЖАВОРОНОК

Здравствуй, дух веселый!
Взвившись в высоту,
На леса, на доли,
Где земля в цвету,
Изливай бездумно сердца полноту!

К солнцу с трелью звучной,
Искрой огневой!
С небом неразлучный,
Пьяный синевои,
С песней устремляйся и в полете пой!

Золотятся нивы,
В пламени восток,
Ты взлетел, счастливый,
От забот далек,
Радости надмирной маленький пророк.

Сквозь туман пурпурный
К небесам родным!
В вышине лазурной,
Как звезда, незрим,
Ты поешь, восторгом полный неземным.

Ты не луч ли диска,
Что для смертных глаз
Ал, когда он низко,

Бел в полдневный час,
Еле видим в блеске и лишь греет нас.

Звон твой полнит воздух,
Высь и глубь до дна
И в ночи при звездах,
В час, когда, ясна,
Мир потопом света залила луна.

Кто ты? С кем в природе
Родственен твой род?
Дождь твоих мелодий
Посрамил бы счет
Струй дождя, бегущих с облачных высот.

Ты как бард, который,
Светом мысли скрыт,
Гимны шлет в просторы,
Будит тех, кто спит,
Ждет ли их надежда, страх ли им грозит;

Как в высокой башне
Юная княжна,
Что леса и пашни
Видит из окна
И поет, любовью и тоской полна;

Как светляк зеленый,
Вспыхнувший в тени
Рощи полусонной,
Там, где мох да пни,
Разбросавший в травах бледные огни;

Как цветы, в которых
Любит ветер и грать, —
Роз охватит ворох,
Станет обрывать,
Пьяный их дурманом легкокрылый тать.

Шорох трав и лепет
Светлого ручья,
Все, в чем свет и трепет,
Радость бытия,
Все вместить сумела песенка твоя.

Дух ты или птица?
Чей восторг людской
Может так излиться,
С нежностью такой
Славить хмель иль гимны петь любви самой?

Свадебное пенье
Иль победный хор —
Все с тобой в сравненье
Неумелый вздор.
Твой соперник выйдет только на позор,

В чем исток счастливый
Песенки твоей?
В том, что видишь нивы,
Ширь равнин, морей?
Что без боли любишь, без людских страстей?

Словно утро, ясный,
Светлый, как рассвет,
Скуке непричастный
Радости поэт,
Чуждый пресыщенья, чуждый бурь и бед.

В вечной круговерти
Даже в смертный час
Думаешь о смерти
Ты мудрее нас,
Оттого так светел твой призывный глас.

Будет или было —
Ни о чем наш стон!
Смех звучит уныло,
Болью отягчен.
Вестник мрачных мыслей наш сладчайший
сон.

Гордостью томимы,
Смутным страхом гроз,
Если рождены мы
Не для войн и слез,
Как познать нам радость — ту, что ты
принес?

Больше книг, цветущих
Мудростью сердец,
Больше строф поющих
Дар твой чтит певец,
Ты, презревший землю, бардов образец

Дай мне эту радость
Хоть на малый срок,
Дай мне блеск и сладость
Сумасшедших строк,
Чтоб, как ты поэта, мир пленить я мог.

СТАНСЫ 14 АПРЕЛЯ 1814 г.

Скорей! Торфяник черен под луной!
Последний робкий луч зари, сгущаясь, поглотила мгла.
Предгрозовые ветры стонут и нагнетают мрак ночной.
Скорей! Останний свет вечерний погас — на землю тьма
легла.

Не медли! Пробил час! Ты слышишь крик: скорей!
Не пробуждай слезою скудной мой дух — он очерствел
и смолк.

Угасший взор Любви не смеет тебя смущать мольбой своей,
Так в одиночество вернись — ты преступила долг.

Скорей! скорей! В пустой угрюмый дом!
Там будешь слезы угрызений над очагом остывшим лить
И тени милые скликать и провожать их, сон за сном,
Печальных радостей запутывая нить.

Осенний лес тебя осыплет поблекшей, мертвою листвою,
Весна росистые цветы раскинет под твоей ногой,
Но ты, красавица, ты прежде узнаешь холод гробовой,
Чем полночь встретится и полдень, чем ты и твой покой.

Есть отдых у полуночных теней,
Усталый ветер в море спит, и в небесах — луна.
Для океана отдых есть под солнцем ясных, теплых дней,
У мысли, у труда, у горя есть время отдыха и сна.

Твой отдых лишь в гробу, но верь: покуда здесь блуждают
тени
Всего, за что любила ты свой дом и сад, болото, луг,
Ты будешь вспоминать для горьких сожалений
Одной улыбки нежный свет и двух признаний каждый звук.

ОЗИМАНДИЯ

Мне странник рассказал: в полуденной пустыне,
Я видел — две ноги громадные стоят,
И не найти ни рук, ни туловища ныне.
В песке — кусок лица. Жестокий, властный взгляд.
Свидетельствует рот о дьявольской гордыне.
Так, жар чужой души резцом похитив смело,
Живое в неживом художник воссоздал.
Но прахом стал колосс, распались дух и тело,
Лишь надпись сохранил надменный пьедестал:
«Я — Озимандия, я царь земных царей.
Бессильна мощь владык пред волею моей».
И что ж! Кругом следы гигантского крушенья,
Бесплодный, выжженный простор нагих степей,
И стелется песок без жизни, без движенья.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

1788—1824

* * *

Когда б я мог в морях пустынных
Блуждать, опасностью шутя,
Жить на горах, в лесах, в долинах,
Как беззаботное дитя,
Душой, рожденной для Свободы,
Сменить наперекор всему
На первобытный рай природы
Надменной Англии тюрьму!

Дай мне, Судьба, в густых дубравах
Забыть рабов, забыть вельмож,
Лакеев и льстецов лукавых,
Цивилизованную ложь —
Дай мне над грозным океаном
Бродить среди угрюмых скал,
Где, не знаком еще с обманом,
Любил я, верил и мечтал.

Я мало жил, но сердцу ясно,
Что мир мне чужд, как миру я.
Ищу, гляжу во тьму — напрасно:
Он скрыт, порог небытия.
Я спал и видел жизнь иную,
Мне снилось: вот он, Счастья ключ!
Зачем открыл мне ложь земную
Твой, Правда, ненавистный луч!

Любил я — где мои богини?
Друзья — друзей пропал и след.
Тоскует сердце, как в пустыне,
Где путнику надежды нет.
Порою боль души глухую
Смирит вино на краткий срок,

И смех мой весел, я пирую,
Но сердцем — сердцем одинок.

Как скучно слушать за стаканом
Того, кто нам ни друг, ни враг,
Кто приведен богатством, саном
В толпу безумцев и гуляк.
О, где же, где надежный, верный
Кружок друзей найти б я мог?
На что мне праздник лицемерный,
Веселья ложного предлог!

А ты, о Женщина, не ты ли
Источник Жизни, Счастья, Сил!
Но я — все чувства так остыли! —
Твою улыбку разлюбил.
Без сожалений свет мишурный
Сменил бы я на мир другой,
Чтоб на груди стихии бурной
Желанный обрести покой.

Туда, к великому безлюдью!
Я к людям злобы не таю,
Но дух мой дышит полной грудью
Лишь в диком, сумрачном краю.
О, если б из юдоли тесной,
Как голубь в теплый мир гнезда,
Уйти, взлететь в простор небесный,
Забыв земное навсегда!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОД СТАРЫМ ВЯЗОМ НА КЛАДБИЩЕ ХАРРОУ

Родная сень! К земле клоня листы,
Под вешним ветром тихо ропщешь ты,
А я — один — сижу в тени твоей,
Где встарь шумел веселый круг друзей, —
Тех, кто, быть может, в дальней стороне
О прошлых днях грустят, подобно мне.
Сюда взойдя извилистой тропой,
Как сладостно люблюсь я тобой,
Мой старый вяз, чей шелест влек меня
Мечтать на склоне меркнувшего дня!

Здесь надо мною тот же темный свод,
Здесь тот же мир, лишь я теперь не тот.
А ветви тихо стонут в вышине,
О днях былых напоминая мне,
И говорят: пока ты здесь, поэт,
Прими последний дружеский привет!

Я знаю, в час, назначенный судьбой,
Остынет грудь, страстей умрет прибой.
И мнится мне: отрадней смерти ж д а т ь , —
Ах, если смерть отрадой может стать! —
Коль сердцу там могила суждена,
Где лучшие знавал ты времена,
Где молод был, где счастлив был не р а з , —
Там будет легче встретить смертный час.

Пуškai же здесь, где праздновал весну,
В краю надежд утраченных, засну,
Простерт под зыбким пологом листвы,
Благословенный шелестом травы,
Укрытый мхом, знакомым с детских лет,
Покрыт землей, что сберегла мой след,
Овеян снами юности моей,
Оплаканный друзьями юных дней,
Их тесным кругом в памяти храним
И позабытый миром остальным.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Наполняйте стаканы! Не правда ль, друзья,
Веселей никогда не кипела струя!
Пьем до д н а , — кто не пьет? — если сердце полно,
Без отравы веселье дарит лишь вино.

Все я в мире изведаль, что радует нас,
Я купался в лучах темнопламенных глаз,
Я л ю б и л , — кто не любит? — но, даже любя,
Не назвал я ни разу счастливым себя.

В годы юности, в бурном цветенье весны,
Верил я, что сердца неизменно верны,
Верил д р у ж б е , — кого ж не пленяла она! —
Но бывает ли дружба вернее вина?

За любовью приходит разлуке черед,
Солнце дружбы зашло, но твое не зайдет,
Ты стареешь, — не всем ли стареть суждено? —
Но лишь ты, чем старше, тем лучше, вино.

Если счастье любовь уготовила нам,
Мы другому жрецу не откроем свой храм.
Мы ревнуем, — не так ли? — и друг нам не друг.
Лишь застольный, чем больше, тем радостней круг.

Ибо юность уходит, подобно весне,
И прибежище только в пурпурном вине,
Только в нем — и недаром! — увидел мудрец
Вечной истины кладезь для смертных сердец.

Упущеньем Пандоры на тысячи лет
Стал наш мир достояньем печалей и бед.
Нет надежды, — но что в ней! — целуйте стакан,
И нужна ли надежда? Тот счастлив, кто пьян!

Пьем за пламенный сок! Если лето прошло,
Нашу кровь молодит винограда тепло,
Мы умрем, — кто бессмертен? — но в мире ином
Да согреет нас Геба кипящим вином!

* * *

Я был подвергнут испытанью
Всей силой страсти, но, любя,
Не сдался, не обрек страданью,
К паденью не увлек тебя.

Так вспоминай как друга чаще
Того, кто, жар твой пробудив,
Пред слабой, робкой и молящей
Смирил свой гибельный порыв.

Я отдал все, что сердцу мило,
Но ты страдать не будешь впредь.
Стыжусь, что мне так трудно было
Себя в тот миг преодолеть.

Не верь же сплетням, вспомни это
И вспомни всю любовь мою,
Услышав злоязычье света,
Хулы шипящую змею,

С другими — пусть я был порочным,
Они не ты, и в этом суть.
Здесь, в одиночестве полночном,
Шепчу: благословенна будь!

Когда бы ранее светила
Нас привели к одной судьбе,
Ты не запретно бы любила,
Я чистым бы пришел к тебе.

Живи ж от света в отрешенье,
Соблазны пагубные прочь!
Да не вернется искушенье,
Что ты сумела превозмочь!

Тебя опять в кругу салонном,
Погибший сам, губящий всех,
Я мог бы сердцем развращенным
Избрать в надежде на успех.

Для тех, кто чужд, как я, о традам, —
Нам, диким, что нам светский вздор!
Но ты беги от зал, где рядом
Святыня чувства — и позор!

Ты юность, прелесть, ты любила
Так чисто, ярко, так светло!
Но что в тиши нам трудно было,
То в свете нас убить могло.

Те целомудренные слезы —
Прости! Прости мне страсти бред!
Но не страшись — его угрозы
В душе смятенной больше нет.

На годы! О, как тяжело мне
Уйти, любви наперекор!
Но мы решили вместе — помни:
Я принял этот приговор!

Люби я меньше — меньше муки
Разрыв наш причинил бы мне,
Но да не вспомню там, в разлуке:
Моя! — но по моей вине!

**ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ СПРОСИЛА,
ПОЧЕМУ Я ВЕСНОЙ УЕЗЖАЮ ИЗ АНГЛИИ**

Как грешник, изгнанный из рая,
На свой грядущий темный путь
Глядел, от страха замирая,
И жаждал прошлое вернуть,

Потом, бродя по многим странам,
Таить учился боль и страх,
Стремясь о прошлом, о желанном
Забыть в заботах и делах, —

Так я, отверженный судьбою,
Бегу от прелести твоей,
Чтоб не грустить перед тобою,
Не звать невозвратимых дней,

Чтобы, из края в край блуждая,
В груди своей убить змею.
Могу ль томиться возле рая
И не стремиться быть в раю!

СТРОФЫ ИЗ «ДОН-ЖУАНА»

...Прекрасен вечер летний над лагуной,
Гондолы плеск на темной зыби вод,
И песнь, и говор лютни тихоструйной.
Прекрасен звезд медлительный восход,
И ветерок, вспорхнувший ночью лункой,
И теплый дождь, когда он к небу вдруг
Вздымает семицветный полукруг.

Прекрасен дом, в котором все знакомо,
И дружелюбный лай цепного пса,

Объятая, слезы на пороге дома,
Сияющие нежностью глаза,
А после — утра вешнего истома
И радостные птичьи голоса,
Жужжанье пчел, ручья прозрачный трепет,
Девичий смех и первый детский лепет.

Прекрасна осень в блеске багреца,
Пурпурно-шумный ливень винограда,
И сельский мир, врачующий сердца,
Уставшие от городского чада,
И первый крик ребенка — для отца,
Для скряги — звон нетронутого клада,
Для женщин — месть (так создан нежный пол!)
И для тирана — наглый произвол.

Прекраснее, — какое в том сомненье! —
Коль старый лорд, угрюмый скопидом,
Чьей смерти все мы ждали в нетерпенье,
Отправился на небо и притом
Оставил нам в законное владенье
Поместье, титул иль доходный дом, —
Солидное наследие, которым
Давно мы все клянемся кредиторам.

Прекрасен к славе устремленный путь,
Прекрасен мир, когда утихла ссора.
Еще прекрасней — друга оттолкнуть,
В том видя средство к разрешенью спора.
А лучше — элю старого хлебнуть,
Безвинного спасти от наговора
Иль посетить места, где ты забыт,
Где все о прошлом сердцу говорит.

Но смертному всего, всего милей
Далекий трепет первого свиданья,
Единственного в памяти твоей.
Увы, он сорван, сладкий плод познания,
И жизнь пуста, и ты не веришь ей,
И стоит ли она воспоминанья
В сравненье с тем неповторимым днем,
Согретым Прометеевым огнем!

К ТИРЗЕ

1

Мертва! — Любимой, молодой
Угасла в цвете лет,
Чаруя нежной красотой,
Которой равных нет.
Где б ни был прах твой — пусть он скрыт
Или толпа над ним шумит,
Раба пустых сует, —
Я не хочу в тоске бессильной
Глядеть на холмик твой могильный.

2

То место, где укрылась ты —
Не знаю, где оно.
Сорняк на нем или цветы —
Теперь не все ль равно!
Но знаю: все, что я любил,
Чем жил, дышал и счастлив был,
Все в тлен обращено.
И знаю без похвал надгробных:
Мертва! — И нет тебе подобных.

3

Да, я любил, люблю тебя,
Ты для меня — одна.
Ты умерла, меня любя,
И в смерти мне верна.
Где смерть прошла, навеки там
Назло наветам, лжи, годам
Любовь освящена.
И я, каким ни стал бы дальше,
Для мертвой чужд измен и фальши.

4

Я в праздник жизни был с тобой,
Теперь один я, верь.
Закаты, звезды, волн прибой

Не для тебя теперь.
Но так завиден мне твой сон,
Что, подавив сердечный стон,
Я не считал потерь:
Стареть — всему закон в подлунной,
Ты ж для меня осталась юной.

5

Зачем красивейшим цветам
Дано так мало дней!
Цветок не сорван — значит, сам
Увянет тем быстрее.
Но если должен лепесток
За лепестком увянуть в срок,
Сорви — и не жалеи!
Не жди, покуда Благодество
И Красоту убьет Уродство!

6

Такою старость предстает
В распаде Красоты.
Чем краше день — страшнее гнет
Растущей темноты.
Наш день, ярчайший в беге дней,
Светился красотой твоей
До гробовой черты.
Так ярче, наземь упавая,
Звезда блистает золотая.

7

О, слезы, слезы! Где их взять
Забывшему покой?
Не быть с тобою, не стоять
Над ложем в час такой!
Не целовать кудрей кольцо,
Не видеть, не глядеть в лицо,

Не поддержать рукой!
Не выразить любви у гроба,
Которой мы лишились оба!

8

Что ж лучше — пусть в могиле ты, —
Что радостней, ответь,
Чем быть хоть силою мечты
С тобой, с тобой и впредь!
Чем знать, что вопреки судьбе
Все то сберег я, что в тебе
Не может умереть.
Что не вернуть Любовь — и все же
Лишь ты живая — мне дороже.

* * *

Еще усилие — и постылый
Развеян гнет бесплодных мук.
Последний вздох мой тени милой,
И снова в жизнь и в тот же круг,
И даже скуке, в нем цветущей,
Всему, что сам отверг, я рад.
Тому не страшен день грядущий,
Кто в прошлом столько знал утрат.

Мне нужен пир в застолье шумном,
Где человек не одинок.
Хочу быть легким и бездумным,
Чтоб улыбаться всем я мог,
Не плача ни о ком... Когда-то
Я был другим. Теперь не то.
Ты умерла, и нет возврата,
И мир ничто, где ты — ничто!

Но лире скорбь забыть едва ли.
Когда улыбка — маска слез,
Она насмешка для печали,
Как для могилы — свежесть роз.
Вино и песня на мгновенье
Сотрут пережитого след.

С безумством дружно наслажденье,
Но сердце... Сердцу друга нет.

Нам звезды кроткими лучами
Отрадный мир вливают в грудь.
Я сам бессонными ночами
Любил глядеть на Млечный Путь.
На корабле в Эгейском море
Я думал: эта же луна
И Тирзу радует! Но вскоре
Светила ей на гроб она.

В ознобе, мучась лихорадкой,
Одной я мыслью был согрет:
Что Тирза спит, как прежде, сладко
И что моих не видит бед.
Как слишком позднюю свободу, —
Раб стар, к чему менять судьбу! —
Я укорять готов природу
За то, что жив, а ты — в гробу.

Той жизни, что казалась раем,
Ты, Тирза, мне дала залог.
С тех пор он стал неузнаваем,
Как от печали, он поблек.
И ты мне сердце подарила:
Увы! оно мертво, как ты!
Мое ж угасло и остыло,
Но сберегло твои черты.

Ты, грустно радующий взоры,
Залог прощальных лучших дней!
Храни любовь — иль грудь, к которой
Ты прижимаешься, разбей!
Что боль, и смерть, и безнадежность
Для чувств, не сдавшихся годам!
За ту святую к мертвой нежность
Я ста живых любовь отдам.

ЭВТАНАЗИЯ

Пусть рано, поздно — то мгновенье
Придет, — и вступит смерть в мой дом.
Тогда овей меня, Забвенье,
Всепримиряющим крылом!

Наследства ждущей алчной своре
Закрой к усопшему пути.
Ни плакальщиц в притворном горе,
Ни близких сердцу не впусти.

Без шума из земного круга,
Без лишних слов уйду во тьму,
Не беспокоя даже друга,
Не портя пира никому.

А ты, Любовь, без жалоб тоже,
Ту силу, что дана любви,
И мне, как дар на смертном ложе,
И ей — кто будет жить — яви.

Дай видеть мне, моя Психея,
Твою улыбку до конца,
И стихнет боль моя, слабея
При виде милого лица.

Но ты, как жизнь, уйти готова,
А слезы из прекрасных глаз
Обманут в смутный миг живого,
Но ранят сердце в смертный час.

Так пусть угасну одинокий
Без жалоб, без речей, без слез.
Ведь многих в Вечность миг жестокий
На мягких крыльях перенес.

Уходит все, а Время нудит:
«Пора, умри!» — и замкнут круг,
А там — а там тебя не будет,
Ты завершил дорогу мук.

Он близок, день, зовущий к т р и з н е, —
Сочти же блага прошлых дней,
И ты поймешь: кем ни был в жизни,
Не быть, не жить — куда верней!

СТАНСЫ АВГУСТЕ

Когда сгустилась мгла кругом
И ночь мой разум охватила,
Когда неверным огоньком
Едва надежда мне светила;

В тот час, когда, окутан тьмой,
Трепещет дух осиротелый,
Когда, молвы страшась людской,
Сдается трус и медлит смелый;

Когда любовь бросает нас
И мы затравлены в раждою, —
Лишь ты была в тот страшный час
Моей немеркнувшей звездой.

Благословен твой чистый свет!
Подобно оку серафима,
В годину злую бурь и бед
Он мне сиял неугасимо.

При виде тучи грозовой
Еще светлее ты глядела,
И, встретив кроткий пламень твой,
Бежала ночь и тьма редела.

Пусть вечно реет надо мной
Твой дух в моем пути суровом.
Что мне весь мир с его враждой
Перед твоим единым словом!

Была той гибкой ивой ты,
Что, не сломившись, буре внемлет
И, словно друг, клоня листы,
Надгробный памятник объемлет.

Я видел небо все в огне,
Я слышал гром над головою,
Но ты и в бурный час ко мне
Склонялась плачущей листвою.

О, ни тебе, ни всем твоим
Да не узнать моих мучений!
Да будет солнцем золотым
Твой день согрет, мой добрый гений!

Когда я всеми брошен был,
Лишь ты мне верность сохранила.
Твой кроткий дух не отступил,
Твоя любовь не изменила.

На перепутьях бытия
Ты мне прибежище донне,
И верь, с тобою даже я
Не одинок в людской пустыне.

СТАНСЫ АВГУСТЕ

Хоть судьба мне во всем изменила
И моя закатилась звезда,
Ты меня никогда не винила,
Не судила меня никогда.
Ты мой дух разгадала тревожный,
Разделила мой жребий одна.
Я мечтал о любви невозможной —
И в тебе мне явилась она.

Если я улыбнусь и неожиданно
Отвечают улыбкой цветы,
Я могу не бояться обмана,
Ибо так улыбаешься ты.
Если ссорится ветер с волнами,
Как со мною друзья и родня,
Только тем, что оно — между нами,
Это море тревожит меня.

Пусть Надежда, корабль мой, разбита
И обломки уходят на дно,
Сердцу в бурях лишь гордость защита,
Но и в пытках не сдастся оно.
Ибо смерть предпочту я презренью,
Никакой не страшусь клеветы,
И меня не принудят к смиренью,
Если будешь союзницей ты.

Люди лгут — никогда не лгала ты,
Не по-женски верна мне была,
Ты любила, не требуя платы,
И любовь за любовь отдала.
Ты, не дрогнув, на ложь возражала,
Не для сплетен следила за мной,
Расставаясь со мной, не бежала
И не прятала нож за спиной.

Этот мир не кляню я враждебный,
Где преследуют все одного:
Я не пел ему песни хвалебной,
Но уйти не спешил от него.
И ошибку я страшной ценою
Оплатил в эти смутные дни,
Но зато ты навеки со мною,
И тебя не отнимут они.

Буря прошлое стерла, и что же,
Чем утешу себя самого?
То, что было всего мне дороже,
Оказалось достойней всего.
И в песках еще ключ серебрится,
И звезда еще в небе горит,
А в пустыне поет еще птица
И душе о тебе говорит.

* * *

Убита в блеске красоты!
Да спит легко под вечной сенью,
Да сблизят вешние цветы
Над ней прозрачные листы
И кипарис овеет тенью.

Печаль у синих этих вод
Помедлит с горькой, смутной думой,
Вздохнет — и тихо отойдет...
Безумец! Разве твой приход
Смутит могилы сон угрюмый!

Мы знаем: Смерть не слышит нас,
Не видит наших потрясений.
Но разве это в грустный час
Удержит нас от слез и пеней?
Ты говоришь: забудь! Но сам
Ты бледен, ты готов к слезам.

ГИБЕЛЬ СЕННАХЕРИБА

Ассириянин шел, точно волк на овец,
И блистали на воинах медь и багрец,
И, как тысячи звезд в галилейской ночи,
Золотые сверкали щиты и мечи.

Точно лиственный лес о весенней поре,
Поднимались их стяги к вечерней заре,
Точно срубленный лес на осеннем ветру,
Бездыханны лежали их толпы к утру.

Ангел смерти прошел, и в лицо им дохнул,
И крылом, поднимающим бурю, взмахнул —
И замолкли уста их, застыли сердца,
И не будет их сну гробовому конца.

Конь упал, и не ходит могучая грудь,
И не прянуть ему, и ноздрей не раздуть,
И предсмертная пена из губ скакуна,
Словно пенистый горный поток, холодна.

Мертвый всадник недвижно глядит в небеса,
Ржа покрыла кольчугу, и брови — роса.
И шатер обезлюдел, и стяг позабыт,
И недвижно копье, и труба не трубит.

И кумиры Ваала повержены в прах,
Ибо вдовы кричат в ассирийских домах,
И без боя, как тают под солнцем снега,
В блеске божьем растаяла сила врага.

ПРОМЕТЕЙ

1

Титан! С надмирной высоты
На тех, чья горестна дорога, —
На муки смертных тварей ты
Не мог смотреть с презреньем бога.
И в воздаянье добрых дел
Страдать безмолвно — твой удел.
В горах утес, орел, оковы!
Но тщетно боги так суровы —
Ты не слабел от страшных мук,
И стон, срывающийся вдруг,
Не дал им повода для смеха:
Ты, озирая небосвод,
Молчал. Ты мыслил: боль вздохнет,
Когда лишится голос эха.

2

Титан, что знал ты? — День за днем
 Борьбу страдания и воли,
 Свирепость не смертельной боли,
 Небес бездушных окоем,
 Ко всем глухой судьбы десницу
 И Ненависть — земли царицу:
 Все то, что правит средь живых
 И с наслаждением губит их,
 Сперва замучив. Был ты Роком
 Томим в бессмертии жестоком
 И нес достойно свой удел.
 Напрасно гневный Зевс хотел
 Из глаз твоих исторгнуть слезы:
 Ты в небо слал ему угрозы,
 А знал, что станет мягче он,
 Открой ты, что не вечен трон
 Царя богов. И приговор
 Гремел среди пустынных гор
 В твоём пророческом молчанье.
 И понял — и познал он страх,
 Но злую дрожь в его руках
 Лишь молний выдало дрожанье.

3

Был твой божественный порыв
 Преступно добрым — плод желанья
 Людские уменьшить страданья,
 Наш дух и волю укрепив.
 И, свергнут с горней высоты,
 Сумел так мужественно ты,
 Так гордо пронести свой жребий,
 Противоборствуя с судьбе, —
 Ни на Земле, ни даже в Небе
 Никем не сломленный в борьбе, —
 Что смертным ты пример явил
 И символ их судеб и сил.
 Как ты, в тоске, в мечтах упорных
 И Человек отчасти бог.
 Он мутно мчащийся поток,
 Рожденный чистым в недрах горных

Он также свой предвидит путь,
Пускай не весь, пускай лишь суть:
Мрак отчужденья, непокорство,
Беде и злу противоборство,
Когда, силен одним собой,
Всем черным силам даст он бой.
Бесстрашье чувства, сила воли
И в бездне мук сильней всего.
Он счастлив этим в горькой доле.
Чем бунт его — ее торжество?
Чем не Победа — смерть его?

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

L'univers est une espèce de livre,
dont on n'a lu que la première page
quand on n'a vu que son pays.
J'en ai feuilleté un assez grand
nombre, que j'ai trouvé également
mauvaises. Cet examen ne m'a
point été infructueux. Je n'ai
rien su de ma patrie. Toutes les
impertinences des peuples divers,
parmi lesquels j'ai vécu, m'ont
reconcilié avec elle. Quand je
n'aurais tiré d'autre bénéfice de
mes voyages que celui-là, je n'en
regretterais ni les frais ni les
fatigues. *Le Cosmopolite*.

ИАНТЕ

Ни в землях, где бродил я пилигримом,
Где несравненны чары красоты,
Ни в том, что сердцу горестно любимым
Осталось от несбывшейся мечты,

¹ Мир подобен книге, и тот, кто знает только свою страну, прочитал в ней лишь первую страницу. Я же перелистал их довольно много и все нашел одинаково плохими. Этот опыт не прошел для меня бесследно. Я ненавидел свое отечество. Варварство других народов, среди которых я жил, примирило меня с ним. Пусть это было бы единственной пользой, извлеченной мною из моих путешествий, я и тогда не пожалел бы ни о понесенных расходах, ни о дорожной усталости. «Космополит» (франц.).

Нет образа прекраснее, чем ты,
Ни наяву, ни в снах воображенья.
Для видевших прекрасные черты
Бессильны будут все изображенья,
А для невидевших — найду ли выраженья?

Будь до конца такой! Не измени
Весне своей, для счастья расцветая.
И красоту и прелесть сохрани —
Все, что Надежда видит в розах мая.
Любовь без крыльев! Чистота святая!
Хранительнице юности твоей,
Все лучезарней с каждым днем блистая,
Будь исцеленьем от земных скорбей,
Прекрасной радугой ее грядущих дней.

Я счастлив, пери Запада, что вдвое
Тебя я старше, что могу мечтать,
Бесстрастно глядя на лицо такое,
Что суждена мне жизнью благодать
Не видеть, как ты будешь увядать,
Что я счастливей юношей докучных,
Которым скоро по тебе страдать,
И мне не изливаться в рифмах звучных,
Чтобы спастись от мук, с любовью неразлучных

О, влажный взор газели молодой,
То ласковый, то пламенный и страстный,
Всегда влекущий дикой красотой,
Моим стихам ответь улыбкой ясной,
Которой ждал бы я в тоске напрасной,
Когда бы дружбы преступил порог.
И у певца не спрашивай, безгласный,
Зачем, отдав ребенку столько строк,
Я чистой лилией украсил свой венок.

Вошла ты в песню именем своим,
И друг, страницы «Чайльда» пробегая,
Ианту первой встретив перед ним,
Тебя забыть не сможет, дорогая.
Когда ж мой век исчислит парка злая,
Коснись тех струн, что пели твой расцвет,
Хвалу тебе, красавица, слагая.
Надежде большим твой не льстит поэт,
А меньшего, дитя, в устах у Дружбы нет.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Не ты ль слыла небесной в древнем мире,
О Муза, дочь Поэзии земной,
И не тебя ль бесчестили на лире
Все рифмачи преступною рукой!
Да не посмею твой смутить покой!
Хоть был я в Дельфах, слушал, как в пустыне
Твой ключ звенит серебряной волной,
Простой рассказ мой начиная ныне,
Я не дерзну взывать о помощи к богине.

2

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным,
В безумной жажде радостей и нег
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду.

3

Он звался Чайльд-Гарольд. Не все равно ли,
Каким он вел блестящим предкам счет!
Хоть и в гражданстве, и на бранном поле
Они снискали славу и почет,
Но осрамит и самый лучший род
Один бездельник, развращенный ленью,
Тут не поможет ворох лъстивых од,
И не придашь, хвалясь фамильной сенью,
Пороку — чистоту, невинность — преступленью.

4

Вступая в девятнадцатый свой год,
Как мотылек, резвился он, порхая,
Не помышлял о том, что день пройдет,

И холодом повеет тьма ночная.
Но вдруг, в расцвете жизненного мая,
Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою — родина, могилой — отчий дом.

5

Он совести не знал укоров строгих
И слепо шел дорогою страстей.
Любил одну — прельщал любовью многих,
Любил — и не назвал ее своей.
И благо ускользнувшей от сетей
Развратника, что, близ жены скучая,
Бежал бы вновь на буйный пир друзей
И, все, что взял приданым, расточая,
Чуждался б радостей супружеского рая.

6

Но в сердце Чайльд глухую боль унес,
И наслаждений жажда в нем остыла,
И часто блеск его внезапных слез
Лишь гордость возмущенная гасила.
Меж тем тоски язвительная сила
Звала покинуть край, где вырос он, —
Чужих небес приветствовать светила;
Он звал печаль, весельем пресыщен,
Готов был в ад бежать, но бросить Альбион.

7

И в жажде новых мест Гарольд умчался,
Покинув свои почтенный старый дом,
Что сумрачной громадой возвышался,
Весь почерневший и покрытый мхом.
Назад лет сто он был монастырем,
И ныне там плясали, пели, пили,
Совсем как в оны дни, когда тайком,
Как повествуют нам седые были,
Святые пастыри с красотками кутили.

8

Но часто в блеске, в шуме людных зал
Лицо Гарольда муку выражало.
Отвергнутую страсть он вспоминал
Иль чувствовал вражды смертельной жало —
Ничье живое сердце не узнало.
Ни с кем не вел он дружеских бесед.
Когда смятенье душу омрачало,
В часы раздумий, в дни сердечных бед
Презреньем он встречал сочувственный совет.

9

И в мире был он одинок. Хоть многих
Поил он щедро за столом своим,
Он знал их, прихлебателей убогих,
Друзей на час — он ведал цену им.
И женщинами не был он любим.
Но боже мой, какая не сдается,
Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
Так мотылек на яркий свет несется,
И плачет ангел там, где сатана смеется.

10

У Чайльда мать была, но наш герой,
Собравшись бурной ввериться стихии,
Ни с ней не попрощался, ни с сестрой,
Единственной подругой в дни былые.
Ни близкие не знали, ни родные,
Что едет он. Но то не черствость, нет:
Хоть отчий дом он покидал впервые,
Уже он знал, что сердце много лет
Хранит прощальных слез неизгладимый след.

11

Наследство, дом, поместья родовые,
Прелестных дам, чей смех он так любил,
Чей синий взор, чьи локоны золотые
В нем часто юный пробуждали пыл, —

Здесь даже и святой бы согрешил, —
Вином бесценным полные стаканы —
Все то, чем роскошь радует кутил,
Он променял на ветры и туманы,
На рокот южных волн и варварские страны.

12

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило.
Быть может, сердце Чайльда и грустило,
Что повлеклось в неведомый простор,
Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
Как спутники, чей увлажненный взор,
Казалось, обращал к ветрам немой укор.

13

Когда же солнце волн коснулось краем,
Он лютно взял, которой он привык
Вверять все то, чем был обуреваем
Равно и в горький и в счастливый миг.
И на струнах отзывчивых возник
Протяжный звук, как сердца стон печальный,
И Чайльд запел, а белокрылый бриг
Летел туда, где ждал их берег дальный,
И в шуме темных волн тонул напев прощальный.

«Прости, прости! Все крепнет шквал,
Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывем на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!

Промчится ночь, оно взойдет
Сиять другому дню,
Увижу море, небосвод,
Но не страну мою.

Погас очаг мой, пуст мой дом,
И двор травой зарос.
Мертво и глухо все кругом,
Лишь воет старый пес.

Мой паж, мой мальчик, что с тобой?
Я слышал твой упрек.
Иль так напуган ты грозой,
Иль на ветру продрог?
Мой бриг надежный крепко шит,
Ненужных слез не лей.
Быстрейший сокол не летит
Смелей и веселей».

«Пусть воет шквал, бурлит вода,
Грохочет в небе гром, —
Сэр Чайльд, все это не беда,
Я плачу о другом.
Отца и мать на долгий срок
Вчера покинул я,
И на земле лишь вы да бог
Теперь мои друзья.

Отец молитву произнес
И отпустил меня,
Но знаю, мать без горьких слез
Не проведет и дня».
«Мой паж, дурные мысли прочь,
Разлуки минет срок!
Я сам бы плакал в эту ночь,
Когда б я плакать мог.

Мой латник верный, что с тобой?
Ты мертвеца бледней,
Предвидишь ты с французом бой,
Продрог ли до костей?»
«Сэр Чайльд, привык я слышать гром
И не бледнеть в бою,
Но я покинул милый дом,
Любимую семью.

Где замок ваш у синих вод,
Там и моя страна.
Там сын отца напрасно ждет
И слезы льет жена».

«Ты прав, мой верный друг, ты прав,
Понятна скорбь твоя,
Но у меня беспечный нрав,
Смеюсь над горем я.

Я знаю, слезы женщин — вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.

Вверяюсь ветру и волне,
Я в мире одинок.
Кто может вспомнить обо мне,
Кого б я вспомнить мог?
Мой пес поплачет день, другой,
Разбудит воем тьму
И станет первому слугой,
Кто бросит кость ему.

Наперекор грозе и мгле
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам — в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!»

14

Плывет корабль унылых вод равниной,
Шумит Бискайи пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободрив,
Роскошной Синтры горный встал массив.
Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо, быстр и говорлив,
Они плывут меж берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, несжатых.

15

Неизъяснимой полон красоты
 Весь этот край, обильный и счастливый.
 В восторге смотришь на луга, цветы,
 На тучный скот, на пастбища и нивы,
 И берега, и синих рек извивы,
 Но в эту землю вторглись п а л а ч и , —
 Срази, о небо, род их нечестивый!
 Все молнии, все громы ополчи,
 Избавь эдем земной от галльской саранчи!

16

Чудесен Лиссабон, когда впервые
 Из тех глубин встает пред нами он,
 Где виделись поэтам золотые
 Пески, где, Луза охраняя трон,
 Надменный флот свой держит Альбион —
 Для той страны, где чванство нормой стало
 И возвело невежество в закон,
 Но лижет руку, пред которой пала
 Незыблемая мощь воинственного галла.

17

К несчастью, город, столь пленивший нас,
 Вблизи теряет прелесть невозвратно.
 Он душит вонью, оскорбляет глаз,
 Все черное, на всем подтеки, пятна,
 И знать и плебс грязны невероятно.
 Любое, пусть роскошное, жильё,
 Как вся страна, нечисто, неопрятно,
 И — напади чесотка на нее —
 Не станут мыться здесь или менять белье.

18

Презренные рабы! Зачем судьба им
 Прекраснейшую землю отдала —
 Сиерру, Синтру, прозванную раем,
 Где нет красотам меры и числа.
 О, чье перо и чья бы кисть могла
 Изобразить величественный форум —

Все то, что здесь Природа создала,
Сумев затмить Элизий, над которым
Завесы поднял бард пред нашим смертным взором.

19

В тени дубрав, на склонах темных круч
Монастырей заброшенных руины,
От зноя бурый мох, шумящий ключ
В зеленой мгле бессолнечной лощины,
Лазури яркой чистые глубины,
На зелени оттенок золотой,
Потоки, с гор бегущие в долины,
Лоза на взгорье, ива над водой —
Так, Синтра, ты манишь волшебной пестротой.

20

Крутая тропка кружит и петлит,
И путник, останавливаясь чаще,
Любуется — какой чудесный вид!
Но вот обитель Матери Скорбящей,
Где вам монах, реликвии хранящий,
Расскажет сказки, что народ сложил:
Здесь нечестивца гром настиг разящий,
А там, в пещере, сам Гонорий жил
И сделал адом жизнь, чем рая заслужил.

21

Но посмотри, на склонах, близ дороги,
Стоят кресты. Заботливой рукой
Не в час молитв, не в помыслах о боге
Воздвигли их. Насилье и разбой
На этот край набег свершили свой,
Земля внимала жертв предсмертным стонам,
И вопиют о крови пролитой
Кресты под равнодушным небосклоном,
Где мирный труженик не огражден законом.

22

На пышный дол глядят с крутых холмов
Руины, о былом напоминая.
Где был князей гостеприимный кров,

Там ныне камни и трава густая.
Вон замок тот, где жил правитель края,
И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек, создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства — тлен и мира не сулят.

23

Ты свой дворец воздвигнул здесь в долине
Для радостей, для нег и красоты,
Но запустением все сменилось ныне,
Бурьян раскинул дикие кусты,
И твой эдем, он одинок, как ты.
Обрушен свод, остались только стены,
Как памятники брэнной суеты.
Не все ль улады бытия мгновенны!
Так на волне блеснет — и тает сгусток пены.

24

А в этом замке был совет вождей,
Он ненавистен гордым англичанам.
Здесь карлик-шут, пустейший из чертей,
В пергаментном плаще, с лицом шафранным,
Британцев дразнит смехом непрестанным.
Он держит черный свиток и печать,
И надписи на этом свитке странном,
И рыцарских имен десятков пять,
А бес не устает, дивясь им, хохотать.

25

Тот бес, дразнящий рыцарскую к л и к у , —
Конвенция, на ней споткнулся бритт.
Ум (если был он), сбитый с панталыку,
Здесь превратил триумф народа в стыд;
Победы цвет Невежеством убит;
Что отдал Меч, то Речь вернула вскоре,
И лавры Лузитания растит
Не для таких вождей, как наши тори.
Не побежденным здесь, а победившим горе!

26

С тех пор как был британцу дан урок,
 В нем слово «Синтра» гнев бессильный будит.
 Парламент наш краснел бы, если б мог,
 Потомство нас безжалостно осудит.
 Да и любой народ смеяться будет
 Над тем, как был сильнейший посрамлен.
 Враг побежден, но это мир забудет,
 А вырвавший победу Альбион
 Навек презрением всех наций заклеимен.

27

И, полный смуты, все вперед, вперед
 Меж горных круч угрюмый Чайльд стремится.
 Он рад уйти, бежать от всех забот,
 Он рвется вдаль, неутомим, как птица.
 Иль совесть в нем впервые шевелится?
 Да, он клянет пороки буйных лет,
 Он юности растраченной стыдится,
 Ее безумств и призрачных побед,
 И все мрачнее взор, узревший Правды свет.

28

Коня! коня! гонимый бурей снова,
 Хотя кругом покой и тишина,
 Назло дразнящим призракам былого
 Он ищет не любовниц, не вина,
 Но многие края и племена
 Изведает беглец неугомонный,
 Пока не станет цель ему ясна,
 Пока, остывший, жизнью умудренный,
 Он мира не найдет под кровлей благосклонной.

29

Однако вот и Мафра. Здесь, бывало,
 Жил королевы лузитанской двор.
 Сменялись мессы блеском карнавала,

Церковным хором — пиршественный хор.
Всегда с монахом у вельможи спор.
Но эта Вавилонская блудница
Такой дворец воздвигла среди гор,
Что всем хотелось только веселиться,
Простить ей казни, кровь — и в роскоши забыться.

30

Изгибы романтических холмов,
Как сад сплошной — долины с свежей тенью.
(Когда б народ хоть здесь не знал оков!)
Все манит взор, все дышит сладкой ленью.
Но Чайльд спешит отдаться вновь движенью,
Несносному для тех, кто дорожит
Уютным креслом и домашней сенью.
О, воздух горный, где бальзам разлит!
О, жизнь, которой чужд обрюзгший сибарит!

31

Холмы все реже, местность все ровней,
Бедней поля, и зелень уж другая.
И вот открылась даль пустых степей,
И кажется, им нет конца и края.
Пред ним земля Испании нагая,
Где и пастух привык владеть клинком,
Бесценные стада оберегая.
В соседстве с необузданным врагом
Испанец должен быть солдатом или рабом.

32

Но там, где Португалию встречает
Испания, граница не видна.
Соперниц там ни даль не разделяет,
Ни вздыбленной Сиерры крутизна,
Не плещет Тахо сильная волна
Перед царицей стран заокеанских,
Не высится Китайская стена,
Нет горной цепи вроде скал гигантских
На рубеже земель французских и испанских.

33

Лишь ручеек бежит невозмутим,
 Хоть с двух сторон — враждебные державы.
 На посох опершись, стоит над ним
 Пастух испанский — гордый, величавый.
 Смотрит на небо, на ручей, на травы,
 И не робеет между двух врагов.
 Он изучил своих соседей нравы,
 Он знает, что испанец не таков,
 Как португальский раб, подлец из рабов.

34

Но вот, едва рубеж вы перешли,
 Пред вами волны темной Гвадианы,
 Не раз воспетой в песнях той земли,
 Бурлят и рошшут, гневом обуянные.
 Двух вер враждебных там кипели станы,
 Там сильный пал в неистовой резне,
 Там брали верх то шлемы, то тюрбаны,
 Роскошный мавр и мних в простой броне —
 Все обрели смерть в багровой глубине.

35

Романтики воскресшая страна,
 Испания, где блеск твоей державы?
 Где крест, которым ты была сильна,
 Когда предатель мстил за слезы Кавы
 И трупы готов нес поток кровавый?
 Твой стяг царям навязывал закон,
 Он обуздал разбойничьи оравы,
 И полумесяц пал, крестом сражен,
 И плыл над Африкой вой мавританских жен.

36

Теперь лишь в песнях отзвук тех побед,
 Лишь в песнях вечность обрели герои,
 Столпы разбиты, летописей нет,

Но помнит песнь величие былое.
Взгляни с небес на поприще земное,
О Гордость! Рухнут бронза и гранит,
И только песнь верней, чем все иное,
Когда историк лжет, а льстец забыт,
Твое бессмертие в народе сохранит.

37

К оружию, испанцы! Мщенье, мщенье!
Дух Реконкисты правнуков зовет.
Пусть не копьё подьмет он в сраженье,
Плюмажем красным туч не достаёт, —
Но, свистом пуль означив свой полет,
Ощерив жерла пушек роковые,
Сквозь дым и пламень кличет он: вперед!
Иль зов его слабей, чем в дни былые,
Когда он вдохновлял сынов Андалусии?

38

Я слышу звон металла и копыт,
И крики битвы в зареве багряном,
То ваша кровь чужую сталь поит,
То ваши братья сражены тираном.
Войска его идут тройным тараном,
Грохочут залпы на высотах гор,
И нет конца увечиям и ранам.
Летит на тризну смерть во весь опор,
И ярый бог войны приветствует раздор.

39

Он встал, гигант, как будто в скалы врос,
В ужасной длани молния зажата,
Копна кроваво-рыжая волос
Черна на красном пламени заката.
Глаза — навывкат. Гибнет все, что свято,
От их огня. У ног его припав
И брата поднимая против брата,
Ждет Разрушенье битвы трех держав,
Чьей кровью жаждет бог потешить лютый нрав.

Великолепно зрелище сраженья
 (Когда ваш друг в него не вовлечен).
 О, сколько блеска, грома и движенья!
 Цветные шарфы, пестрый шелк знамен.
 Сверкает хищно сталь со всех сторон,
 Несутся псы, добычу настигая.
 Не всем триумф, но всем — веселый гон,
 Всем будет рада Мать — земля сырая.
 И шествует Война, трофеи собирая.

Три знамени зывают к небесам,
 Три языка воздвигли спор ужасный.
 Француз, испанец, бритт сразились т а м , —
 Враг, жертва и союзник тот опасный,
 В чью помощь верить — право, труд напрасный.
 У Талаверы, смерть ища в бою
 (Как будто ей мы дома не подвластны!),
 Сошлись они, чтоб кровь пролить свою,
 Дать жирный тук полям и пищу воронью.

И здесь им тлеть, глупцам, прельщенным славой
 И славы удостоенным в гробах.
 О, бред! Орудья алчности кровавой —
 Их тысячи тиран бросает в прах,
 Свой воздвигая трон на ч е р е п а х , —
 Спроси зачем — во имя сновиденья!
 Он царствует, пока внушает страх,
 Но станет сам добычей смрадной тленья,
 И тесный гроб ему заменит все владенья.

О поле скорбной славы, Альбуера!
 Среди равнин, где шпорит Чайльд коня,
 Кто знал, что завтра зла свершится мера,

Что на заре твой сон прервет резня.
Мир мертвым! В память гибельного дня
Им слезы горя, им венец героя!
Так славьтесь же, в преданиях звеня,
Пока, могилы новым жертвам роя,
Их сонмы новый вождь не кинет в ужас боя.

44

Но хватит о любовниках войны!
Была их гибель данью славословью.
Чтобы один прославлен был, должны
Милыоны пасть, насытив землю кровью.
Отчизна да спасется их любовью!
Цель благородна. А живи они
Покорствуя других богов условью,
Могли б на плахе, в ссоре кончить дни
Позором для друзей, отчизны и родни.

45

И вот Севилью видит пилигрим.
Еще блистает буйной красотой
Свободный город, но уже над ним
Насилье кружит. Огненной пятою
Войдет тиран, предаст его разбою
И грабежу. О, если б смертный мог
Бороться с неизбежною судьбою!
Не пала б Троя, Тир не изнемог,
Добро не гибло бы, не властвовал порок.

46

Но, близящихся бед не сознавая,
Еще Севилья пляшет и поет,
Веселая, беспечная, живая.
Тут патриотам их страна не в счет!
Воркуют лютни, барабан не бьет,
Над всем царит веселье молодое,
Разврат свершает поздний свой обход,
И Преступленья крадется ночное
Вдоль стен, дряхлеющих в торжественном покое.

Не то крестьянин. С бледною женой
 Он тужит днем, ночей не спит в печали.
 Их виноградник вытоптан войной,
 В селе давно фанданго не плясали.
 Звезда любви восходит, но едва ли
 Раздастся дробь веселых кастаньет.
 Цари, цари! Когда б вы только знали
 Простое счастье! Смолк бы гром побед,
 Не стал бы трубный зов предвестьем стольких бед.

Какою ныне песней оживляет
 Погонщик мулов долгий переход?
 Любовь ли, старину ли прославляет,
 Как славил их, когда не знал забот?
 Нет, он теперь «Viva el Rey!»¹ поет,
 Но вдруг, Годоя вспомнив, хмурит брови
 И Карла рогоносного клянет,
 А с ним его Луизу, в чьем алькове
 Измена родилась, алкающая крови.

Среди равнины голой, на скале
 Чернеют стены мавританских башен,
 Следы копыт на раненой земле,
 Печать огня на черном лике пашен.
 Здесь орды вражды, грозен и бесстрашен,
 Андалусийский селянин встречал.
 Здесь кровью гостя был не раз окрашен
 Его клинок, когда на гребнях скал
 Драконьи логова он дерзко штурмовал.

Здесь, не надев на шляпу ленты красной,
 Не смеет появиться пешеход.
 Когда ж дерзнет, раскается несчастный,

¹ Да здравствует король! (*исп.*)

Не оттого ль, для битв покинув дом,
 Гитару дочь Испании презрела,
 Повесила на иву под окном
 И с песней, в жажде доблестного дела,
 На брань с мужами рядом полетела.
 Та, кто, иголкой палец уколов
 Или заслышав крик совы, бледнела,
 По грудам мертвых тел, под звон штыков,
 Идет Минервой там, где дрогнуть Марс готов.

Ты слушаешь, и ты пленен, но боже!
 Когда б ты знал, какой была она
 В кругу семьи, в саду иль в темной ложе!
 Как водопад, волос ее волна,
 Бездонна глаз лучистых глубина,
 Прелестен смех, живой и неестественный, —
 И слово меркнет, кисть посрамлена,
 Но вспомни Сарагоссы бастионы,
 Где веселил ей кровь мертвящий взгляд Горгоны.

Любимый ранен — слез она не льет,
 Пал капитан — она ведет дружину,
 Свои бегут — она кричит: вперед!
 И натиск новый смел врагов лавину.
 Кто облегчит сраженному кончину?
 Кто отомстит, коль лучший воин пал?
 Кто мужеством одушевит мужчину?
 Все, все она! Когда надменный галл
 Пред женщинами столь позорно отступал?

Но нет в испанках крови амазонок,
 Для чар любви там дева создана,
 Хоть в грозный час — еще полуребенок —

С мужчиной рядом в бой идет она,
В самом ожесточении нежна,
Голубка в роли львицы разъяренной,
И тверже, но и женственной она,
И благородней в прелести врожденной,
Чем наши сплетницы с их пошлостью салонной.

58

Амур отметил пальчиком своим
Ей подбородок нежный и чеканный,
И поцелуй, что свил гнездо над ним,
С горячих губ готов слететь неожиданный.
— Смелей! — он шепчет. — Миг настал желанный,
Она твоя, пусть недостоин ты!
Сам Феб ей дал загар ее румяный.
Забудь близ этой яркой красоты
Жен бледных Севера бесцветные черты!

59

В краях, не раз прославленных на лире,
В гаремах стран, где медлит мой рассказ,
Где славит жен и циник, злейший в мире,
Хоть издали, хоть прячут их от нас,
Чтоб ветерок не сдул их с мужних глаз,
Среди красавиц томного Востока
Испанку вспомни — и поймешь тотчас,
Кто жжет сильнее мгновенным блеском ока,
Кто ангел доброты и гурия Пророка.

60

О ты, Парнас! ты мне сияешь въяве,
Не сновиденьем беглым, не мечтой,
Но здесь, во всей тысячелетней славе,
Запечатленный дикой красотой,
На этой почве древней и святой.
Так я ли, твой паломник, о могучий,
Тебя хоть краткой не почту хвалой!
О, пусть услышу отклик твой певучий,
И муза крыльями взмахнет над снежной кручей.

61

Как часто мне являлся ты во сне!
 Я слышал звуки древних песнопений,
 И час настал, и ты открылся мне.
 Я трепещу, и клонятся колени,
 Передо мной — певцов великих тени,
 И стыдно мне за слабый голос мой.
 О, где найти слова для восхвалений?
 И, бледный, умиленный и немой,
 Я тихо радуюсь: Парнас передо мной!

62

Сколь многие тебя в восторге пели,
 Ни разу не видав твоих красот,
 Не посетив страны твоей, — так мне ли
 Сдерживать порыв, когда душа поет!
 Пусть Аполлон покинул древний грот,
 Где муз был трон, там ныне их гробница, —
 Но некий дух прекрасный здесь живет,
 Он в тишине лесов твоих таится,
 И вздохи ветру шлет, и в глубь озер глядится.

63

Так! Чтоб воздать хвалу тебе, Парнас,
 Души невольным движимый порывом,
 Прервал я об Испании рассказ,
 О той стране, что новым стала дивом,
 Родная всем сердцам вольнолюбивым, —
 Вернемся к ней. И если не венок
 (Да не сочтут меня глупцом хвастливым),
 От лавра Дафны хоть один листок
 Позволь мне унести — бессмертия залог.

64

Прощай! Нигде среди этих древних гор,
 Ни даже в дни Эллады золотые,
 Когда гремел еще дельфийский хор,

Звучали гимны пифии святы е, —
Верь, не являлись девы молодые
Прекрасней тех, что дивно расцвели
Средь пылких нег в садах Андалусии, —
О, если б мир им боги принесли,
Хоть горький мир твоей, о Греция, земли!

65

Горда Севилья роскошью и славой,
Прекрасны в ней минувшего черты,
И все ж ты лучше, Кадикс многоглавый,
Хоть похвалы едва ль достоин ты.
Но чьей порок не соблазнял мечты,
Кто не блуждал его тропой опасной,
Пока блистали юности цветы?
Вампир с улыбкой херувима ясной,
Для каждого иной, для всех равно прекрасный!

66

Пафос погиб, когда царица нег
Сама пред силой Времени склонилась,
И на другой, но столь же знойный берег
За нею Наслаждение удалилось.
Та, кто измен любовных не стыдилась,
Осталась верной лишь родным волнам,
За эти стены белые укрылась,
И в честь Киприды не единый храм,
Но сотни алтарей жрецы воздвигли там.

67

С утра до ночи, с ночи до утра
Здесь праздный люд на улицах толпится.
Плащи, мантильи, шляпы, веера,
Гирлянды роз — весь город веселится.
Повсюду смех и праздничные лица,
Умеренность на стыд обречена.
Приехал — можешь с трезвостью проститься!
Здесь царство песни, пляски и вина,
И, верите, любовь с молитвою дружна.

Пришла суббота — отдых и покой!
 Но христианам не до сладкой лени.
 Ведь завтра будет праздник, и какой!
 Все на корриду кинутся, к арене,
 Где пикадора, весь в кровавой пене,
 Встречает бык, от бешенства слепой.
 Прыжок! Удар! Конь рухнул на колени,
 Кишки наружу. Хохот, свист и вой.
 А женщины? Как все — поглощены борьбой!

И день седьмой ведет заря в тумане,
 Пустеет Лондон в этот день святой.
 Принарядясь, идут гулять мещане,
 Выходит смывший грязь мастеровой
 В неделю раз на воздух полевой.
 По всем предместьям катит и грохочет
 Карет, ландо, двуколок шумный рой,
 И конь, устав, уже идти не хочет,
 А пеший грубиян глумится и хохочет.

Один с утра на Темзу поспешил,
 Другой пешком поплелся на заставу,
 Тех манит Хайгет или Ричмонд-Хилл,
 А этот в Вер повел друзей ораву.
 По сердцу всяк найдет себе забаву, —
 Тем невтерпеж почтить священный Рог,
 А там попить и погулять на славу,
 И, смотришь, пляшут, не жалея ног,
 С полночи до утра — и тянут эль и прог.

Безумны все, о Кадикс, но тобою
 Побит рекорд. На башне девять бьет,
 И тотчас, внемля колокола бою,

Твой житель четки набожно берет.
Грехам у них давно потерян счет,
И все у Девы просят отпущенья
(Ведь дева здесь одна на весь народ!),
И в цирк несутся все без исключенья:
Гранд, нищий, стар и млад — все жаждут
развлеченья.

72

Ворота настезь, в цирке уж полно,
Хотя еще сигнала не давали.
Кто опоздал, тем сесть не суждено.
Мелькают шпаги, ленты, шляпы, шали.
Все дамы, все на зрелище попали!
Они глазами так и целят в вас.
Подстрелят мигом, но убьют едва ли
И, ранив, сами вылечат тотчас.
Мы гибнем лишь в стихах из-за прекрасных глаз.

73

Но стихло все. Верхом, как отлитые,
Въезжают пикадоры из ворот.
Плюмаж их белый, шпоры — золотые,
Оружье — пика. Конь храпит и ржет,
С поклоном выступают все вперед.
По кругу вскачь, и шарф над каждым вьется.
Их четверо, кого ж награда ждет?
Кого толпа почтит, как полководца?
Кому восторженно испанка улыбнется?

74

В середине круга — пеший матадор.
Противника надменно ждет он к бою.
Он облачен в блистательный убор,
Он шпагу держит сильною рукою.
Вот пробует медлительной стопою,
Хорош ли грунт. Удар его клинка —
Как молния. Не нужен конь герою,
Надежный друг, что на рогах быка
Нашел бы смерть в бою, но спас бы седока.

75

Трубят протяжно трубы, и мгновенно
 Цирк замер. Лязг засова, взмах флажком —
 И мощный зверь на желтый круг арены
 Выносится в пролет одним прыжком.
 На миг застыл. Не в бешенстве слепом,
 Но в цель уставясь грозными рогами,
 Идет к врагу, могучим бьет хвостом,
 Взметаает гравий и песок ногами
 И яростно косит багровыми зрачками.

76

Но вот он стал. Дорогу дай, смельчак,
 Иль ты погиб! Вам биться, пикадоры!
 Смертелен здесь один неверный шаг,
 Но ваши кони огненны и скоры.
 На шкуре зверя чертит кровь узоры.
 Свист бандериллий, пик разящих звон.
 Бык повернул, и д е т , — скорее шпоры!
 Гигантский круг описывает он
 И мчится, бешенством и болью ослеплен.

77

И вновь назад! Бессильны пики, стрелы,
 Конь раненый, взвиваясь, дико ржет.
 Наездники уверенны и смелы,
 Но тут ни сталь, ни сила не спасет.
 Ужасный рог вспорол коню живот,
 Другому — грудь. Как рана в ней зияет!
 Разверст очаг, где жизнь исток берет.
 Конь прынув, мчится, враг его бросает,
 Он гибнет, падая, но всадника спасает.

78

Средь конских трупов, бандериллий, пик,
 Изранен, загнан, изнурен борьбою,
 Стоит, храпя, остервенелый бык,

А матадор взвывает над собою
Свой красный шарф, он дразнит, нудит к бою,
И вдруг прыжок, и вражий прорван строй,
И бык летит сорвавшейся горою.
Напрасно! Брошен смелою рукой,
Шарф хлещет по глазам, — взмах, блеск, и кончен бой.

79

Где сращена с затылком мощным шея,
Там входит сталь. Мгновенье медлит он,
Не хочет, гордый, пасть к ногам злодея,
Не выдаст муки ни единый стон.
Но вот он рухнул. И со всех сторон
Ревут, вопит, ликують, бьют в ладони,
Въезжает воз, четверкой запряжен,
Втащили тушу, и в смятенье кони,
Рванув, во весь опор бегут, как от погони.

80

Так вот каков испанец! С юных лет
Он любит кровь и хищные забавы.
В сердцах суровых состраданья нет,
И живы здесь жестоких предков нравы.
Кипят междоусобные расправы.
Уже я мнил, война народ сплотит, —
Увы! Блюдя обычай свой кровавый,
Здесь другу мстят из-за пустых обид,
И жизни теплый ключ в сухой песок бежит.

81

Но ревность, заточенные красотки,
Невольницы богатых стариков,
Дуэньи, и запоры, и решетки —
Все минуло, все ныне — хлам веков.
Чьи девы так свободны от оков,
Как (до войны) испанка молодая,
Когда она плясала средь лугов
Иль пела песнь, венок любви сплетая,
И ей в окно луна светила золотая?

Гарольд не раз любил иль видел сон,
 Да, сон л ю б в и , — любовь ведь сновиденье.
 Но стал угрюмо-равнодушным он.
 Давно в своем сердечном охлажденье
 Он понял: наступает пробужденье,
 И пусть надежды счастье нам сулят,
 Кончается их яркое цветенье,
 Волшебный исчезает аромат,
 И что ж останется: кипящий в сердце яд.

В нем прелесть женщин чувства не будила,
 Он стал к ним равнодушной мудреца,
 Хотя его не мудрость охладила,
 Свой жар высокий льющая в сердца.
 Изведав все пороки до конца,
 Он был страстями, что отбушевали,
 И пресыщеньем обращен в слепца,
 И жизнеотрицающей печали
 Угрюмым холодом черты его дышали.

Он в обществе был сумрачен и хмур,
 Хоть не питал вражды к нему. Бывало,
 И песнь споев, и протанцует тур,
 Но сердцем в том участвовал он мало,
 Лицо его лишь скуку выражало.
 Но раз он бросил вызов сатане.
 Была весна, все радостью дышало,
 С красавицей сидел он при луне
 И стансы ей слагал в вечерней тишине.

ИНЕСЕ

Не улыбайся мне, не жди
 Улыбки странника ответной.
 К его бесчувственной груди
 Не приникай в печали тщетной.

Ты не разделишь, милый друг,
Страданья дней его унылых,
Ты не поймешь причины мук,
Которым ты помочь не в силах.

Когда бы ненависть, любовь
Иль честолюбье в нем бродило!
Нет, не они велят мне вновь
Покинуть все, что сердцу мило.

То скука, скука! С давних пор
Она мне сердце тайно гложет.
О, даже твой прекрасный взор,
Твой взор его развлечь не может!

Томим сердечной пустотой,
Делю я жребий Агасфера.
И в жизнь за гробовой чертой,
И в эту жизнь иссякла вера.

Бегу от самого себя,
Ищу забвенья, но со мною
Мой демон злобный, мысль м о я , —
И в сердце места нет покою.

Другим все то, что скучно мне,
Дает хоть призрак наслажденья.
О, пусть пребудут в сладком сне,
Не зная муки пробужденья!

Проклятьем прошлого гоним,
Считаюсь без друзей, без дома
И утешаюсь тем одним,
Что с худшим сердце уж знакомо.

Но с чем же? — спросишь ты. О нет,
Молчи, дитя, о том ни слова!
Взгляни с улыбкой мне в ответ
И сердца не пытай мужского.

Прости, прости, прекрасный Кадикс мой!
Напрасно враг грозил высоким стенам,
Ты был средь бурь незаблемой скалой,

Ты незнаком с покорностью и пленом.
И если, гневом распален священным,
Испанца кровь дерзал ты проливать,
То суд был над изменником презренным.
Но изменить могла здесь только знать.
Лишь рыцарь был готов чужой сапог лобзать.

86

Испания, таков твой жребий странный:
Народ-невольник встал за вольность в бой.
Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо знамя держит рядовой.
Пусть только жизнь дана ему тобой,
Ему, как хлеб, нужна твоя Свобода.
Он все отдаст за честь земли родной,
И дух его мужает год от года.
«Сражаться до ножа!» — таков девиз народа.

87

Кто хочет знать Испанию, прочти,
Как воевать Испания умела.
Все, что способна месть изобрести,
Все, в чем война так страшно преуспела —
И нож и сабля — все годится в дело!
Так за сестер и жен испанцы мстят,
Так вражий натиск принимают смело,
Так чужеземных потчуют солдат
И не сочтут за труд отправить сотню в ад.

88

Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?
Кинжала нет — дубиной, ломом бей,
Пора кончать с незваными гостями!
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И тлеть оставь — пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!

Еще не пробил час, но вновь войска
 Идут сквозь пиренейские проходы.
 Конца никто не ведает пока,
 Но ждут порабощенные народы,
 Добьется ли Испания свободы,
 Чтобы за ней воспряло больше стран,
 Чем раздавил Писарро. Мчатся годы!
 Потомкам Кито мир в довольстве дан,
 А над Испанией свирепствует тиран.

Ни Сарагосы кровь, ни Альбуера,
 Ни годы жертв, ни плач твоих сирот,
 Ни мужество, какому нет примера, —
 Ничто испанский не спасло народ.
 Доколе червю грызть оливы плод?
 Когда забудут бранный труд герои?
 Когда последний страшный день уйдет,
 И на земле, где галл погряз в разбое,
 Привьется Дерево Свободы, как родное?

А ты, мой друг! — но тщетно сердца стон
 Врывается в строфу повествованья.
 Когда б ты был мечом врага сражен,
 Гордясь тобой, сдержал бы друг рыданья.
 Но пасть бесславно, жертвой врачеванья,
 Оставить память лишь в груди певца,
 Привыкшей к одиночеству страданья,
 Меж тем как Слава труса чтит, глупца, —
 Нет, ты не заслужил подобного конца!

Всех раньше узнан, больше всех любим,
 Сберегшему так мало дорогого
 Сумел ты стать навеки дорогим.

«Не жди его!» — мне явь твердит сурово.
Зато во сне ты мой! Но утром снова
Душа к одру печальному летит,
О прошлом плачет и уйти готова
В тот мир, что тень скитальца приютит,
Где друг оплаканный о плачущем грустит.

93

Вот странствий Чайльда первая страница.
Кто пожелает больше знать о нем,
Пусть следовать за мною потрудится,
Пока есть рифмы в словаре моем.
Бранить меня успеете потом.
Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он в краю другом,
Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Пою тебя, небесная, хоть к нам,
Поэтам бедным, ты неблагосклонна.
Здесь был, богиня мудрости, твой храм.
Над Грецией прошли врагов знамена,
Огонь и сталь ее терзали лоно,
Бесчестило владычество людей,
Не знавших милосердия и закона
И равнодушных к красоте твоей.
Но жив твой вечный дух средь пепла и камней.

2

Увы. Афина, нет твоей державы!
Как в шуме жизни промелькнувший сон,
Они ушли, мужи высокой славы,
Те первые, кому среди племен

Венец бессмертья миром присужден.
Где? Где они? За партой учат дети
Историю ушедших в тьму времен,
И это все! И на руины эти
Лишь ответ падает сквозь даль тысячелетий.

3

О сын Востока, встань! Перед тобой
Племен гробница — не тревожь их праха.
Сменяются и боги чередой,
Всем пить прядет таинственная Пряха.
Был Зевс, пришло владычество Аллаха,
И до тех пор сменяться вновь богам,
Покуда смертный, отрешась от страха,
Не перестанет жечь им фимиам
И строить на песке пустой надежды храм.

4

Он, червь земной, чего он ищет в небе?
Довольно бы того, что он живет.
Но так он ценит свой случайный жребий,
Что силится загадывать вперед.
Готов из гроба кинуться в полет
Куда угодно, только б жить подоле,
Блаженство ль там или страданье ждет.
Взвесь этот прах! Тебе он скажет боле,
Чем все, что нам твердят о той, загробной доле.

5

Вот холм, где вождь усопший погребен,
Вдали от бурь, от песен и сражений, —
Он пал под плач поверженных племен.
А ныне что? Где слезы сожалений?
Нет часовых над ложем гордой тени,
Меж воинов не встать полубогам.
Вот череп — что ж? Для прошлых поколений
Не в нем ли был земного бога храм?
А ныне даже червь не приютится там.

6

В пробоинах и свод его, и стены,
 Пустынны залы, выщерблен портал.
 А был Тщеславья в нем чертог надменный,
 Был Мысли храм, Души дворец блистал,
 Бурлил страстей неудержимый шквал,
 Но все пожрал распада хаос дикий,
 Пусты глазницы, желт немой оскал.
 Какой святой, софист, мудрец великий
 Вернет былую жизнь в ее сосуд безликий?

7

«Мы знаем только т о , — сказал С о к р а т , —
 Что ничего не знаем». И, как дети,
 Пред Неизбежным смертные дрожат.
 У каждого своя печаль на свете,
 И слабый мнит, что Зло нам ставит сети.
 Нет, суть в тебе! Твоих усилий плод —
 Судьба твоя. Покой обрящешь в Лете.
 Там новый пир пресыщенных не ждет.
 Там, в лоне тишины, страстей неведом гнет.

8

Но если есть тот грустный мир теней,
 Что нам мужи святые описали,
 Хотя б его софист иль саддукей
 В безумье знаний ложных отрицали, —
 Как было б чудно в элизийской дали,
 Где место всем, кто освещал наш путь,
 Услышать тех, кого мы не слышали,
 На тех, кого не видели, взглянуть,
 К познавшим Истину восторженно примкнуть.

9

Ты, с кем ушли Любовь и Счастье в землю,
 Мой жребий — жить, любить, но для чего?
 Мы так срослись, еще твой голос внемлю,
 И ты жива для сердца моего,

Ужель твое недвижно и мертво!
Живу одной надеждой сокровенной,
Что снова там услышу зов его.
Так будь что будет! В этой жизни бренной
Мое блаженство — знать, что ты в стране
блаженной.

10

Я сяду здесь, меж рухнувших колонн,
На белый цоколь. Здесь, о Вседержитель,
Сатурна сын, здесь был твой гордый трон.
Но из обломков праздный посетитель
Не воссоздаст в уме твою обитель.
Никто развалин вздохом не почитит.
И, здешних мест нелюбопытный житель,
На камни мусульманин не глядит,
А проходящий грек поет или свистит.

11

Но кто же, кто к святилищу Афины
Последним руку жадную простер?
Кто расхищал бесценные руины,
Как самый злой и самый низкий вор?
Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны Свободы,
Но не почтил их сын шотландских гор:
Он, переплыв бесчувственные воды,
В усердьё варварском ломал колонны, своды.

12

Что пощадили время, турок, гот,
То нагло взято пиктом современным.
Нет, холоднее скал английских тот,
Кто подошел с киркою к этим стенам,
Кто не проникся трепетом священным,
Увидев прах великой старины.
О, как страдали скованные пленом,
Деля богини скорбь, ее сыны,
Лишь видеть и молчать судьбой обречены!

13

Ужель признают, не краснея, бритты,
Что Альбион был рад слезам Афин,
Что Грецию, молившую защиты,
Разграбил полумира властелин!
Страна свободы, страж морских пучин,
Не ты ль слыла заступницей Эллады!
И твой слуга, твой недостойный сын
Пришел, не зная к слабому пощады,
Отнять последнее сокровище Паллады!

14

Но ты, богиня, где же ты, чей взгляд
Пугал когда-то гота и вандала?
Где ты, Ахилл, чья тень, осилив ад
И вырвавшись из вечного провала,
В глаза врагу грозою заблестала?
Ужель вождя не выпустил Плутон,
Чтоб мощь его пиратов обуздала?
Нет, праздный дух, бродил над Стиксом он
И не прогнал воров, ломавших Парфенон.

15

Глух тот, кто прах священный не почитит
Слезами горя, словно прах любимой.
Слеп тот, кто меж обломков не грустит
О красоте, увы, невозвратимой!
О, если б гордо возгласить могли мы,
Что бережет святыни Альбион,
Что алтари его рукой хранимы.
Нет, все поправ, увозит силой он
Богов и зябких нимф под зимний небосклон.

16

Но где ж Гарольд остался? Не пора ли
Продолжить с ним его бесцельный путь?
Его и здесь друзья не провожали,

Не кинулась любимая на грудь,
Чтоб знал беглец, о ком ему вздохнуть.
Хоть красоты иноплеменной гений
И мог порой в нем сердце всколыхнуть,
Он скорбный край войны и преступлений
Покинул холодно, без слез, без сожалений.

17

Кто бороздил простор соленых вод,
Знаком с великолепною картиной:
Фрегат нарядный весело плывет,
Раскинув снасти тонкой паутиной.
Играет ветер в синеве пустынной.
Вскипают шумно волны за кормой.
Уходит берег. Стаей лебединой
Вдали белеет парусный конвой.
И солнца свет и блеск пучины голубой!

18

Корабль подобен крепости плавучей.
Под сетью здесь — воинственный мирок.
Готовы пушки — ведь неверен случай!
Осиплый голос, боцмана свисток,
И вслед за этим дружный топот ног,
Кренятся мачты и скрипят канаты.
А вот гардемарин, еще щенок,
Но в деле — хват и, как моряк завзятый,
Бранится иль свистит, ведя свой дом крылатый.

19

Корабль надраен, как велит устав.
Вот лейтенант обходит борт сурово,
Лишь капитанский мостик миновал.
Где капитан — не место для другого.
Он лишнего ни с кем не молвит слова
И с экипажем держит строгий тон.
Ведь дисциплина — армии основа.
Для славы и победы свой закон
Британцы рады чтить, хотя им в тягость он,

20

Вей, ветер, вей, наш парус надувая,
День меркнет, скоро солнце уж зайдет.
Так растянулась за день наша стая,
Хоть в дрейф ложись, пока не рассветет.
На флагмане уже спускают грот,
И, верно, остановимся мы вскоре,
А ведь ушли б на много миль вперед!
Вода подобна зеркалу. О, горе —
Ленивой свиты ждать, когда такое море!

21

Встает луна. Какая ночь, мой бог!
Средь волн дрожит дорожка золотая.
В такую ночь один ваш страстный вздох,
И верит вам красotka молодая.
Неси ж на берег нас, судьба благая!
Но Арион нашелся на борту
И так хватил по струнам, запевая,
Так лихо грянул в ночь и в темноту,
Что все пустились в пляс, как с милыми в порту

22

Корабль идет меж берегов высоких.
Две части света смотрят с двух сторон.
Там пышный край красавиц чернооких,
Здесь — черного Марокко нищий склон.
Испанский берег мягко освещен,
Видны холмы, под ними лес зубчатый,
А тот — гигантской тенью в небосклон
Вонзил свои береговые скаты,
Не озаренные косым лучом Гекаты.

23

Ночь. Море спит. О, как в подобный час
Мы ждем любви, как верим, что любили,
Что друг далекий ждет и любит нас,

Хоть друга нет, хоть все о нас забыли.
Нет, лучше сон в безвременной могиле,
Чем юность без любимой, без друзей!
А если сердце мы похоронили,
Тогда на что и жизнь, что толку в ней?
Кто может возратить блаженство детских дней!

24

Глядишь за борт, следишь, как в глуби водной
Дианы рог мерцающий плывет,
И сны забыты гордости бесплодной,
И в памяти встает за годом год,
И сердце в каждом что-нибудь найдет,
Что было жизни для тебя дороже,
И ты грустишь, и боль в душе растет,
Глухая боль... Что тягостней, о, боже,
Чем годы вспоминать, когда ты был моложе!

25

Лежать у волн, сидеть на крутизне,
Уйти в безбрежность, в дикие просторы,
Где жизнь вольна в беспечной тишине,
Куда ничьи не проникали взоры;
По козьим тропкам забираться в горы,
Где грозен шум летящих в бездну вод,
Подслушивать стихий мятежных споры, —
Нет, одиноким быть не может тот,
Чей дух с природою один язык найдет,

26

Зато в толпе, в веселье света мнимом,
В тревогах, смутах, шуме суеты,
Идти сквозь жизнь усталым пилигримом
Среди богатств и жалкой нищеты,
Где нелюбим и где не любишь ты,
Где многие клянутся в дружбе ныне
И льстят тебе, хоть, право, их черты
Не омрачатся при твоей кончине —
Вот одиночество, вот жизнь в глухой пустыне!

27

Насколько же счастливее монах,
 Глядящий из обители Афона
 На пик его в прозрачных небесах,
 На зелень роц, на зыбь морского лона,
 На все, чем, озираясь умиленно,
 Любуется усталый пилигрим,
 Не в силах от чужого небосклона
 Уйти к холодным берегам родным,
 Где ненавидит всех и всеми нелюбим.

28

Но между тем мы долгий путь прошли,
 И зыбкий след наш поглотили в о д ы , —
 Мы шквал, и шторм, и штиль перенесли,
 И солнечные дни, и непогоды —
 Все, что несут удачи и невзгоды
 Жильцам морских крылатых крепостей,
 Невольникам изменчивой природы, —
 Все позади, и вот среди зыбей —
 Ура! Ура — земля! Ну, други, веселей!

29

Правь к островам Калипсо, мореход,
 Они зовут усталого к покою,
 Как братья встав среди бескрайных вод.
 И нимфа слез уже не льет рекою,
 Простив обиду смертному герою,
 Что предпочел возлюбленной жену.
 А вот скала, где дружеской рукою
 Столкнул питомца Ментор в глубину,
 Оставив о двоих рыдать ее одну.

30

Но что же царство нимф — забытый сон?
 Нет, не грусти, мой юный друг, вздыхая.
 Опасный трон — в руках у смертных жен,
 И если бы, о Флоренс дорогая,

Могла любить душа, для чувств глухая,
Сама судьба потворствовала б нам.
Но, враг цепей, все узы отвергая,
Я жертв пустых не принесу в твой храм
И боль напрасную тебе узнать не дам.

31

Гарольд считал, что взор прекрасных глаз
В нем вызывает только восхищенье,
И, потеряв его уже не раз,
Любовь теперь держалась в отдаленье,
Поняв в своем недавнем пораженье,
Что сердце Чайльда для нее мертво,
Что, презирая чувства ослепленье,
Он у любви не просит ничего,
И ей уже не быть царицей для него.

32

Зато прекрасной Флоренс было странно:
Как тот, о ком шептали здесь и там,
Что он готов влюбляться непрестанно,
Так равнодушен был к ее глазам.
Да, взор ее, к досаде многих дам,
Сражал мужчин, целил и ранил метко,
А он — юнец! — мальчишка по годам,
И не просил того, за что кокетка
Нередко хмурится, но гневается редко.

33

Она не знала, что и Чайльд любил,
Что в равнодушьи он искал защиты,
Что подавлял он чувств невольный пыл,
И гордостью порывы их убиты,
Что не было опасней волокиты,
И в сеть соблазна многих он завлек,
Но все проказы ныне им забыты,
И хоть бы страсть в нем синий взор зажег,
С толпой вздыхателей смешаться он не мог.

34

Кто лишь вздыхает, — это всем известно, —
 Не знает женщин, их сердечных дел,
 Ты побежден, и ей неинтересно,
 Вздыхай, моли, но соблюдай предел.
 Иначе лишь презренье твой удел.
 Из кожи лезь — у вас не будет лада!
 К чему моленья? Будь остер и смел,
 Умей смешить, подчас кольни, где надо,
 При случае польсти, и страсть — твоя награда!

35

Прием из жизни взятый, не из книг!
 Но многое теряет без возврата,
 Кто овладел им. Цели ты достиг,
 Ты наслаждался, но чрезмерна плата:
 Старенье сердца, лучших сил утрата,
 И страсть сыта, но юность сожжена,
 Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
 Любовь тебе давно уж не нужна,
 И, все мечты презрев, душа твоя больна.

36

Но в путь! Иной торопит нас предмет.
 Немало стран пройти мы обещали,
 И не игре Воображенья вслед,
 А волею задумчивой печали.
 Мы стран таких и в сказках не встречали,
 И даже утописты наших дней
 Такой картиной нас не обольщали, —
 Те чудаки, что исправлять людей
 Хотят при помощи возвышенных идей.

37

Природа-мать, тебе подобных нет,
 Ты жизнь творишь, ты создаешь светила.
 Я приникал к тебе на утре лет,

Меня, как сына, грудью ты вскормила
И не отвергла, пусть не полюбила.
Ты мне роднее в дикости своей,
Где власть людей твой лик не осквернила.
Люблю твою улыбку с детских дней,
Люблю спокойствие — но гнев еще сильнеей.

38

Среди мудрейших в главы хрестоматий,
Албания, вошел твой Искандер.
Героя тезка — бич турецких ратей —
Был тоже рыцарь многим не в пример.
Прекрасна ты, страна хребтов, пещер,
Страна людей, как скалы, непокорных,
Где крест поник, унижен калойер
И полумесяц на дорогах горных
Горит над лаврами средь кипарисов черных.

39

Гарольд увидел скудный остров тот,
Где Пенелопа, глядя вдаль, грустила.
Скалу влюбленных над пучиной вод,
Где скорбной Сафо влажная могила.
Дочь Лесбоса! Иль строф бессмертных сила
От смерти не могла тебя спасти?
Не ты ль сама бессмертие дарила!
У лиры есть к бессмертию пути,
И неба лучшего нам, смертным, не найти.

40

То было тихим вечером осенним,
Когда Левкады Чайльд узнал вдали,
Но мимо плыл корабль, и с сожаленьем
На мыс глядел он. Чайльда не влекли
Места, где битвы грозные прошли,
Ни Трафальгар, ни Аквиум кровавый.
Рожденный в тихом уголке земли,
Он презирал, пустой не бредя славой,
Солдат-наемников и даже вид их бравый.

41

Но вот блеснул звезды вечерней свет,
 И, весь отдавшись странному волненью,
 Гарольд послал прощальный свой привет
 Скале любви с ее гигантской тенью.
 Фрегат скользил, как бы охвачен ленью,
 И Чайльд глядел задумчиво назад,
 Волны возвратной следуя движенью,
 Настроясь вновь на свой привычный лад.
 Но лоб его светлел, и прояснялся взгляд.

42

Над скалами Албании суровой
 Восходит день. Вот Пинд из темных туч
 В тюрбане белом, темный и лиловый,
 Возник вдали. На склоне мшистых круч
 Селенья бледный освещает луч.
 Там лютый барс в расщелинах таится,
 Орел парит, свободен и могуч.
 Там люди вольны, словно зверь и птица,
 И буря, Новый год встречая, веселится.

43

И вот где Чайльд один. Пред ним края
 Для христианских языков чужие.
 Любуясь ими, но и страх тая,
 Иной минует скалы их крутые.
 Однако Чайльд изведал все стихии,
 Не ищет гроз, но встретить их готов,
 Желаний чужд, беспечен, и впервые
 Дыша свободой диких берегов,
 И зной он рад терпеть, и холод их снегов.

44

Вот Красный Крест, один лишь Крест всего,
 Посмешище приверженцев Ислама,
 Униженный, как те, кто чтит его.

О Суеверье, как же ты упрямо!
Христос, Аллах ли, Будда или Брама,
Бездушный идол, бог — где правота?
Но суть одна, когда посмотришь прямо:
Церквам — доход, народу — нищета!
Где ж веры золото, где ложь и суета?

45

А вот залив, где отдан был весь мир
За женщину, где всю армаду Рима,
Царей азийских бросил триумвир.
Был враг силен, любовь непобедима.
Но лишь руины смотрят нелюдимо,
Где продолжатель Цезаря царил.
О деспотизм, ты правишь нетерпимо!
Но разве бог нам землю подарил,
Чтоб мир лишь ставкою в игре тиранов был?

46

От этих стен, от Города Побед
Чайльд едет в иллирийские долины.
В истории названий этих нет,
Там славные не встретятся руины,
Но и роскошной Аттики картины,
И дол Тампейский, и тебя, Парнас,
Затмил бы многим этот край пустынный,
Не будь вы милой классикой для нас.
Идешь — любишь, — и все чарует глаз!

47

Минуя Пинд, и воды Ахерузы,
И главный город, он туда идет,
Где Произвол надел на Вольность узы,
Где лютый вождь Албанию гнетет,
Поработив запуганный народ.
Где лишь порой, неукротимо дики,
Отряды горцев с каменных высот
Свергаются, грозя дворцовой клике,
И только золото спасает честь владыки.

48

О Зитца! Благодатный монастырь!
 Какая тень! Как все ласкает взоры!
 Куда ни смотришь: вниз иль в эту ширь —
 Как лучезарно-радужны просторы!
 Все гармонично: небо, лес и горы,
 Нависших скал седые горбыли,
 Ручьев, по склонам вьющихся, узоры,
 Да водопада мерный шум вдали,
 И синевы потоп от неба до земли.

49

Когда б уступы мрачных скал кругом
 Не высились громадою надменной,
 Мохнатый холм, увенчанный леском,
 Казался бы величественной сценой.
 В обители укрывшись белостенной,
 От суеты бытийственной храним,
 Живет монах, анахорет смиренный,
 И здесь невольно медлит пилигрим,
 Внимая голосам природы, как родным.

50

Он забывает знойный пыльный путь,
 Его листва объемлет вековая,
 А ветерок живет и нежит грудь
 И в сердце льет благоуханье рая.
 Внизу осталась толчея людская,
 Не может зной проникнуть в эту сень,
 До дурноты, до злости раздражая.
 Лежишь и смотришь, услаждая лень,
 Как день за утром встал, как вечер сменит день.

51

Кругом — вулканов мертвая гряда,
 За ними Альп химерских седловина,
 А там потоки, хижины, стада —
 Внизу живет и движется долина.

Там сосны, тут стрельчатая раина,
Чернеет легендарный Ахерон,
Река теней — волшебная картина!
И это входы в Тартар? — нет, Плутон,
Пусть рай закроется, меня не манит он!

52

Не портят вида разные строенья.
Янину скрыла ближних гор стена,
Лишь там и здесь убогие селенья,
Кой-где маячит хижина одна,
А вон поляна горная видна,
Пасутся козы, пастушок на круче.
Простых забот вся жизнь его полна:
Мечтает, спит, глядит, откуда тучи,
Иди в пещере ждет, чтоб минул дождь ревучий.

53

Додона, где твой лес, твой вещий ключ,
Оракул твой и дол благословенный,
Слыхавший Зевса голос из-за туч?
Где храм его, для Греции священный?
Их нет. Так нам ли, коль падут и стены,
Роптать на то, что смертным Смерть грозит!
Молчи, глупец! И мы, как боги, тленны.
Пусть долговечней дуб или гранит,
Всё — троны, языки, народы — Рок сразит.

54

Эпир прошли мы. Насмотревшись гор,
Любуешься долинами устало.
В такой нарядный, праздничный убор
Нигде весна земли не одевала.
Но даже здесь красот смиренных мало.
Вот шумно льется речка с крутизны,
Над нею лес колеблет опахала,
И тени пляшут в ней, раздроблены,
Иль тихо спят в лучах торжественной луны.

55

За Томерит зашло светило дня,
Лаос несется с бешеным напором,
Ложится тьма, последний луч тесня,
И, берегом сходя по крутогорам,
Чайльд видит вдруг: подобно метеорам,
Сверкают минареты за стеной.
То Тепелена, людная, как форум,
И говор, шум прислуги крепостной,
И звон оружия доносит бриз ночной.

56

Минуя башню, где гарем священный,
Из-под массивной арки у ворот
Он видит дом владыки Тепелены
И перед ним толпящийся народ.
Тиран в безумной роскоши живет:
Снаружи крепость, а внутри палаты.
И во дворе — разноплеменный сброд:
Рабы и гости, евнухи, солдаты,
И даже, среди них, «сантоны» — те, кто святы,

57

Вдоль стен, по кругу, сотни три коней,
На каждом, под седлом, чепрак узорный.
На галереях множество людей,
И то ли вестовой или дозорный,
Какой-нибудь татарин в шапке черной
Вдруг на коня — и скачет из ворот.
Смешались турок, грек, албанец горный,
Приезжие с неведомых широт,
А барабан меж тем ночную зорю бьет.

58

Вот шкипетар, он в юбке, дикий взор,
Его ружье с насечкою богатой,
Чалма, на платье золотой узор.
Вот македонец — красный шарф трикраты

Вкруг пояса обмотан. Вот в косматой
Папахе, с тяжелой саблею, дели,
Грек, черный раб иль турок бородатый, —
Он соплеменник самого Али.
Он не ответит вам. Он — власть, он — соль земли.

59

Те бродят, те полулежат, как гости,
Следя за пестрой сменой картин.
Там спорят, курят, там играют в кости,
Тут молится Ислама важный сын.
Албанец горд, идет, как властелин.
Ораторствует грек, выдавший много.
Чу! С минарета кличет муэдзин,
Напоминая правоверным строго:
«Молитесь, бог один! Нет бога, кроме бога!»

60

Как раз подходит рамазан, их пост.
День летний бесконечен, но терпенье!
Чуть смеркнется, с явленьем первых звезд,
Берет Веселье в руки управленье.
Еда — навалом, блюда — объеденье!
Кто с галереи в залу не уйдет?
Теперь из комнат крики, хохот, пенье,
Снуют рабы и слуги взад-вперед,
И каждый что-нибудь приносит иль берет.

61

Но женщин нет: пиры — мужское дело.
А ей — гарем, надзор за нею строг.
Пусть одному принадлежит всецело,
Для клетки создал мусульманку бог!
Едва ступить ей можно за порог.
Ласкает муж, да год за годом дети,
И вот вам счастья женского залог!
Рожать, кормить — что лучше есть на свете?
А низменных страстей им незнакомы сети.

62

В обширной зале, где фонтан звенит,
Где стены белым мрамором покрыты,
Где все к уладам чувственным манит,
Живет Али, разбойник именитый.
Нет от его жестокости защиты,
Но старчески почтенные черты
Так дружелюбно-мягки, так открыты,
Полны такой сердечной доброты,
Что черных дел за ним не заподозришь ты.

63

Кому, когда седая борода
Мешала быть, как юноша, влюбленным?
Мы любим, невзирая на года,
Гафиз согласен в том с Анакреоном.
Но на лине, годами заклеяменном,
Как тигра коготь, оставляет шрам
Преступность, равнодушная к законам,
Жестокость, равнодушная к слезам.
Кто занял трон убийц, убийством правит сам.

64

Однако странник здесь найдет покой,
Тут все ему в диковинку, все ново,
Он отдохнет охотно день-другой.
Но роскошь мусульманского алькова,
Блеск, мишура — все опостылет снова,
Все было б лучше, будь оно скромней.
И Мир бежит от зрелища такого,
И Наслажденье было бы полней
Без этой роскоши, без царственных затей.

65

В суровых добродетелях воспитан,
Албанец твердо свой закон блюдет.
Он горд и храбр, от пули не бежит он,

Без жалоб трудный выдержит поход.
Он — как гранит его родных высот.
Храня к отчизне преданность сыновью,
Своих друзей в беде не предаёт
И, движим честью, мщением иль любовью,
Берётся за кинжал, чтоб смыть обиду кровью.

66

Среди албанцев прожил Чайльд немало.
Он видел их в триумфе бранных дней,
Видал и в час, когда он, жертва шквала,
Спасался от бушующих зыбей.
Душою черствый в час беды черствей,
Но их сердца для страждущих открыты —
Простые люди чтут своих гостей,
И лишь у вас, утонченные бритты,
Так часто не найдешь ни крова, ни защиты.

67

Случилось так, что ветром и волной
Корабль Гарольда к Сулии помчало,
Чернели рифы, и ревел прибой,
Но капитан и не искал причала.
Была гроза, и море бушевало,
Однако люди больше волн и скал
Боялись тут засады и кинжала,
Который встарь без промаха карал,
Когда незванный гость был турок или галл,

68

Ио все ж подплыть отважились, и что же —
Их сулиоты в бухту провели
(Гостеприимней шаркуна-вельможи
Рыбак иль скромный труженик земли),
Очаг в хибарке и светец зажгли,
Развесили одежды их сырые,
Радушно угостили, чем могли, —
Не так, как филантропы записные,
Но как велят сердца бесхитростно-простые.

69

Когда же дале Чайльд решил идти,
 Устав от гор, от дикой их природы,
 Ему сказали, что на полпути
 Бандитской шайкой заняты проходы,
 Там села жгут, там гибнут пешеходы!
 Чтоб лесом Акарнании скорей
 Пройти туда, где Ахелоя воды
 Текут близ этолийских рубежей,
 Он взял в проводники испытанных мужей.

70

Где Утракийский круглый спит залив
 Меж темных рощ, прильнув к холмам зеленым,
 И не бушуют волны, отступив,
 Но в синий день сверкают синим лоном,
 Иль зыблются под звездным небосклоном,
 Где западные ветры шелестят, —
 Гарольд казался тихо умиленным,
 Там был он принят, как любимый брат,
 И радовался дню, и ночи был он рад.

71

На берегу огни со всех сторон,
 Гостей обходят чаши круговые.
 И кажется, чудесный видит сон,
 Тому, кто видит это все впервые.
 Еще краснеют небеса ночные,
 Но игры начинать уже пора.
 И паликары, сабли сняв кривые
 И за руки берясь, вокруг костра
 Заводят хоровод и пляшут до утра.

72

Поодаль стоя, Чайльд без раздраженья
 Следил за веселящейся толпой.
 Не оскорбляли вкуса их движенья,
 И не было вульгарности тупой

Во всем, что видел он перед собой.
На смуглых лицах пламя грозно рдело,
Спадали космы черною волной,
Глаза пылали сумрачно и смело,
И все, что было здесь, кричало, выло, пело.

Тамбурджи, тамбурджи! Ты будишь страну,
Ты, радуя храбрых, пророчишь войну,
И с гор киммериец на зов твой идет,
Иллирии сын и смельчак сулиот.

Косматая шапка, рубаха как снег.
Кто может сдержать сулиота набег?
Он, волку и грифу оставив стада,
Свергается в дол, как с утеса вода.

Ужель киммериец врага пощадит?
Он даже друзьям не прощает обид.
И мечь его пуле, как честь, дорога —
Нет цели прекрасней, чем сердце врага!

А кто македонца осилит в бою?
На саблю он сменит охоту свою.
Вот жаркая кровь задымилась на ней,
И шарф его красный от крови красней.

Паргийским пиратам богатый улов:
Французам дорога — на рынок рабов!
Галеры хозяев своих подождут.
Добычу в лесную пещеру везут.

Нам золото, роскошь и блеск ни к чему —
Что трус покупает, я саблей возьму.
Ей любо красавиц чужих отнимать,
Пусть горько рыдает о дочери мать.

Мне ласка красавицы слаще вина,
Кипящую кровь успокоит она
И в песне прославит мой подвиг и бой,
Где пал ее брат иль отец предо мной.

Ты помнишь Превезу? О, сладостный миг!
Бегущих мольбы, настигающих крик!
Мы предали город огню и мечу, —
Безвинным пощада, но смерть богачу!

Кто служит визирю, тот знает свой путь.
И жалость и страх, шкипетар, позабудь!
С тех пор как Пророк удалился с земли,
Вождей не бывало, подобных Али.

Мухтар, его сын — у Дуная-реки,
Там гонят гяуров его бунчуки,
Их волосы желты, а лица бледны.
Из русских второй не вернется с войны.

Так саблю вождя обнажай, селиктар!
Тамбурджи! твой зов — это кровь и пожар.
Клянемся горам, покидая свой дом:
Погибнем в бою иль с победой придем.

73

Моя Эллада, красоты гробница!
Бессмертная и в гибели своей,
Великая в паденье! Чья десница
Сплотит твоих сынов и дочерей?
Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в неравный бой за Фермопилы
Шла без надежды горсть богатырей?
И кто же вновь твои разбудит силы
И воззовет тебя, Эллада, из могилы?

74

Когда за вольность бился Фразибул,
Могли ль поверить гордые Афины,
Что покорит их некогда Стамбул
И ввергнет в скорбь цветущие долины.
И кто ж теперь Эллады властелины?
Не тридцать их — кто хочет, тот и князь.
И грек молчит, и рабы гнутся спины,
И, под плетью турецкими смирясь,
Простерлась Греция, затоптанная в грязь.

Лишь красоте она не изменила,
 И странный блеск в глазах таит народ,
 Как будто в нем еще былая сила
 Неукротимой вольности живет.
 Увы! он верит, что не вечен гнет,
 Но веру он питает басней вздорной,
 Что помощь иноземная придет,
 И раздробит ярем его позорный,
 И вырвет слово «грек» из книги рабства черной.

Рабы, рабы! Иль вами позабыт
 Закон, известный каждому народу?
 Вас не спасут ни галл, ни московит,
 Не ради вас готовят их к походу,
 Тиран падет, но лишь другим в угоду.
 О Греция! Восстань же на борьбу!
 Раб должен сам добыть себе свободу!
 Ты цепи обновишь, но не судьбу.
 Иль кровью смыть позор, иль быть рабом рабу!

Когда-то город силой ятаганов
 Был у гяура отнят. Пусть опять
 Гяур османа вытеснит, воспрянув,
 И будет франк в серале пировать,
 Иль ваххабит, чей предок, словно тать,
 Разграбил усыпальницу Пророка,
 Пойдет пятою Запад по пиратъ, —
 К тебе Свобода не преклонит ока,
 И снова будет раб нести ярмо без срока.

Но как-никак перед постом их всех
 К веселью тянет. Нужно торопиться:
 Ведь скоро всем, за первородный грех,
 Весь день не есть, потом всю ночь молиться.

И вот, поскольку ждет их власяница,
Дней пять иль шесть веселью нет преград.
Чем хочешь, можешь тайно насладиться,
Не то кидайся в карнавальный чад,
Любое надевай — и марш на маскарад!

79

Веселью, как безудержной стихии,
Стамбул себя всецело отдает.
Хотя тюрбаны чванствуют в Софии,
Хотя без храма греческий народ
(Опять о том же стих мой слезы льет)!
Дары Свободы славя в общем хоре,
К веселью звал Афины их рапсод,
Но лишь Притворство радуется в горе,
И все же праздник бьет весельем на Босфоре.

80

Беспечной, буйной суматохе в лад
Звучит, сменяясь, хор без перерыва.
А там, вдали, то весла зашумят,
То жалуются волны сиротливо.
Но вдруг промчался ветер от залива,
И кажется, покинув небосвод,
Владычица прилива и отлива,
Чтоб веселее праздновал народ,
Сама, удвоив свет, сияет в глуби вод.

81

Качает лодки чуткая волна,
Порхают в пляске дочери Востока.
Конечно, молодежи не до сна,
И то рука, то пламенное око
Зовут к любви, и страсть, не выждав срока,
Касаньем робким сердце выдает.
Любовь, Любовь! Добра ты иль жестока,
Пусть там циник что угодно врет, —
И годы мук не жаль за дни твоих щедрот!

82

Но неужели в вихре маскарада
 Нет никого, кто вспомнил бы о том,
 Что умерло с тобой, моя Эллада;
 Кто слышит даже в рокоте морском
 Ответ на боль, на слезы о былом;
 Кто презирает этот блеск нахальный
 И шум толпы, ликующей кругом;
 Кто в этот час, для Греции печальный,
 Сменил бы свой наряд на саван погребальный.

83

Нет, Греция, тот разве патриот,
 Кто, болтовнею совесть успокая,
 Тирану льстит, покорно шею гнет
 И с видом оскорбленного героя
 Витийствует и прячется от боя.
 И это те, чьих дедов в оны дни
 Страшился перс и трепетала Троя!
 Ты все им дать сумела, но взгляни:
 Не любят матери истерзанной они.

84

Когда сыны Лакедемона встанут
 И возродится мужество Афин,
 Когда сердца их правнуков воспрянут
 И жены вновь начнут рождать мужчин,
 Ты лишь тогда воскреснешь из руин.
 Тысячелетья длится рост державы,
 Ее низвергнуть — нужен час один,
 И не вернут ей отошедшей славы
 Ни дальновидный ум, ни злата звон лукавый.

85

Но и в оковах ты кумир веков,
 К тебе — сердец возвышенных дороги,
 Страна людьми низвергнутых богов,
 Страна людей, прекрасных, точно боги.

Долины, рощи, гор твоих отроги
Хранят твой дух, твой гений, твой размах.
Разбиты храмы, рушатся чертоги,
Развеялся твоих героев прах,
Но слава дел твоих еще гремит в веках.

86

И ныне среди мраморных руин,
Пред колоннадой, временем разбитой,
Где встарь сиял воздушный храм Афин,
Венчая холм, в столетьях знаменитый,
Иль над могилой воина забытой,
Среди непо потревоженной травы,
Лишь пилигрим глядит на эти плиты,
Отшельник, чуждый света и молвы,
И, сумрачно вздохнув, как я, шепнет: увь!

87

Но ты жива, священная земля,
И так же Фебом пламенным согрета.
Оливы пышны, зелены поля,
Багряны лозы, светел мед Гимета.
Как прежде, в волнах воздуха и света
Жужжит и строит влажный сот пчела.
И небо чисто, и роскошно лето.
Пусть умер гений, вольность умерла,—
Природа вечная прекрасна и светла.

88

И ты ни в чем обыденной не стала,
Страной чудес навек осталась ты.
Во всем, что детский ум наш воспитало,
Что волновало юные мечты,
Ты нам являешь верные черты
Не вымысла, но подлинной картины.
Пусть Время рушит храмы иль мосты,
Но море есть, и горы, и долины,
Не дрогнул Марафон, хоть рухнули Афины.

89

Не землю ты, не солнце в небесах,
 Лишь господина, став рабой, сменила.
 В бескрылом рабстве гений твой исчах,
 И только Слава крылья сохранила.
 Меж этих гор — персидских орд могила.
 Эллады нет, но слово «Марафон»,
 С которым ты навек себя сроднила,
 Являет нам из глубины времен
 Теснину, лязг мечей, и кровь, и павших стон,

90

Мидян бегущих сломанные луки,
 И гибель перса, и позор его,
 Холмы, и дол, и берегов излуки,
 И победивших греков торжество.
 Но где трофеи гнева твоего,
 Край, где Свободой Азия разбита?
 Ни росписей, ни статуй — ничего!
 Все вор унес, твоя земля разрыта,
 И топчут пыль коня турецкого копыта.

91

И все же ты, как в древности, чудесен,
 Ты каждой гранью прошлого велик,
 Заветный край героев, битв и песен,
 Где родился божественный язык,
 Что и в пределы Севера проник
 И зазвучал, живой и юный снова,
 В сердцах горячих, на страницах книг,
 Искусства гордость, мудрости основа,
 Богов и светлых муз возвышенное слово.

92

В разлуке мы тоскуем о родном,
 О доме, где в слезах нас провожали,
 Но одинокий здесь найдет свой дом,

И он вздохнет о родине едва ли.
Все в Греции сродни его печали,
Все родственней его родной земли.
И прах богов не отряхнет с сандалий,
Кто был в краю, где Дельфы встарь цвели,
Где бились перс и грек и рядом смерть нашли.

93

Он здесь для сердца обретет покой,
Один бродя в магической пустыне,
Но пусть не тронет хищною рукой
Уже полурасхищенной святыни
Народа, миром чтимого доныне,
Пускай достойно имя «бритт» несет
И, приобщась великой благостыни,
Вернется под родимый небосвод,
Где в Жизни и Любви прибежище найдет.

94

А ты, кто гнал тоску глухих ночей,
Безвестные нанизывая строки,
В шумихе современных рифмачей
Не прозвучит твой голос одинокий.
Пройдут судьбой отмеренные сроки,
Другие лавр увядший подберут,
Но что тебе хвалы или упреки
Без них, без тех, кто был твой высший суд,
Кого ты мог любить, кому вверял свой труд.

95

Их нет, как нет, красавица, тебя,
Любимая, кто всех мне заменила,
Кто все прощать умела мне, любя,
И клевете меня не уступила.
Что жизнь моя! Тебя взяла могила,
Ты страннику не кинешься на грудь,

Его удел — вздыхать о том, что было,
Чего судьбе вовеки не вернуть, —
Придет, войдет в свой дом и вновь — куда-нибудь.

96

Возлюбленная, любящая вечно,
Единственная! Скорбь не устает
К былому возвращаться бесконечно.
Твой образ даже время не сотрет.
Хоть все похитил дней круговорот —
Друзей, родных, тебя, кто мир вместила!
О, смерть! Как точен стрел ее полет!
Все, чем я жил, чудовищная сила
Внезапно унесла, навеки поглотила.

97

Так что ж, иль в омут чувственных утех,
К пирам вернуться, к светским карнавалам,
Где царствует притворный, лживый смех,
Где всюду фальшь — равно в большом и малом,
Где чувство, мысль глушат весельем ш а л ы м , —
Играть себе навязанную роль,
Чтоб дух усталый стал вдвойне усталым,
И, путь слезам готова исподволь,
С презреньем деланным в улыбке прятать боль.

93

Что в старости быстрее всяких бед
Нам сеть морщин врезает в лоб надменный?
Сознание, что близких больше нет,
Что ты, как я, один во всей вселенной.
Склоняюсь пред Карающим смиренный, —
Дворцы Надежды сожжены дотла.
Катитесь, дни, пустой, бесплодной сменой!
Всё жизнь без сожаленья отняла,
И молодость моя, как старость, тяжела.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Afin que cette application vous forçât de penser à autre chose; il n'y a en vérité de remède que celui-là et le temps. *Lettre du Roi de Prusse à D'Alambert, Sept. 7 1776*¹

1

Дочь сердца моего, малютка Ада!
Похожа ль ты на мать? В последний раз,
Когда была мне суждена отрада
Улыбку видеть синих детских глаз,
Я отплывал — то был Надежды час.
И вновь плыву, но все переменялось.
Куда плыву я? Шторм встречает нас.
Сон обманул... И сердце не забилося,
Когда знакомых скал гряда в тумане скрылась.

2

Как славный конь, узнавший седока,
Играя, пляшут волны подо мною.
Бушуйте, вихри! Мчитесь, облака!
Я рад кипенью, грохоту и вою.
Пускай дрожат натянутой струною
И гнутся мачты в космах парусов!
Покорный волнам, ветру и прибою,
Как смытый куст по прихоти валов,
Куда угодно плыть отныне я готов.

3

В дни молодости пел я об изгое,
Бежавшем от себя же самого,
И снова принимаюсь за бывшее,
Ношу с собой героя своего,
Как ветер тучи носит, — для чего?

¹ Пусть это занятие заставит вас думать о другом; поистине только оно да еще время способны вас излечить. *Письмо короля Пруссии Даламберу, 7 сент. 1776 (франц.).*

Следы минувших слез и размышлений
Отливом стерты, прошлое мертво,
И дни влекутся к той, к последней смене
Глухой пустынею, где ни цветка, ни тени.

4

С уходом милой юности моей
Каких-то струн в моей душе не стало,
И лиры звук фальшивей и тусклеей.
Но если и не петь мне, как бывало,
Пою, чтоб лира сон мой разогнала,
Себялюбивых чувств бесплодный сон.
И я от мира требую так мало:
Чтоб автора забвенью предал он,
Хотя б его герой был всеми осужден.

5

Кто жизнь в ее деяниях постиг,
Кем долгий срок в земной юдоли прожит,
Кто ждать чудес и верить в них отвык,
Чье сердце жажда славы не тревожит
И ни любовь, ни ненависть не гложет,
Тому остался только мир теней,
Где мысль уйти в страну забвенья может,
Где ей, гонимой, легче и вольней
Меж зыбких образов, любимых с давних дней.

6

Их удержать, облечь их в плоть живую,
Чтоб тень была живее нас самих,
Чтоб в слове жить, над смертью торжествуя, —
Таким увидеть я хочу мой стих.
Пусть я ничтожен — на крылах твоих,
О мысль, твоим рождением ослепленный,
Но, вдруг прозрев незримо для других,
Лечу я ввысь, тобой освобожденный,
От снов бесчувственных для чувства
пробужденный.

7

Безумству мысли надобна узда.
Я мрачен был, душой печаль владела.
Теперь не то! В минувшие года
Ни в чем не ставил сердцу я предела.
Фантазия виденьями кипела,
И ядом стал весны моей приход.
Теперь душа угасла, охладела.
Учусь терпеть неотвратимый гнет
И не корить судьбу, вкушая горький плод.

8

На этом кончим! Слишком много строф
О той поре, уже невозвратимой.
Из дальних странствий под родимый кров
Гарольд вернулся, раною томимый,
Хоть не смертельной, но неисцелимой.
Лишь Временем он сильно тронут был.
Уносит бег его неумолимый
Огонь души, избыток чувств и сил,
И, смотришь, пуст бокал, который пеной бил.

9

До срока чашу осушив свою
И ощущая только вкус полыни,
Он зачерпнул чистейшую струю,
Припав к земле, которой чтит святыни,
Он думал, ключ неистощим отныне,
Но вскоре снова стал грустней, мрачней
И понял вдруг в своем глубоком сплине,
Что нет ему спасенья от цепей,
Врезающихся в грудь все глубже, все больней.

10

В скитаньях научившись хладнокровью,
Давно считая, что страстями сыт,
Что навсегда простился он с любовью

И равнодушие, как надежный щит,
От горя и от радости хранит,
Чайльд ищет вновь среди шума светской моды,
В толкучке зал, где суета кипит,
Для мысли пищу, как в былые г о д ы , —
Под небом стран чужих, среди чудес природы.

11

Но кто ж, прекрасный увидав цветок,
К нему с улыбкой руку не протянет?
Пред красотой румяных юных щек
Кто не поймет, что сердца жар не вянет?
Желанье славы чьей души не ранит,
Чьи мысли не пленит ее звезда?
И снова Чайльд пустым круженьем занят
И носится, как в прежние года,
Лишь цель его теперь достойней, чем тогда.

12

Но видит он опять, что не рожден
Для светских зал, для чуждой их стихии,
Что подчинять свой ум не может он,
Что он не может мыслить, как другие.
И хоть сжигала сердце в дни былые
Язвительная мысль его, но ей
Он мненья не навязывал чужие,
И в гордости безрадостной своей
Он снова ищет путь — подальше от людей.

13

Среди пустынных гор его друзья,
Средь волн морских его страна родная,
Где так лазурны знойные края,
Где пенятся буруны, набегаая.
Пещеры, скалы, чаща вековая —
Вот чей язык в его душе поет.
И, свой родной для новых забывая,
Он книгам надоевшим предпочтет
Страницы влажные согретых солнцем вод.

14

Он, как халдей, на звезды глядя ночью
 И населяя жизнью небосвод,
 Тельца, Дракона видеть мог воочью.
 Он был бы счастлив за мечтой в полет
 И душу устремить. Но прах телесный
 Пылать бессмертной искре не дает,
 Как не дает из нашей кельи тесной,
 Из тяжких пут земных взлететь в простор
 небесный.

15

Среди людей молчит он, скучен, вял,
 Но точно сокол, сын нагорной чащи,
 Отторгнутый судьбой от вольных скал,
 С подрезанными крыльями сидящий
 И в яростном бессилии все чаще
 Пытающийся проволочный свод
 Ударами груди кровоточащей
 Разбить и снова ринуться в полет, —
 Так мечется в нем страсть, не зная, где исход.

16

И вновь берет он посох пилигрима,
 Чтобы в скитаньях сердце отошло.
 Пусть это рок, пусть жизнь проходит мимо,
 Презренью и отчаянью назло
 Он призовет улыбку на чело.
 Как в миг ужасный кораблекрушенья
 Матросы хлещут спирт — куда ни шло!
 И с буйным смехом ждут судеб свершенья,
 Так улыбался Чайльд, не зная утешенья.

17

Ты топчешь прах Империи, — смотри!
 Тут Славу опозорила Беллона.
 И не воздвигли статую цари?
 Не встала Триумфальная колонна?

Нет! Но проснитесь, — Правда непреклонна:
Иль быть Земле и до скончания дней
Все той же? Кровь удобрила ей лоно,
Но мир на самом страшном из полей
С победой получил лишь новых королей.

18

О Ватерлоо, Франции могила!
Гарольд стоит над кладбищем твоим.
Он бил, твой ч а с , — и где ж Величье, Сила?
Все — Власть и Слава — обратилось в дым.
В последний раз, еще непобедим,
Взлетел орел — и пал с небес, пронзенный,
И, пустотой бесплодных дней томим,
Влачит он цепь над бездною соленою, —
Ту цепь, которой мир душил закабаленный.

19

Урок достойный! Рвется пленный галл,
Грызет узду, но где триумф Свободы?
Иль кровь лилась, чтоб оп один лишь пал,
Или, уча монархов чтить народы,
Изведал мир трагические годы,
Чтоб вновь попать для рабства все права,
Забывать, что все равны мы от природы?
Как? Волку льстить, покончив с мощью Льва?
Вновь славить троны? — Славь, но испытай
сперва.

20

То смерть не тирании — лишь тирана.
Напрасны были слезы нежных глаз
Над прахом тех, чей цвет увял так рано,
Чей смелый дух безвременно угас.
Напрасен был и страх, томивший нас,
Мильоны трупов у подножья трона,
Союз народов, что Свободу с п а с , —
Нет, в миртах меч — вот лучший страж Законала, —
Ты, меч Гармония, меч Аристокитона!

21

В ночи огнями весь Брюссель сиял,
 Красивейшие женщины столицы
 И рыцари стеклись на шумный бал.
 Сверкают смехом праздничные лица.
 В такую ночь все жаждет веселиться,
 На всем — как будто свадебный наряд,
 Глаза в глазах готовы раствориться,
 Смычки блаженство томное сулят.
 Но что там? Странный звук! — Надгробный звон?
 Набат?

22

Ты слышал? — Нет! А что? — Гремит карета,
 Иль просто ветер ставнями трясет.
 Танцуйте же! Сон изгнан до рассвета,
 Настал любви и радости черед.
 Они ускорят времени полет.
 Но тот же звук! Как странно прогудело!
 И словно вторит эхом небосвод.
 Опять? Все ближе! А, так вот в чем дело!
 К оружью! Пушки бьют! И все вдруг закипело.

23

В одной из рал стоял перед окном
 Брауншвейгский герцог. Первый в шуме бала
 Услышал он тот странный дальний гром,
 И, хоть кругом веселье ликовало,
 Он понял: Смерть беспечных вызывала!
 И, вспомнив, как погиб его отец,
 Вскочил, как от змеиного ужала,
 И на коня! И умер как храбрец!
 Он, кровью мстя за кровь, нашел в бою конец.

24

Все из дворца на улицу спешат,
 И хмель слетает с тех, кто были пьяны.
 И бледны щеки те, что час назад

От нежной лести были так румяны.
Сердцам наносят тягостные раны
Слова прощанья, страх глядит из глаз.
Кто угадает жребий свой туманный,
Когда в ночи был счастьем каждый час,
Но ужасом рассвет пирующих потряс.

25

Военные бегут со всех сторон,
Пронесются связные без оглядки,
Выходит в поле первый эскадрон,
Командой прерван сон пехоты краткий,
И боевые строятся порядки.
А барабан меж тем тревогу бьет,
Как будто гонит мужества остатки.
Толпа все гуще, в панике народ,
И губы бледные твердят: «Враг! враг идет!»

26

Но грянул голос: «Кемроны, за мной!»
Клич Лохьела, что, кланы созывая,
Гнал гордых саксов с Элбина долой;
Подъемлет визг волынка боевая,
Тот ярый дух в шотландцах пробуждая,
Что всем врагам давать отпор у м е л , —
То кланов честь, их доблесть родовая,
Дух грозных предков и геройских дел,
Что славой Эвана и Дональда гремел.

27

Вот принял их Арденн зеленый кров,
От слез природы влажные дубравы.
Ей ведом жребий юных смельчаков:
Как смятые телами павших травы,
К сырой земле их склонит бой кровавый.
Но май придет — и травы расцвели,
А те, кто с честью пал на поле славы,
Хоть воплощенной доблестью пришли,
Истлеют без гробов в объятиях земли.

28

День видел блеск их жизни молодой,
 Их вечер видел среди гурий бала,
 Их ночь видала собранными в строй,
 И сильным войском утро увидало.
 Но в небе туча огненная встала,
 Извергла дым и смертоносный град,
 И что цвело — кровавой грязью стало,
 И в этом красном месиве лежат
 Француз, германец, бритт — на брата вставший
 брат.

29

Воспет их подвиг был и до меня,
 Их новое восславит поколение,
 Но есть один среди них — он мне р о д н я , —
 Его отцу нанес я оскорбленье.
 Теперь, моей ошибки в искупленье,
 Почту обоих. Там он был в строю.
 Он грудью встретил вражье наступленье
 И отдал жизнь и молодость свою,
 Мой благородный друг, мой Говард, пал в бою.

30

Все плакали о нем, лишь я не мог,
 А если б мог, так что бы изменилось?
 Но стоя там, где друг мой в землю слег,
 Где — вслед за ним увядшая — склонилась
 Акация, а поле колосилось,
 Приветствуя и солнце и тепло, —
 Я был печален: сердце устремилось
 От жизни, от всего, что вновь цвело,
 К тем, воскресить кого ничто уж не могло.

31

Их тысячи — и тысячи пустот
 Оставил сонм ушедших за собою.
 Их не трубою Славы воззовет

Великий день, назначенный судьбою,
Но грозного архангела трубою.
О, если б дать забвение живым!
Но ведь и Слава не ведет к покою:
Она придет, уйдет, пленясь другим, —
А близким слезы лить о том, кто был любим,

32

Но слезы льют с улыбкою сквозь слезы:
Дуб долго сохнет прежде, чем умрет.
В лохмотьях парус, киль разбили грозы,
И все же судно движется вперед.
Гниют подпоры, но незыблем свод,
Зубцы ломает вихрь, но крепки стены,
И сердце, хоть разбитое, живет
И борется в надежде перемены.
Так солнце застит мгла, но день прорвется
пленный.

33

Так — зеркало, где образ некий зрим:
Когда стеклу пора пришла разбиться,
В любом осколке, цел и невредим,
Он полностью, все тот же, отразится.
Он и в разбитом сердце не дробится,
Где память об утраченном жива.
Душа исходит кровью, и томится,
И сохнет, как измятая трава,
Но втайне, но без слов, — да и на что слова?

34

В отчаянье есть жизнь — пусть это я д, —
Анчара корни только ядом жили.
Казалось бы, и смерти будешь рад,
Коль жизнь тяжка. Но, полный смрадной гнили,
Плод Горя всеми предпочтен могиле.
Так яблоки на Мертвом море есть,
В них пепла вкус, но там их полюбили.
Ах, если б каждый светлый час зачесть,
Как целый год, — кто б жил хотя б десятков
шесть?

Псалмист измерил наших дней число,
 И много и х, — мы в жалобах неправы.
 Но Ватерлоо тысячи смело,
 Прервав ужасной эпопеи главы.
 Его для поэтической забавы
 Потомки звучно воспоют в стихах:
 «Там взяли верх союзные державы,
 Там были наши прадеды в войсках!»
 Вот все, чем этот день останется в веках.

Сильнейший там, но нет, не худший пал.
 В противоречьях весь, как в паутине,
 Он слишком был велик и слишком мал,
 А ведь явись он чем-то посредине,
 Его престол не дрогнул бы донине
 Иль не воздвигся б вовсе. Дерзкий пыл
 Вознес его и приковал к пучине,
 И вновь ему корону возвратил,
 Чтоб, театральный Зевс, опять он мир смутил.

Державный пленник, бравший в плен державы,
 Уже ничтожный, потерявший трон,
 Ты мир пугаешь эхом прежней славы.
 Ее капризом был ты вознесен,
 И был ей люб свирепый твой закон.
 Ты новым богом стал себе казаться,
 И мир, охвачен страхом, потрясен,
 Готов был заклеить как святотатца
 Любого, кто в тебе дерзнул бы сомневаться.

Сверхчеловек, то низок, то велик,
 Беглец, герой, смиритель усмиранный,
 Шагавший вверх по головам владык,

Шатавший императорские троны,
Хоть знал людей ты, знал толпы законы,
Не знал себя, не знал ты, где беда,
И, раб страстей, кровавый жрец Беллоны,
Забыл, что потухает и звезда
И что дразнить судьбу не надо никогда.

39

Но, презирая счастья перемены,
Врожденным хладнокровием храним,
Ты был незыблем в гордости надменной,
И, мудрость это иль искусный грим, —
Бесил врагов достоинством своим.
Тебя хотела видеть эта свора
Просителем, униженным, смешным,
Но, не склонив ни головы, ни взора,
Ты ждал с улыбкою спокойной приговора.

40

Мудрец в несчастье! В прежние года
Ты презирал толпы покорной мненье,
Весь род людской ты презирал тогда,
Но слишком явно выражал презренье.
Ты был в нем прав, но вызвал раздраженье
Тех, кто в борьбе возвысил жребий твой:
Твой меч нанес тебе же поражение.
А мир — не стоит он игры с судьбой!
И это понял ты, как все, кто шел с тобой.

41

Когда б стоял и пал ты одинок,
Как башня, с гор грозящая долинам,
Щитом презренье ты бы сделать мог,
Но средь миллионов стал ты властелином,
Ты меч обрел в восторге толп едином,
А Диогеном не был ты рожден,
Ты мог скорее быть Филиппа сыном,
Но циник, узурпировавший трон,
Забыл, что мир велик и что не бочка он.

42

Спокойствие для сильных духом — ад.
 Ты проклят был: ты жил дерзаньем смелым,
 Огнем души, чьи крылья ввысь манят,
 Ее презреньем к нормам закоснелым,
 К поставленным природою пределам.
 Раз возгораясь, горит всю жизнь она,
 Гоня покой, живя великим делом,
 Неистребимым пламенем полна,
 Для смертных роковым в любые времена.

43

Им порожден безумцев род жестокий,
 С ума сводящий тысячи людей:
 Вожди, сектанты, барды и пророки,
 Творцы систем, апостолы идей,
 Мулящие живой родник страстей.
 Счастливы? Нет! Иль счастье им не лгало?
 Людей дурача, всех они глупей.
 И жажды власти Зависть бы не знала,
 Узнав, как жалит их душевной муки жало.

44

Их воздух — распря, пища их — борьба.
 Крушит преграды жизнь их молодая,
 В полете настигает их судьба,
 В их фанатизме — сила роковая.
 А если старость подошла седая
 И скуки и бездействия позор —
 Их смелый дух исчахнет, увядая:
 Так догорит без хвороста костер,
 Так заржавеет меч, когда угас раздор.

45

Всегда теснятся тучи вокруг вершин,
 И ветры хлещут крутизну нагую.
 Кто над людьми возвысится один,

Тому идти сквозь ненависть людскую.
У ног он видит землю, синь морскую,
И солнце славы — над своим челом.
А вьюга свищет песню колдовскую,
И грозно тучи застыт окоем:
Так яростный, как смерч, вознагражден подъем.

46

Вернемся к людям! Истина таится
В ее твореньях, да еще в твоих,
Природа-мать. И там, где Рейн струится,
Тебя не может не воспеть мой стих.
Там средоточье всех красот земных.
Чайльд видит рощи, горы и долины,
Поля, холмы и виноград на них,
И замки, чьи угасли властелины,
Печали полные замшелые руины.

47

Они, как духи гордые, стоят
И сломленные, высясь над толпою.
В их залах ветры шальные свистят,
Их башни дружат только меж собою,
Да с тучами, да с твердью голубою.
А в старину бывало здесь не так:
Взвивался флаг, труба сзывала к бою.
Но спят бойцы, истлел и меч и стяг,
И в стены черные не бьет тараном враг.

48

Меж этих стен гнезвился произвол,
Он жил враждой, страстями и разбоем.
Иной барон вражду с соседом вел,
Но мнил себя не богом, так героем.
А впрочем, не хватало одного им:
Оплаченных историку похвал
Да мраморной гробницы, но, не скроем, —
Иной, хоть маломощный, феодал
Подчас величьем дел и помыслов блистал.

В глухих трущобах, в замке одиноком
 Не каждый подвиг находил певца.
 Амур, в своем неистовстве жестоком,
 Сквозь панцири вторгался в их сердца,
 Эмблема дамы на щите бойца
 Тогда была как злобы дух ужасный.
 И войнам замков не было конца,
 И, вспыхнув из-за грешницы прекрасной,
 Глядел не раз пожар на Рейн, от крови красный.

О Рейн, река обилья и цветенья,
 Источник жизни для своей страны!
 Ты нес бы вечно ей благословенье,
 Когда б не ведал человек войны,
 И, никогда никем не сметены,
 Твои дары цвели, напоминая,
 Что знали рай земли твоей сыны.
 И я бы думал: ты посланник рая,
 Когда б ты Летой бы л . . . — Но ты река другая.

Хоть сотни раз кипела здесь война,
 Но слава битв и жертвы их забыты.
 По грудам тел, по крови шла она,
 Но где они? Твоей волною смыты.
 Твои долины зеленью повиты,
 В тебе сияет синий небосклон,
 И все же нет от прошлого защиты.
 Его, как страшный, неотвязный сон,
 Не смоеет даже Рейн, хоть чист и светел он.

В раздумье дальше странник мой идет,
 Глядит на рощи, на холмы, долины.
 Уже весна свой празднует приход,

Уже от этой радостной картины
Разгладились на лбу его морщины.
Кого ж не тронет зрелище красот?
И то и дело, пусть на миг единый,
Хотя не сбросил он душевный гнет,
В глазах безрадостных улыбка вдруг мелькнет.

53

И вновь к любви мечты его летят,
Хоть страсть его в своем огне сгорела.
Но длить угрюмость, видя нежный взгляд,
Но чувство гнать — увы — пустое дело!
В свой час и тот, чье сердце охладело,
На доброту ответит добротой.
А в нем одно воспоминанье тлело:
О той одной, единственной, о той,
Чьей тихой верности он верен был мечтой.

54

Да, он любил (хотя несовместимы
Любовь и холод), он тянулся к ней.
Что привлекло характер нелюдимый,
Рассудок, презирающий людей?
Чем хмурый дух, бегущий от страстей,
Цветенье первой юности пленило?
Не знаю. — В одиночестве быстрей
Стареет сердце, чувств уходит сила,
И в нем, бесчувственном, одно лишь чувство
жило.

55

Она — дитя! — тем существом была,
Которое не церковь с ним связала.
Но связь была сильнее людского зла
И маску пред людьми не надевала.
И даже сплетни многоликой жало,
И клевета, и чары женских глаз —
Ничто незримых уз не разрушало.
И Чайльд-Гарольд стихами как-то раз
С чужбины ей привет послал в вечерний час:

Над Рейном Драхенфельс вознесся,
Венчанный замком, в небосвод,
А у подножия утеса
Страна ликует и цветет.
Леса, поля, холмы и нивы
Дают вино, и хлеб, и мед,
И города глядят в извивы
Широкоструйных рейнских вод.
Ах, в этой радостной картине
Тебя лишь не хватает ныне.

Сияет солнце с высоты,
Крестьянок праздничны наряды,
С цветами, сами как цветы,
Идут, и ласковы их взгляды.
И красоте земных долин
Когда-то гордые аркады
И камни сумрачных руин
Дивятся с каменной громады.
Но нет на Рейне одного:
Тебя и зора твоего.

Тебе от Рейна в час печали
Я шлю цветы как свой привет.
Пускай они в пути увяли,
Храни безжизненный букет.
Он дорог мне, он узрит вскоре
Твой синий взор в твоём дому.
Твое он сердце через море
Приблизит к сердцу моему,
Перенесет сквозь даль морскую
Сюда, где о тебе тоскую.

А Рейн играет и шумит,
Дарит земле свои щедроты,
И всякий раз чудесный вид
Являют русла повороты.
Тут все тревоги, все заботы
Забудешь, в райской тишине,
Где так милы земли красоты
Природе-матери и мне.
И мне! Но если бы при этом
Твой взор светил мне прежним светом!

Под Кобленцем есть холм, и на вершине
 Простая пирамида из камней.
 Она не развалилась и доныне,
 И прах героя погребен под ней.
 То был наш враг Марсо, но тем видней
 Британцу и дела его и слава.
 Его любили — где хвала верней
 Солдатских слез, пролитых не лукаво?
 Он пал за Францию, за честь ее и право.

Был горд и смел его короткий путь.
 Две армии — и друг и враг — почтили
 Его слезами. Странник, не забудь
 Прочесть молитву на его могиле!
 Свободы воин, был он чужд насилий
 Во имя справедливости святой,
 Для чьей победы мир в крови топили.
 Он поражал душевной чистотой.
 За это и любил его солдат простой.

Вот Эренбрейтштейн — замка больше нет.
 Его донжоны взрывом разметало.
 И лишь обломки — память прежних лет,
 Когда ни стен, ни каменного вала
 Чугунное ядро не пробивало.
 В дыму войны отсюда враг бежал,
 Но мир низверг твердыню феодала:
 Где град железный тщетно грохотал,
 Там хлещет летний дождь в проломы хмурых зал.

Прощай, о Рейн! В далекий путь без цели
 От милых стран пришельца гонит рок.
 И те, кто вместе, жить бы здесь хотели,

И тот, кто в целом мире одинок.
И если бы оставить жертву мог
Ужасный коршун самоугрызений —
Так только здесь, где каждый уголок
И дик и чуден, мил труду и лени,
Обилен, и богат, и щедр, как день осенний.

60

И все ж прости! О, тщетное «прости»!
Кто приникал к твоей струе кристальной,
Не может образ твой не унести.
И если он уйти решил, печальный,
Тебе опять он кинет взор прощальный,
Стремясь запечатлеть твои черты.
Пусть Юг роскошней в мощи изначальной,
Где в мире край, который слил, как ты,
И славу прошлых дней, и мягкость красоты?

61

Уютное величье — отраженья
Домов, церквей и башен городских.
Средь рощ и пашен — белые селенья.
Там пропасти, там зубья скал нагих —
Предвосхищенье крепостей людских.
Монастыри с готическим фасадом,
А люди — как природа: здесь для них
Веселье стало жизненным укладом,
Хотя империи катятся в пропасть рядом.

62

Но мимо, мимо! Вот громады Альп,
Природы грандиозные соборы;
Гигантский пик — как в небе снежный скаल्प;
И, как на трон, воссев на эти горы,
Блестает Вечность, устрашая взоры.
Там край лавин, их громовой исход,
Там для души бескрайные просторы,
И там земля штурмует небосвод.
А что же человек? Чего он, жалкий, ждет?

63

Но прежде, чем подняться на высоты,
 Хочу равнинный восхвалить Морат,
 Где бой пришельцам дали патриоты
 И где не покраснеешь за солдат,
 Хотя ужасен их трофеев склад.
 Враги свободы, здесь бургундцы пали.
 Они непогребенные лежат,
 Их памятником их же кости стали,
 И внемлет черный Стикс стенам их печали.

64

Как Ватерлоо повторило Канны,
 Так повторен Моратом Марафон.
 Там выиграли битву не тираны,
 А Вольность, и Гражданство, и Закон.
 Там граждане сражались не за трон,
 То не была над слабыми расправа,
 И не был там народ порабощен,
 Не проклинал «божественное право»,
 Которым облачен тот, в чьих руках держава,

65

В безлюдном одиночестве одна,
 Грустит колонна у стены замшелой,
 Величья гибель видела она,
 И смотрит в Вечность взгляд бесцветно-белый.
 Как человек, от слез окаменелый
 И все ж не ставший чувствовать слабей,
 Она дивится, что осталась целой,
 Когда Авентик, слава древних дней,
 Нагромождением стал бесформенных камней.

66

Здесь Юлия — чья память да святится! —
 Служенью в храме юность отдала
 И, небом не услышанная жрица,

Когда отца казнили, умерла.
Его боготворила, им жила!
Но суд закона глух к мольбе невинной,
И дочь отцовской жизни не спасла.
Без памятника холмик их пустынный,
Где сердце спит одно, и прах и дух единый.

67

Таких трагедий и таких имен
Да не забудет ни один сказитель!
Империи уйдут во тьму времен,
В безвестность канут раб и победитель,
Но высшей добродетели ревнитель
В потомстве жить останется навек,
И взором ясным, новый небожитель,
Глядит на солнце, чист, как горный снег,
Забыв на высоте всего земного бег.

68

Но вот Леман раскинулся кристальный,
И горы, звезды, синий свод над ним —
Все отразилось в глубине зеркальной,
Куда глядит, любуясь, пилигрим.
Но человек тут слишком ощутим,
А чувства вянут там, где люди рядом.
Скорей же в горы, к высям ледяным,
К тем мыслям, к тем возвышенным отрадам,
Которым чужд я стал, живя с двуногим стадом.

69

Замечу кстати: бегство от людей —
Не ненависть еще и не презренье.
Нет, это бегство в глубь души своей,
Чтоб не засохли корни в небреженье
Среди толпы, где в бредовом круженье —
Заразы общей жертвы с юных лет —
Свое мы поздно видим вырождение,
Где сеем зло, чтоб злом ответил свет,
И где царит война, но победивших нет.

Настанет срок — и счастье бросит нас,
 Раскаянье на сердце ляжет гнетом,
 Мы плачем кровью. В этот страшный час
 Все черным покрывается налетом,
 И жизни путь внезапным поворотом
 Уводит в ночь. Моряк в порту найдет
 Конец трудам опасным и заботам,
 А дух — уплывший в Вечность мореход —
 Не знает, где предел ее бездонных вод.

Так что ж, не лучше ль край избрать пустынный
 И для земли — земле всю жизнь отдать
 Над Роною, над синею стремниной,
 Над озером, которое, как мать,
 Не устает ее струи пит а т ь, —
 Как мать, кормя малютку дочь иль сына,
 Не устает их нежить и ласкать.
 Блажен, чья жизнь с Природою едина,
 Кто чужд ярму раба и трону властелина.

Я там в себе не замыкаюсь. Там
 Я часть Природы, я — ее создание.
 Мне ненавистны улиц шум и гам,
 Но моря гул, но льдистых гор блистанье!
 В кругу стихий мне тяжело лишь сознание,
 Что я всего лишь плотское звено
 Меж тварей, населивших мироздание,
 Хотя душе сливаться суждено
 С горами, звездами иль тучами в одно.

Но жизнь лишь там. Я был в горах — я жил,
 То был мой грех, когда в пустыне людной
 Я бесполезно тратил юный пыл,

Сгорал в борьбе бессмысленной и трудной.
Но я воспрял. Исполнен силы чудной,
Дышу целебным воздухом высот,
Где над юдолью горестной и скудной
Уже мой дух предчувствует полет,
Где цепи сбросит он и в бурях путь пробьет.

74

Когда ж, ликуя, он освободится
От уз, теснящих крыл его размах —
От низкого, что может возродиться
В ничтожной форме — в жабах иль жуках,
И к свету свет уйдет и к праху прах,
Тогда узнаю взором ясновидца
Печать бесплотной мысли на мирах,
Постигну Разум, что во всем таится
И только в редкий миг снисходит нам открыться.

75

Иль горы, волны, небеса — не часть
Моей души, а я — не часть вселенной?
И, к ним узнав возвышенную страсть,
Не лучше ль бросить этот мир презренный,
Чем прозябать, душой отвергнув пленной
Свою любовь для здешней суеты,
И равнодушным стать в толпе надменной,
Как те, что смотрят в землю, как скоты,
Чья мысль рождается рабою темноты.

76

Продолжим нить рассказа моего!
Ты, мыслящий над пастью гроба черной
О бренности, взгляни на прах того,
Кто был как свет, как пламень жизнетворный.
Он здесь рожден, и здесь, где ветер горный
Бальзамом веет в сердце, он созрел,
К вершинам славы шел тропой неторной
И, чтоб венчать бессмертьем свой удел, —
О, глупость мудреца! — все отдал, чем владел.

Руссо, апостол роковой печали,
 Пришел здесь в мир, злосчастный для него,
 И здесь его софизмы обретали
 Красноречивой скорби волшебство.
 Копаюсь в ранах сердца своего,
 Восторг безумья он являл в покровах
 Небесной красоты, и оттого
 Над книгой, полной чувств и мыслей новых,
 Читатель слезы лил из глаз, дотоль суровых.

Любовь безумье страсти в нем за жгла, —
 Так дуб стрела сжигает громовая.
 Он ею был испепелен дотла,
 Он не умел любить, не погибая.
 И что же? Не красавица живая,
 Не тень усопшей, вызванная сном,
 Его влекла, в отчаянье ввергая, —
 Нет, чистый образ, живший только в нем,
 Страницы книг его зажег таким огнем.

Тот пламень — чувство к Юлии прекрасной,
 Кто всех была и чище и нежней,
 То поцелуев жар, увы, напрасный,
 Лишь отклик дружбы находивший в ней,
 Но, может быть, в унынье горьких дней
 Отрадой мимолетного касанья
 Даривший счастье выше и полней,
 Чем то, каким — ничтожные созданья! —
 Мы упиваемся в восторгах обладанья.

Всю жизнь он создавал себе врагов,
 Он гнал друзей, любовь их отвергая.
 Весь мир подозревать он был готов.

На самых близких месть его слепая
Обрушивалась, ядом обжигая, —
Так светлый разум помрачала тьма.
Но скорбь виной, болезнь ли роковая?
Не может пронизательность сама
Постичь безумие под маскою ума.

81

И, молнией безумья озаренный,
Как пифия на троне золотом,
Он стал вещать, и дрогнули короны,
И мир таким запылал огнем,
Что королевства, рушась, гибли в нем.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял яррой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями.

82

И страшен след их воли роковой.
Они сорвали с Правды покрывало,
Разрушив ложных представлений строй,
И взорам сокровенное предстало.
Они, смешав Добра и Зла начала,
Все прошлое низвергли. Для чего?
Чтоб новый трон потомство основало,
Чтоб выстроило тюрьмы для него,
И мир опять узрел насилья торжество.

83

Так не должно, не может долго длиться!
Народ восстал, оковы сбросил он,
Но не сумел в свободе утвердиться.
Почуяв силу, властью ослеплен,
Забыл он все — и жалость и закон.
Кто рос в тюрьме, во мраке подземелий,
Не может быть орлу уподоблен,
Чьи очи в небо с первых дней глядели, —
Вот отчего он бьет порою мимо цели.

84

Чем глубже рана, тем упорней след.
Пушкой из сердца кровь уже не льется,
Рубец остался в нем на много лет.
Но тот, кто знал, за что с судьбою бьется,
Пусть бой проигран, духом не сдается.
Страсть притаилась и безмолвно ждет.
Отчаянью нет места. Все зачтется
В час торжества. Возмездие придет,
Но Милосердье пусть проверит Мести счет.

85

Леман! Как сладок мир твой для поэта,
Изведавшего горечь бытия!
От шумных волн, от суетного света
К тебе пришел я, горная струя,
Неси ж меня, заветная ладья!
Душа отвергла сумрачное море
Для светлых вод, и, мнится, слышу я,
Сестра, твой голос в их согласном хоре:
«Вернись! Что ищешь ты в бушующем просторе?»

86

Нисходит ночь. В голубоватой мгле
Меж берегом и цепью гор окрестной
Еще все ясно видно на земле.
Лишь Юра, в тень уйдя, стеной отвесной,
Вся черная, пронзила свод небесный.
Цветов неисчислимых аромат
Восходит ввысь. Мелодией чудесной
Разносится вечерний звон цикад,
И волны шепчутся и плещут веслам в лад.

87

По вечерам цикада веселится
И жизнью детства шумного живет.
Вот залилась и вдруг умолкла птица,

Иль замечтавшись, иль уснув. А вот
Неясный шепот от холмов идет.
Нет, слух обманут! — Это льют светила
(Как девушка о милом слезы льет)
Росу, чтоб грудь земную напоила
Живущей в них души сочувственная сила.

88

О звезды, буквы золотых писем
Поэзии небесной! В них таится
И всех миров, и всех судеб закон.
И тот, чей дух к величию стремится,
К ним рвется ввысь, чтоб с ними породниться.
В них тайна, ими движет Красота.
И все, чем может человек гордиться,
«Своей звездой» зовет он неспроста, —
То честь и счастье, власть, и слава, и мечта.

89

Земля и небо смолкли. Но не сон —
Избыток чувств их погрузил в мечтанье.
И тишиною мир заморожен.
Земля и небо смолкли. Гор дыханье,
Движение звезд, в Лемане — волн плесканье, —
Единой жизнью все напоено.
Все существа, в таинственном слиянье,
В едином хоре говорят одно:
«Я славлю мощь творца, я им сотворено».

90

И, влившись в бесконечность бытия,
Не одинок паломник одинокий,
Очищенный от собственного «я».
Здесь каждый звук, и близкий и далекий,
Таит всемирной музыки истоки,
Дух красоты, что в бег миров ввела
И твердь земли, и неба свод высокий,
И пояс Афродиты создала,
Которым даже Смерть побеждена была.

91

Так чувствовали персы в оны дни,
 На высях гор верша богослуженье.
 Лицом к лицу с природою они
 В молитве принимали очищенье —
 Не средь колонн, не в тесном огражденье.
 Сравни тот храм, что строил грек иль гот,
 С молельнею под небом, в окруженьи
 Лесов и гор, долин и чистых вод,
 Где не стеснен души возвышенный полет.

92

Но как темнеет! Свет луны погас,
 Летят по небу грозовые тучи.
 Подобно блеску темных женских глаз,
 Прекрасен блеск зарницы. Гром летучий
 Наполнил все: теснины, бездны, кручи.
 Горам, как небу, дан живой язык,
 Разноречивый, бурный и могучий.
 Ликуют Альпы в этот грозный миг,
 И Юра в ночь, в туман им шлет ответный клик.

93

Какая ночь! Великая, святая,
 Божественная ночь! Ты не для сна!
 Я пью блаженство грозового рая,
 Я бурей пьян, которой ты полна.
 О, как фосфоресцирует волна!
 Сверкая, пляшут капли дождевые.
 И снова тьма, и, вновь озарена,
 Гудит земля, безумствуют стихии,
 И сотрясают мир раскаты громовые.

94

Здесь, между двух утесистых громад,
 Проложен путь беснующейся Роной.
 Утесы, как любовники, стоят,

Когда они любовью оскорбленной
И злобой, в пепле нежности рожденной,
Как бездною, разделены навек,
И май сердец, в цвету испепеленный,
Две жизни ввергнул в вечный лед и снег
И на сердечный ад изгнанников обрек.

95

Где Рона буйно об утесы бьет,
Там ярких бурь приют оледенелый.
Их сонмы там — и там передает
Одна другой пылающие стрелы.
Вот вспыхнул сноп, извилистый и белый,
И, раздвоившись, ринулся в пролет.
Он понял: там Отчаянья пределы,
Там все разрушил Времени полет,
Так пусть же молния последнее убьет.

96

Ночь, буря, тучи, взрывы молний, гром,
Река, утесов черные громады,
Душа, в грозе обретшая свой дом, —
До сна ли здесь? Грохочут водопады,
И сердца струны откликаться рады
Родным бессонной мысли голосам.
Куда ты, буря, гонишь туч армады?
Иль бурям сердца ты сродни? Иль там,
Среди орлиных гнезд, твой облачный сезам?

97

О, если бы нашел я воплощенье
И выразил хотя б не все, хоть часть
Того, что значит чувство, увлечение,
Дух, сердце, разум, слабость, сила, страсть,
И если б это все могло совпасть
В едином слове «молния» и властно
Сказало бы, что жить дана мне власть, —
О, я б заговорил! — но ждать напрасно:
Как скрытый в ножнах меч, зачахнет

мысль безгласно.

Восходит у т р о , — утро, все в росе,
 Душисто, ярко и, как розы, ало,
 И так живит, рассеяв тучи все,
 Как будто смерти на земле не стало.
 Но вот и день! И снова все сначала:
 Тропою жизни — дальше в путь крутой!
 Лемана зыбь, деревьев опахала —
 Все будит мысль и говорит с мечтой,
 Вливая в путника отраду и покой.

Кларан, Кларан! Приют блаженства милый
 Твой воздух весь любовью напоен.
 Любовь дает корням деревьев силы,
 Снегов альпийских озаряет сон.
 Любовью предвечерний небосклон
 Окрашен, и утесы-великаны
 Хранят покой влюбленного, чтоб он
 Забыл и свет, и все его обманы,
 Надежды сладкий зов, ее крушений раны.

В Кларане все — любви бессмертной след,
 Она везде, как некий бог, который
 Дарует тварям жизнь, добро и свет,
 Здесь трон его, ступени к трону — горы,
 Он радужные дал снегам уборы,
 Он в блеске зорь, он в ароматах роз,
 Его, ликуя, славят птичьи хоры,
 И шорох трав, и блески летних рос,
 И веянье его смиряет ярость гроз.

Все — гимн ему. И темных сосен ряд
 Над черной бездной — сень его ж и в а я , —
 И звонкий ключ, и рдяный виноград,

И озеро, где нежно-голубая,
К его стопам незримым припадая,
Поет волна, и тень седых лесов,
И зелень, как Веселье, молодая,
Ему и всем, кто с ним прийти готов,
В безлюдной тишине дарит радушный кров.

102

Там среди пчел и птиц уединенье,
Мир многоцветен там и многолик.
Там краткой жизни радостно кипенье
И бессловесный ярче слов язык.
Вот сквозь листву горячий луч проник,
В ручье проворном блики заблестели.
И Красота во всем, и ты постиг,
Что этот запах, краски, свист и трели —
Все создала Любовь для некой высшей цели.

103

Кто гнал любовь, здесь устремится к ней
И тайн ее волшебных причастится,
А любящий начнет любить сильнее
И не захочет с пустынью проститься,
Куда людскому злу не докатиться.
Любовь растет иль вянет. Лишь застой
Несвойствен ей. Иль в пепел обратится,
Иль станет путеводною звездой,
Которой вечен свет, как вечен мира строй.

104

Недаром здесь Руссо капризный гений
Остановил мечты своей полет
И приютил для чистых наслаждений
Две избранных души. У этих вод
Психеи пояс распустил Эрот,
Благословив для счастья эти склоны.
Там тишина и нега. Там цветет
Гармония. Над лоя!ем светлой Роны
Там Альп возносятся блистательные троны.

105

Лозанна и Ферней! Святой предел,
Где двух титанов обитают тени,
Где смертных вел тропой бессмертных дел
На штурм небес отважившийся гений.
Здесь разум на фундаменте сомнений
Дерзнул создать мятежной мысли храм,
И если гром не сжег ее творений,
Так, значит, не впервые небесам
Улыбкой отвечать на все угрозы нам.

106

Один из них Протей был — вечно новый,
Изменчивый, ни в чем не знавший уз,
Шутник, мудрец, то кроткий, то суровый,
Хронист, философ и любимец муз,
Предписывавший миру мненья, вкус,
Оружьем смеха исправлявший нравы,
Как ветер вольный, истинный француз,
Прямой, коварный, добрый, злой, лукавый,
Бичующий глупцов, колеблющий державы.

107

Другой — пытлив, медлителен, глубок,
Упорством мысли изощрял сужденья,
Оттачивал иронии клинок,
Отдав труду ночей бессонных бденья,
Насмешкой низвергал предубежденья,
И — бог сарказма! — яростью глупцов
Был ввергнут в ад на муки и скупленья, —
Там, если верить рассказням попов,
Для усомнившихся ответ на все готов.

108

Мир спящим! Те, кто кары заслужили,
Уже осуждены на небесах.
Не нам судить того, кто спит в могиле!

Но тайна тайн раскроется — и страх
С надеждой вместе ляжет в тлен и прах.
А прах, пусть не распался он покуда,
Распасться должен, как и всё в гробах,
Но если мертвый встанет, — верю в чудо! —
Ему простится все, не то — придется худо.

109

Но от людских созданий мне пора
К созданьям божьим снова обратиться.
Уже и так, по прихоти пера,
Исписана не первая страница.
Вон облаков несется вереница
К альпийским льдам, сияющим вдали.
Пора и мне к вершинам устремиться,
В лазурь, куда их глетчеры ушли,
Где духов неба ждут объятия земли.

110

А дальше ты, Италия! Бессленно
Векам несешь ты свет земли своей —
От войн, пресекших дерзость Карфагена,
До мудрецов, поэтов и вождей,
Чья слава стала славой наших дней.
Империй трон, гробница их живая,
Не стал твой ключ слабей или мутней.
И, жажду знанья вечную питаю,
Из римских недр бежит его струя святая.

111

Я с горьким чувством эту песню пел:
Актерствовать, носить чужие лица,
Знать, что собой остаться не сумел,
И лицедейству каждый миг учиться,
На самого себя ожесточиться,
Скрывать — о, боже! — чувство, мысль и страсть,
Гнев, ненависть — все, чем душа томится,
И ревности мучительную власть, —
Вот что изведал я, что пало мне на часть.

112

Не думайте, что это все — слова,
Прием литературный, обрамленье
Летящих сцен, намеченных едва,
Картин, запечатленных мной в движенье,
Чтоб вызвать в чьем-то сердце восхищенье;
Нет, слава — это молодости бог,
А для меня — что брань, что одобренье,
Мне безразлично. Так судил мой рок:
Забыт ли, не забыт — я всюду одинок.

113

Как мир — со мной, так враждовал я с миром,
Вниманье черни светской не ловил,
Не возносил хвалу ее кумирам,
Не слушал светских бардов и сивилл,
В улыбке льстивой губы не кривил,
Не раз бывал в толпе, но не с толпою,
Всеобщих мнений эхом не служил,
И так бы жил — но, примирился с судьбою,
Мой разум одержал победу над собою.

114

Я с миром враждовал, как мир — со мной.
Но, несмотря на опыт, верю снова,
Простясь, как добрый враг, с моей страной,
Что Правда есть, Надежда держит слово,
Что Добродетель не всегда сурова,
Не уловленьем слабых занята,
Что кто-то может пожалеть другого,
Что есть нелицемерные уста,
И Доброта — не миф, и Счастье — не мечта.

115

Дочурка Ада! Именем твоим
В конце я песнь украшу, как в начале.
Мне голос твой неслышен, взор незрим,

Но ты мне утешение в печали.
И где б мои стихи ни прозвучали, —
Пусть нам вместе быть не суждено, —
Из чуждых стран, из загогильной дали
К тебе — хотя б мой прах истлел давно —
Они придут, как вихрь, ворвавшийся в окно.

116

Следить, как начинаешь ты расти,
Знакомишься с вещами в удивленье,
И первые шаги твои вести,
И видеть первых радостей рожденье,
Ласкать тебя, сажая на колени,
Целуя глазки, щечки — таково,
Быть может, и мое предназначенье?
И сердце шепчет: да! Но что с того?
Я это счастье знал — я потерял его.

117

И все же ты со мною, ты не с ними,
Ты будешь, ты должна меня любить!
Пусть они мое бесчестят имя,
Сведут в могилу, — им не разрубить
Отца и дочь связующую нить.
В дочерних венах всей их камарилье
Кровь Байрона другой не заменить.
И как бы тень мою ни очернили,
Твоя любовь придет грустить к моей могиле.

118

Дитя любви! Ты рождена была
В раздоре, в помраченьях истерии,
И ты горишь, но не сгоришь дотла,
И не умрут надежды золотые,
Как умерли мои во дни былые.
Спи сладко! С этих царственных высот,
Где воскресает, где живешь впервые,
Тебя, дитя, благословляет тот,
Кто от тебя самой благословенья ждет.

ИЗ ПЕСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

• • • • •

136

Я все узнал: предательство льстеца,
Вражду с приязнью дружеской на лице,
Фигляра смех и козни подлеца,
Невежды свист бессмысленный и дикий,
И все, что Янус изобрел двуликий,
Чтоб видимостью правды ложь облечь,
Немую ложь обученной им клики:
Улыбки, вздохи, пожиманья плеч,
Без слов понятную всеядной сплетне речь.

137

Зато я жил, и жил я не напрасно!
Хоть, может быть, под бурей невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрет,
Чего ни смерть, ни времени полет,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживет
И поздним сожалением, быть может,
Само бездушие холодное встревожит.

138

Да будет так! Явись же предо мной,
Могучий дух, блуждающий ночами
Средь мертвых стен, объятых тишиной,
Скользящий молча в опустелом храме,
Иль в цирке, под неверными лучами,
Где меж камней, перевитых плющом,
Вдруг целый мир встает перед очами
Так ярко, что в прозрении своем
Мы отшумевших бурь дыханье узнаем.

139

Здесь на потеху буйных толп когда то,
По знаку повелителя царей,
Друг выходил на друга, брат на брата —

Стяжать венок иль смерть в крови своей,
Затем что крови жаждал Колизей.
Ужели так? Увы, не все равно ли,
Где стать добычей тленья и червей,
Где гибнуть: в цирке иль на бранном поле,
И там и здесь — театр, где смерть в коронной
роли.

140

Сраженный гладиатор предо мной.
Он оперся на локоть. Мутным оком
Глядит он вдаль, еще борясь с судьбой,
Сжимая меч в бессилии жестоком.
Слабея, каплет вязким, черным соком,
Подобно первым каплям грозovým,
Из раны кровь. Уж он в краю далеком.
Уж он не раб. В тумане цирк пред ним,
Он слышит, как вопит и рукоплещет Рим —

141

Не все ль равно! И смерть, и эти крики —
Все так ничтожно. Он в родном краю.
Вот отчий дом в объятых повилики,
Шумит Дунай. Он видит всю семью,
Играющих детей, жену свою.
А он, отец их, пал под свист презренья,
Приконченный в бессмысленном бою!
Уходит кровь, уходят в ночь виденья..
О, скоро ль он придет — ваш, готы, праздник
мщенья!

142

Здесь, где прибой народов бушевал,
Где крови пар носился над толпою,
Где цирк ревел, как в океане шквал,
Рукоплеща минутному герою,
Где жизнь иль смерть хулой иль похвалою
Дарила чернь, — здесь ныне мертвый сон.
Лишь гулко над ареною пустою
Звучит мой голос, эхом отражен,
Да звук шагов моих в руинах будит стон.

• • • • •

Есть наслажденье в бездорожных чашах,
 Отрада есть на горной крутизне,
 Мелодия в прибое волн кипящих
 И голоса в пустынной тишине.
 Людей люблю, природа ближе мне.
 И то, чем был, и то, к чему иду я,
 Я забываю с ней наедине.
 В себе одном весь мир огромный чуя,
 Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я,

Стремите, волны, свой могучий бег!
 В простор лазурный тщетно шлет армады
 Земли опустошитель, человек.
 На суше он не ведает преграды,
 Но встанут ваши темные громады,
 И там, в пустыне, след его живой
 Исчезнет с ним, когда, моля пощады,
 Ко дну пойдет он каплей дождевой
 Без слез напутственных, без урны гробовой.

Нет, не ему поработить, о море,
 Простор твоих бушующих валов!
 Твое презренье тот узнает вскорее,
 Кто землю в цепи заковать готов.
 Сорвав с груди, ты выше облаков
 Швырнешь его, дрожащего от страха,
 Молящего о пристани богов,
 И, точно камень, пущенный с размаха,
 О скалы раздробишь и кинешь горстью праха.

Чудовища, что крепости громят,
 Ниспровергают стены вековые —
 Левиафаны боевых армад,

Которыми хотят цари земные
Свой навязать закон твоей стихии, —
Что все они! Лишь буря заревет,
Растаяв, точно хлопья снеговые,
Они бесследно гибнут в бездне вод,
Как мощь Испании, как Трафальгарский флот.

182

Ты Карфаген, Афины, Рим видало,
Цветущие свободой города.
Мир изменился — ты другим не стало.
Тиран поработил их, шли года,
Грозой промчалась варваров орда,
И сделались пустынями державы.
Твоя ж лазурь прозрачна, как всегда,
Лишь диких волн меняются забавы,
Но, точно в первый день, царишь ты в блеске
славы.

183

Без меры, без начала, без конца,
Великолепно в гневе и в покое,
Ты в урагане — зеркало Творца,
В полярных льдах и в синем южном зное
Всегда неповторимое, живое,
Твоим созданьям имя — легион,
С тобой возникло бытие земное.
Лик Вечности, Невидимого трон,
Над всем ты царствуешь, само себе закон.

184

Тебя любил я, море! В час покоя
Уплыть в простор, где дышит грудь вольней,
Рассечь руками шумный вал прибоя —
Моей отрадой было с юных дней.
И страх веселый пел в душе моей,
Когда гроза внезапно налетала,
Твое дитя, я радовался ей,
И, как теперь, в дыханье буйном шквала
По гриве пенистой рука тебя трепала.

Мой кончен труд, дописан мой рассказ,
 И гаснет, как звезда перед зарею,
 Тот факел, о который я не раз
 Лампаду поздней зажигал порою.
 Что написал, то написал — не скрою,
 Хотел бы лучше, но уж я не тот,
 Уж, верно, старость кружит надо мною,
 Скудеет чувств и образов полет,
 И скоро холодом зима мне в грудь дохнет.

Прости! Подходит срок неумолимо,
 И здесь должны расстаться мы с тобой.
 Прости, читатель, спутник пилигрима!
 Когда его признаний смутный рой
 В тебе хоть отзвук находил порой,
 Когда хоть раз им чувства отвечали,
 Я рад, что посох взял избранник мой.
 Итак, прощай! отдав ему п е ч а л и , —
 Их, может быть, и н е т , — ищи зерно морали.

ПАРИЗИНА

Настоящая поэма посвящена событиям, о которых упоминает Гиббон в своей книге «Давние годы Брунsvикского дома». Я знаю, что в наше время тонкая разборчивость читателя может отвергнуть подобный сюжет как непригодный для поэзии. Однако греческие драматурги и некоторые из наших староанглийских писателей были иного мнения. А совсем недавно, на континенте, за ними последовали Альфиери и Шиллер. Следующий отрывок рассказывает о фактах, на которых основана вся история. Имя Никколо заменено именем Азо, метрически более удобным.

«В правление Никколо III маркиза д'Эсте (1425 г. н. э.) Феррара была потрясена семейной трагедией. На основании доноса служанки и своих собственных наблюдений маркиз убедился в наличии преступной связи между его женой Паризиной и его незаконным сыном Уго, красивым и храбрым

юношей. Они были обезглавлены во дворе замка по приговору отца и мужа, который предал огласке свой позор и присутствовал на казни.

Если они виновны, он был несчастен. Если они безвинны, он был несчастен вдвойне.

Нет такого положения, которое могло бы в моих глазах оправдать смертный приговор сыну, вынесенный отцом».

Гиббон. Сочинения разного рода

1

Вот час, когда в тени ветвей
Рокочут трели соловья.
Вот час, когда звучит нежней
Влюбленный шепот: «Твой! Твоя!»
И в шуме ветра к сердцу льнет
Мелодия журчащих вод,
И пала на цветы роса,
И звезды всходят в небеса,
И глубже моря синева,
И тонет в сизой мгле листва,
И дня утраченного след,
Как светлый мрак, как темный свет,
Струится в бледной вышине,
И тени тают при луне.

Не с тем чтобы ночью внимать ручью
Паризина покинула спальню свою.
Не с тем чтоб смотреть, как восходит луна,
По темному саду бродит она.
В аллее, где Эсте воздвигли грот,
Цветущих роз она не рвет.
Не соловей — в эту ночь ей нужней
Тот голос, который еще нежней.
Вот в зарослях чьи-то шаги слышны —
Дрожит ее сердце и щеки бледны.
Вот оклик — он? Вот шепчут вновь!
О, радость! Как бурно шумит ее кровь!
Еще мгновенье — и милостив бог:
Они вдвоем, и любимый — у ног.

3

И что им люди, что времени бег!
 Им ночь — как час, а час — как век.
 Ни тварей живых, ни земли, ни небес.
 Они вдвоем, и мир исчез.
 Весь мир — и глубь и вышина —
 Все, кроме них, для них мертво.
 Он ею дышит, им — она.
 Одни — и больше никого!
 И так их каждый вздох глубок,
 Такая сила счастья в нем,
 Что длись он дольше, он бы сжег
 Сердца их сладостным огнем.
 Вину, опасность, грех, позор,
 Их сон, безумный сон их стер.
 Но разве в буре страстных нег
 О страхе помнит человек?
 О том, что мчится счастья ночь,
 Что сон, как ночь, уходит прочь,
 И раньше нас покинет он,
 Чем мы пойдем, что это сон.

4

И, медля, грустные, глядят
 Они на сад, на этот грот,
 Как будто больше в ночь и в сад
 Их зов любви не приведет.
 И поцелуям счета нет,
 И губы в губы, взор во взор.
 В ее лице — небесный свет,
 Но страшен ей небес укор.
 Увы, и звезды и луна
 Видали, что она грешна.
 И вновь объятая — грудь на грудь —
 Стесненных рук не разомкнуть.
 Но мчится ночь — любовь иль страх,
 Что перевесит на весах?
 Тот леденящий страх, та дрожь,
 Что выдает вину и ложь?

5

В постели одинокой Уго
 Тоскует о чужой жене.
 А Паризина близ супруга
 Томится в беспокойном сне.
 От милых, но запретных грез
 Ее румянец ярче роз:
 И, мужа ласковой рукою
 Обвив, — но с мыслью не о нем, —
 Вдруг шепчет с нежностью, с тоскою
 То имя, что таила днем.
 И, пылкой лаской пробужден,
 Обманут, — пусть! — но счастлив он.
 Он счастлив верой, что жена
 Ему и спящая верна,
 Что может он и в этот раз
 Благословить восторгов час.

6

И к сердцу он ее привлек,
 Он слышит шепот сонных губ.
 Но боже! — зов небесных труб
 Так Азо ужаснуть не мог.
 И разве будет гром страшной
 В тот страшный день в исходе дней,
 Когда архангела труба
 Разбудит спящие гроба?
 И разве Азо мир и дом
 Не уничтожил этот гром?
 Чье имя шепчет вновь она?
 Его позор, ее вина —
 Чье это имя? — Горе, горе!
 Оно обрушилось, как шквал,
 Который треплет судна в море,
 И гложет грудь гранитных скал,
 И топит все в пучине гневной, —
 Так рухнул мир его душевный.
 Чье имя? — Уго! — мерзкий тать!
 О, низость, так отца предать!
 Он, он — позор его седин,
 Сын Уго, да, любимый сын,

Им в буйстве юности рожденный
От Бьянки — той, что звал мадонной,
Но бросил, теща пылкий нрав,
И стыд и честь ее поправ.

7

Он дернул из ножен клинок,
Но вдруг... измыслил казнь другую.
Нет, он своей рукой не мог
Убить красавицу такую!
Не в миг блаженства, не во сне —
Он нанесет удар жене
Не здесь — будить ее не надо!
Но, пробудись его жена,
Как содрогнулась бы она
От ненавидящего взгляда!
В ней замерла б сама любовь.
Он лампу взял — и смотрит вновь.
И, слез не ведавший дотоле,
Он плачет от душевной боли.
Она же спит. Но сочтены
Дела изменницы-жены.

8

Теперь как жадно ищет он
Свидетельства со всех сторон:
Чего? — Того, что знать боится.
Безумец ищет очевидца,
Что подтвердит ее вину.
Он опросил бы всю страну!
Но из ее подруг любая,
Свое потворство отрицая,
Во всем винит ее одну,
И все, что нужно и не нужно,
Они выбалтывают дружно,
Хоть им уже не внемлет князь,
Едва рассудка не лишась.

9

Но не из тех, кто медлит, он!
Отведено в покоях место,
И всходит на судейский троп

Глава несчастный дома Эсте.
Сидят его вельможи в ряд,
Телохранители стоят.
И вот виновная чета!
Он без меча. В оковах руки.
В ней поражает красота.
Как передать всю горечь муки
Отца и мужа? О, господь!
Любимый сын, родная плоть,
Причиной стал его позора!
Вот он стоит и ждет суда,
Огласки тайны, приговора...
Он ждет, не опуская взора,
И страха нет в нем и следа.

10

Но тверд и Паризины взор.
Слегка бледна, молчит она.
Как изменилось все с тех пор,
Когда, смела, оживлена,
Она входила солнцем в зал,
Где цвет вельможной знати ждал,
Где, хороши как на подбор,
Стремилась дамы перенять
Ее осанку, разговор,
Старались так сидеть, стоять;
Где грустный взгляд ее очей,
Печали бессловесный зов,
Взметнул бы тысячу мечей,
Взъярил бы тысячу бойцов.
Теперь, на суд приведена,
Что им и кто для них она?
Они стоят, нахмурив брови,
На лицах только жажда крови,
Или холодный, злой укор,
Иль равнодушие презренья.
Здесь дамы, рыцари — весь Двор,
И он, виновник преступления,
Ее печаль, ее восторг, —
Он сразу бы клинок исторг
И спас ее от эшафота
Иль отдал жизнь. Но он в цепях.

Он, стоя к ней вполоборота,
Не видит слез в ее глазах —
О, слез не за с е б я , — за друга! —
Ее ресниц не видит Уго,
Не видит этих нежных век
И лба, где голубеют жилки,
Как будто вкрапленные в с н е г , —
Той красоты, какой вовек
Не знал другой любовник пылкий!
Но, безнадежна, тяжела,
Печаль ей на лицо легла,
И под нависшею грозой
Глаза туманятся слезой.

11

И он бы слезы лил о ней,
Когда б не этот знатный сброд.
Но тем он тверже, тем сильней,
Чем больше скорбь его гнетет.
При этих людях, при отце
Не дрогнет страх в его лице.
Но ей смотреть в лицо — и вновь
Их счастье видеть, их любовь,
Потом вину, позор конца,
И суд людской, и гнев отца,
Их путь земной, их вечный п у т ь , —
Нет, он не может и взглянуть
В ее глаза, на бледный лик,
Иль сдастся он и в тот же миг,
Свой искупая смертный грех,
Начнет здесь каяться при всех.

12

«Еще вчера я, — начал А з о , —
Был счастлив: вот жена, вот сын!
Но ясный мир мой рухнул сразу,
С утра сегодня я один.
Да, я один! Любой из вас,
Как я, в подобный страшный час
Так поступил бы. Мой наследник!

Уже пришел твой исповедник.
Покуда звезды не взошли,
Ступай, Всевышнего моли:
Когда возмездие свершится,
Там сына грешного земли
Да пощадит его десница.
Но здесь, где я дышу, ты впредь
Дышать не можешь. Гнев мой всюду
Тебя найдет, хоть я смотреть
На казнь и смерть твою не буду.
Зато она, змея, она,
Сосуд грехов, моя жена,
И палача узреть должна,
И труп любовника безглавый,
И знать, что не в угоду мне,
А только по ее вине
Попал ты под топор кровавый.
С таким сознанием пусть живет.
Я кончил. Мой предьявлен счет».

13

И князь лицо внезапно прячет,
Но веной, вспухнувшей на лбу,
Кровь выдает души борьбу.
Он наклонился, хоть не плачет,
А лишь прикрыл глаза рукой,
Чтоб с виду сохранить покой.
И руки, скрученные туго,
К отцу протягивает Уго.
И молвит: «Дай хоть краткий срок
Мне для предсмертного ответа».
Но князь молчит, угрюм и с т р о г, —
Ни разрешенья, ни запрета.
«Отен, я смерти не боюсь.
Не раз конь о конь мы с тобою
Стремились, радостные, к бою.
Но вырвала из этих рук
Мой меч толпа твоих же слуг,
Хоть за тебя он пролил крови
Поболее, чем я пролью,
Коль срубят голову мою.
Твои злодейства мне не внове.

Ты дал мне жизнь. При всей родне
Возьми свой дар, не нужный мне,
Я был рожден тобой в позоре.
У бедной матери моей
Ты отнял радость юных дней
И только стыд принес и горе
Ей, обещанной. С тех пор
За мной идет ее позор.
Подобно ей, в могилу вскоре
Сойдет твой сын, соперник твой.
Моей кровавой головой,
Ее растоптанной любовью
Я буду пред лицом творца
Свидетельствовать грех отца,
Который дом свой залил кровью,
Нарушив верность, долг и честь.
Да, зло за зло — вот сына месть!
Теперь о ней: твоя жена
Не мне ль была наречена?
Но ты ее возжаждал тела,
Тобою похоть овладела,
И преступлением твоим —
Моим рождением — ты меня же
Посмел корить: мол, я с ней даже
Происхождением несравним —
Я незаконный, я бесправный,
И я б унизил достославный
Род Эсте, назовись я так!
Но если бы я дольше прожил,
Я славу Эсте бы умножил,
Над всеми ваш вознес бы стяг,
Мои бы рыцарские шпоры
Внушали страх твоим врагам,
И ваши гордые синьоры
Мне только бы дивились там,
Где с криком: «Эсте и победа!» —
Я гнал бы злобного соседа.
Так мне ль оправдываться? Нет!
Я не прошу — от многих лет,
Когда я буду горстью тлена,
Мне дать для жизни день иль час.
Я знаю: счастье только раз
Приходит, и оно мгновенно.
Но пусть навек рожденья гнет

Закрыв мне доступ в знатный род,
Ты видишь, как я схож лицом
С тобою, князь, — моим отцом.
И в остальном я твой всецело.
Душа — твоя, не только тело,
Не только рост и сила рук.
Но что же задрожал ты вдруг,
Что шевелится в сердце львином?
Да, ты не только жизнь мне дал,
Но сердца огненный закал
И все, чтоб я твоим был сыном.
Во мне — могучих Эсте кровь.
Ты, обесчестивший любовь,
Теперь наказан нашим сходством.
Пусть обойден я первородством,
Чужой указки не терпя,
И этим я пошел в тебя.
А жизнь — ее ценю не боле,
Чем ты, отец, когда с тобой
Кидались мы в смертельный бой
И рядом бились в бранном поле.
Но прошлое — ничто. Оно
Забудется и в вечность канет,
И прошлым будущее станет.
Зачем не умер я давно!
Ты ввергнул мать мою в бесчестье,
Ты мужем стал моей невесте,
Но ты отец мой. Это рок!
И пусть твой приговор жесток,
Он справедлив. Твой Уго вскоре,
Зачат в грехе, умрет в позоре,
Твоею волей мой уход
Таков, каким был мой приход,
И все ж, хоть мы виновны оба,
Лишь я наказан — я у гроба.
Тебя одобрит суд людской,
Но бог рассудит нас с тобой».

14

И, замолчав, скрестил он руки.
Оковы звякнули, и Двор,
Внимавший молча до тех пор,

Весь дрогнул вдруг при этом звуке,
Как те, кто слышит злой укор.
Ио роковая привлекла
Все взоры прелесть Паризины.
Она, кто солнцем их была,
Кто гибель Уго принесла,
Что скажет в час его кончины?
Недвижна, мертвенно бледна,
Безмолвным ужасом полна,
Не отрывая глаз от Уго,
Она стояла возле друга,
И были странно велики
Расширившихся глаз белки,
И меж ресниц недвижных стали
Ее зрачки синей эмали.
Остекленевший взор глядит,
Как будто лед в крови разлит,
И каплет, медленно скользя
По бахrome ресниц атласных,
Слеза из глаз недавно ясных.
Нет, это рассказать нельзя!
Но слезы женщины едва ли
Такими тяжкими бывали.
Она хотела говорить,
Но издала лишь стон утробный,
Глухой, невнятный звук, способный
Всю скорбь, всю боль души вместить.
И люди замерли на миг.
И страшен был внезапный крик
Средь этой тишины надгробной.
И камнем рухнула она,
Как если б, горем сражена,
Себе же памятником стала,
Который сброшен с пьедестала, —
Не как виновная я:ена,
В чьем сердце — смерть, чья жизнь во власти
Необоримой, грозной страсти,
А как живое существо,
Когда позор сломил его,
Когда рассудок стал мутиться,
Но обморок недолго длится,
Хоть мозг, не выдержавший бед,
Способен лишь на смутный бред.
(Так лук, размокший под грозою,

Стреляет вкось, негодный к бою.)
И в прошлом — белое пятно,
И все, что в будущем, — черно,
А след мелькнул — и вновь исчез,
Как будто молния с небес
Ударила — скользящий свет —
Вой ветра — тьма — и где тот след?
Убита? — Нет! — Но исподволь
Сверлит все глубже в сердце боль.
Чей это голос?.. Честь!.. Позор!..
На казнь!.. Кого? Кому топор?
Земля ль под нею? А над ней —
Что? Небо? — Нет, оно синей!
А это что кругом за люд?
Не бесы ль тут сошлись на суд?
Никто, никто не будет впредь
С улыбкой на нее смотреть,
Как было раньше. В краткий миг
Мир стал бездушен, чужд и дик,
И вещи утеряли связь.
Она, то плача, то смеясь,
В боренье с этим страшным сном,
Глядит: не сон ли все кругом
И все, что с ней? — Но цепи сна
Расторгнет, сбросит ли она?

15

Колокола гудят —
Как будто со слезами
О том твердит набат,
Что все уж знают сами,
И все скорбят.
Заупокойный глас
Поет о тех, кто мертв и спит уже в могиле,
О тех, кто жив еще, но для кого пробили
Часы в последний раз.
И вот в оковах Уго приведен,
По нем надгробный плач и погребальный
звон.

У плахи он
Склонил колени пред монахом.
Толпа полна и жалостью и страхом.
Под ним земля нага и холодна.

Он стражей окружен, но плаха всем видна.
И виден топор, он наточен, остер,
И, чтоб лучше ударить, палач уже руку простер.
Он пробует, не затупилась ли сталь,
Отсесть не сразу — было б жаль,
А народ, безмолвствуя, ждет и глядит
На сына, что будет отцом убит.

16

Час пробил! Утро так светло
Под летним солнцем расцвело,
Но день мучительный ни в чем
Не схож был с радостным лучом.
И вот закат, зловеще ал,
На Уго и на плаху пал.
И он покаялся в грехах,
И принял исповедь монах,
И грешник от отца святого
Ждет всепрощающего слова
И отпущения грехов.
Он в путь, в последний путь готов.
Меж тем вечерняя заря,
В кудрях каштановых горя,
Блестит нежней и розовее
На полуобнаженной шее.
Но света розового блик
Всего сильнее в этот миг
На топоре, на белой стали.
О, час прощанья, час печали!
Скорбят и черствые сердца.
Закон на стороне отца,
Но с дрожью люди ждут конца.

17

И вот молитвы прочтены,
Грехи на четках сочтены.
Любовник дерзкий, низкий сын —
Пред ним палач, и он — один!
Осталось несколько минут.
Теперь, отрезаны, падут

Кудрей каштановых извивы.
Затем и шарф его красивый,
Дар Паризины, и кафтан,
И плащ, который шелком т к а н , —
Все, что на нем при жизни было,
Что не должна принять могила,
Сорвал палач одним рывком
И хочет повязать платком
Ему глаза. Но лишь презреньем
Пред этим новым униженьем
Ответил У г о . — Как! бойцу
Не встретить смерть лицом к лицу!
И поднял голову он смело.
«Я вами скован! Отдаю
И жизнь мою, и честь мою.
Так знай свое палачье дело!
Руби! А мне не засти взор!
Руби!» И голову на плаху
Склонил. Обрушенный с размаху,
Блеснул и зазвенел топор,
И тело тяжело осело,
И крови хлынула струя
Из обезглавленного тела,
Сухой песок и пыль поя.
Скользнула дрожь вдоль губ и век,
И взор остекленел навек.

Он умер так, как умирать
Должны виновные, — смиренный,
Молясь в надежде сокровенной
И веря в божью благодать.
Не помнил, в мыслях о кончине,
Когда ему внимал монах,
Ни о феррарском властелине,
Ни о прекрасной Паризине,
Ни о каких земных делах.
Протест и горечь — все забылось.
Лишь бог — ему душа молилась
Без с л о в , — а те нельзя считать,
Когда, казнимый, словно тать,
Он грозно требовал, чтоб дали
Ему, кто знал и смертный бой,
Увидеть блеск разящей с т а л и . —
Так попрощался он с толпой.

Увы! Как губы мертвеца,
 Безмолвьем стиснуты сердца,
 Но дрожь прошла из ряда в ряд,
 Как электрический разряд,
 Когда топор ему пресек
 Любовь, и жизнь, и краткий век.
 И вздох подавленный, глухой
 Проплыл над замершей толпой
 В ответ на страшный звук, на тот,
 С каким топор, обрушась, бьет
 И разрубает позвонки,
 И входит в дерево доски.
 Казнен! И снова в этот миг
 Раздался дикий, долгий крик.
 Как над ребенком мать кричит,
 Когда внезапно он убит,
 Так тишину прорезал вдруг
 Тот вопль тоски, безумья, мук,
 Потрясший даже князя дом.
 Там, за решетчатым окном,
 Она кричала, но когда
 Все обратили взор туда,
 Ее уж не было в окне
 И крик растаял в вышине,
 Но боль была в нем так тяжка,
 Такая горечь и тоска,
 Что каждый слышавший просил,
 Молясь владыке вышних сил,
 Чтоб этот крик последним был.

Так рыцарь умер. С этих пор
 Ни в залы замка, ни во двор
 Не выходила Паризина.
 Исчезла, словно не была,
 Боязнь и слухи пресекала.
 Сам Азо ни жену, ни сына
 Не вспоминал. Был запрещен
 И звук отверженных имен,
 И заминали в многолюдстве

Слова о казнях иль распутстве.
Их без обряда погребли
(Или его, по крайней мере),
Без гроба, на клочке земли.
А где она? Служить ли вере
Ушла монахиней простой,
Чтобы в обители святой,
Незрима, как во гробе тело,
Остаток дней прожить в трудах,
В молитвах, бденьях и постах;
Иль то, что чувством жить посмела,
Любила, не страшась преград,
Ей отомстил кинжал иль яд;
Или промучилась недолго,
И тот удар ее убил,
Который Уго погубил,
И ей, отступнице от долга,
Палач свирепую рукой
Навеки даровал покой —
Кто может знать? — Была, жила,
На свет в страданиях пришла
И от страданий умерла.

20

А что же князь? — Другая с ним.
И славных сыновей растит.
Но кто отважен и любим,
Как тот, который им убит?
Красивы? — Что ж, он очень рад.
Сильны — но хмур отцовский взгляд,
Глаза скользнут — и не глядят.
Былой улыбки ни следа.
Не прослезится никогда.
Морщины горя тяжело
Легли на гордое чело,
И радость не придет стереть
Их преждевременную сеть —
Свидетельство душевных мук.
Он знает: жизнь замкнула круг!
Бесчестье, честь ли — все равно.
Печаль и радость так давно
Приюта не находят в нем,

Нет ночью сна, отрады — днем.
А в сердце хаос, мутный бред.
Сдалось ли? — Нет! — Забыло? — Нет!
Он чужд всему, но лишь на вид:
И мысль жива, и страсть горит.
Лишь сверху лед, но глубока
Под ним течет, кипит река.
Пусть на груди лежит печать,
Но сердцу не дано молчать,
Когда вложило Естество
Так много чувств и сил в него.
И слезы гнать — напрасный труд:
Они к источнику уйдут,
И там пребудет их поток,
И чист, и светел, и глубок.
И чем он глубже затаен,
Тем чище, тем правдивей он.
Нет-нет, а князя вдруг пронзит
Тоска о тех, кто им убит.
И не заполнить пустоту,
И мести понял он тщету.
И нет надежды встретить их
Меж светлых душ в краях других.
И все ж он мнит, что, их казнив,
Он был и прав и справедлив,
Что сами навлекли свой рок...
Но так он стар и одиноч!
Больные ветви срежь, и вот
Увядший дуб ты воскресил.
Он ветви новые дает,
Он зелен, свеж и полон сил.
Но если молнии удар
Сожжет листву, обуглит ствол,
Ему не расцвести — он стар
И, черный, безобразно гол.

БЕШПО

1

Известен всем (невежд мы обойдем)
Веселый католический обычай
Гулять всюду перед святым постом,

Рискуя стать лукавому добычей.
Греши смелей, чтоб каяться потом!
Без ранговых различий и приличий
Все испытать спешат и стар и млад:
Любовь, обжорство, пьянство, маскарад.

2

Когда сгустится ночь под небосклоном
(Чем гуще тьма, тем лучше, господа!),
Когда скучней супругам, чем влюбленным,
И нет у целомудрия стыда,
Тогда своим жрецам неугомонным
Веселье отдается без труда.
Визг, хохот, пенье, скрипки и гитары
И нежный вздох целующейся пары.

3

Вот маски: турок, Янки-дудль, еврей,
Калейдоскоп невиданных уборов,
Лент, серпантина, блесток, фонарей,
Костюмы стряпчих, воинов, а к т е р о в, —
Все, что угодно прихоти твоей,
Все надевай без дальних разговоров,
И только рясу... боже сохрани! —
Духовных, вольнодумец, не дразни.

4

Уж лучше взять крапиву для кафтана,
Чем допустить хотя б один стежок,
Которым оскорбилась бы с у т а н а, —
Тогда ты не отшутишься, дружок,
Тебя на угли кинут, как барана,
Чтоб адский пламень ты собой разжег,
И по душе, попавшей в когти к бесу,
Лишь за двойную мзду отслужат мессу.

5

Но, кроме рясы, пригодно все, что есть,
От королевских мантий до ливреи, —
Что можно с местной Монмут-стрит унести

Для воплощения праздничной затеи.
Подобных «стрит» в Италии не счесть,
И лишь названия мягче и звучнее.
Из площадей английских словом «пьяцца»
Лишь Ковент-Гарден вправе называться.

6

Итак, пред нами праздник, карнавал,
«Прощай, мясное!» — смысл его названия.
Предмет забавно с именем совпал:
Теперь на рыбу все направь желанья!
Чем объяснить — я прежде сам не знал —
Перед постом такие возлиянья?
Но так друзья, прощаясь, пьют вино,
Пока свистка к отплытью не дано.

7

На сорок дней прости-прощай, мясное.
О, где рагу, бифштекс или паштет!
Все рыбное, да и притом сухое,
И тот, кто соус любит с детских лет,
Подчас со зла загнет словцо такое,
Каких от музы век не слышал свет,
Хотя и склонен к ним британец бравый,
Привыкший рыбу оснащать приправой.

8

К несчастью, вас в Италию влечет,
И вы уже готовы сесть в каюту.
Отправьте ж друга или жену вперед,
Пусть завернут в лавчонку па минуту,
И если уж отплыл ваш пакетбот,
Пускай пошлют вдогонку, по маршруту,
Чилийский соус, перец, тмин, кетчуп,
Иль в дни поста вы превратитесь в труп.

9

Таков совет питомцу римской веры —
Пусть римлянином в Риме будет он.
Но протестанты, — вы, о леди, сэры,

Для вас поститься вовсе не закон.
Вы только иностранцы, форестьеры,
Так поглощайте мясо без препон
И за грехи ступайте к черту в лапы!
Увы, я груб, но это кодекс паны.

10

Из городов, справлявших карнавал,
Где в блеске расточительном мелькали
Мистерия, веселый танец, бал,
Арлекинады, мимы, пасторали
И многое, чего я не н а з в а л , —
Прекраснейшим Венецию считали.
Тот шумный век, что мною здесь воспет,
Еще застал ее былой расцвет.

11

Венецианка хороша доньше:
Глаза как ночь, крылатый взлет бровей,
Прекрасный облик эллинской богини,
Дразнящий кисть мазилки наших дней.
У Тициана на любой картине
Вы можете найти подобных ей
И, увидав такую на балконе,
Узнаете, с кого писал Джорджоне,

12

Соединивший правду с красотой.
В дворце Манфрини есть его творенья.
Картин прекрасных много в зале той,
Но равных нет по силе вдохновенья.
Я не боюсь увлечься похвалой,
Я убежден, что вы того же мненья.
На полотне — художник, сын, жена,
И в ней сама любовь воплощена.

13

Любовь не идеальная — земная,
 Не образ отвлеченной красоты,
 Но близкий н а м , — такой была живая,
 Такими были все ее черты.
 Когда бы м о г , — ее, не рассуждая,
 Купил, украл, забрал бы силой ты...
 Она ль тебе пригрезилась когда-то?
 Мелькнула — и пропала без возврата.

14

Она была из тех, чей образ нам
 Является неведомый, неожиданный,
 Когда мы страстным преданы мечтам
 И каждая нам кажется желанной,
 И, вдруг воспламеняясь, но пятам
 Мы следуем за нимфой безымянной,
 Пока она не скрылась навсегда,
 Как меж Плеяд — погасшая звезда.

15

Я говорю: таких писал Джорджоне,
 И прежняя порода в них видна.
 Они всего милее на балконе
 (Для красоты дистанция нужна!).
 Они прелестны (вспомните Гольдони)
 И за нескромным жалюзи окна.
 Красоток т ь м а , — без мужа иль при м у же , —
 И чем они кокетливей, тем хуже.

16

Добра не будет: взгляд рождает вздох,
 Ответный вздох — надежду и желанье.
 Потом Меркурий, безработный бог,
 За медный скудо ей несет посланье,
 Потом сошлись, потом застал врасплох
 Отец иль муж, проведав, где свиданье.
 Крик, шум, побег, и вот любви трона:
 Разбиты и сердца и черепа.

17

Мы знаем, добродетель Дездемоны
От клеветы бедняжку не спасла.
До наших дней от Рима до Вероны
Случаются подобные дела.
Но изменились нравы и законы,
Не станет муж душить жену со зла
(Тем более красотку), коль за нею
Ходить, как тень, угодно чичисбею.

18

Да, он ревнует, но не так, как встарь,
А вежливей — не столь остервенело.
Убить жену? Он не такой дикарь,
Как этот черный сатана Отелло,
Заливший кровью брачный свой алтарь.
Из пустяков поднять такое дело!
Не лучше ли, в беде смирясь душой,
Жениться вновь иль просто жить с чужой!

19

Вы видели гондолу, без сомненья.
Нет? Так внимайте перечню примет:
То крытый челн, легки его движенья,
Он узкий, длинный, крашен в черный цвет.
Два гондольера в такт, без напряженья
Ведут его — и ты глядишь им вслед,
И, мнится, лодка с гробом проплывает.
Кто в нем, что в нем — кто ведает, кто знает?

20

И день-деньской снует бесшумный рой,
И в час ночной его бы вы застали.
То под Риальто пролетят стрелой,
То отразятся в медленном канале,
То ждут разезда сумрачной толпой,

И часто смех под обликом печали,
Как в тех каретах скорбных, утаен,
В которых гости едут с похорон.

21

Но ближе к делу! Лет тому не мало,
Да и не много: сорок — пятьдесят,
Когда все пело, пило и плясало,
Явилась поглядеть на маскарад
Одна синьора. Мне бы надлежало
Знать имя, но увы, лишь наугад,
И то, чтоб ладить с рифмой и цезурой,
Могу назвать красавицу Лаурой.

22

Она, хоть уж была немолода,
Еще в известный возраст не вступила,
Покрытый неизвестностью всегда.
Кому и где, какая в мире сила
Открыть его поможет, господа?
Известный возраст тайна окружила.
Он так в известном окрещен кругу,
Но невпопад — я присягнуть могу.

23

Лаура время проводить умела,
И время было благосклонно к ней.
Она ц в е л а , — я утверждаю смело,
Вы лет ее никак не дали б ей.
Она везде желанной быть хотела,
Боясь морщин, не хмурила бровей,
Всем улыбалась и лукавым взором
Мутила кровь воинственным синьорам.

24

При ней был м у ж , — всегда удобен брак.
У христиан ведь правило такое:
Прощать замужним их неверный шаг,

Зато бесчестить незамужних вдвое.
Скорей же замуж, если что не так,
Хоть средство не из легких, но простое.
А коль греха не скрыла от людей,
Так сам господь помочь не сможет ей.

25

Муж плавал по морям. Когда ж, бывало,
Вернувшись, он вблизи родной земли
По сорок дней томился у причала,
Где карантин проходят корабли,
Жена частенько у окна стояла,
Откуда рейд ей виден был вдали.
Он был купец и торговал в Алеппо.
Звался Джузеппе или просто Беппо.

26

Он человек был добрый и простой,
Сложеньем, ростом — образец мужчины.
Напоминал испанца смуглотой
И золотым загаром цвета глины.
А на морях — заправский волк морской.
Жена его — на все свои причины, —
Хоть с виду легкомысленна была,
Особой добродетельной слыла.

27

Но лет уж пять, как он с женой расстался.
Одни твердили — он пошел ко дну,
Другие — задолжал, и промотался,
И от долгов удрал, забыв жену.
Иной уж бился об заклад и клялся,
Что не вернется он в свою страну, —
Ведь об заклад побиться все мы прытки,
Пока не образумят нас убытки.

Прощание супружеской четы
 Необычайно трогательно было.
 Так все «прости» у роковой черты
 В сердцах звучат пророчески уныло
 (И эти чувства праздны и пусты,
 Хоть их перо поэтов освятило).
 В слезах склонил колени перед ней
 Дидону покидающий Эней.

И год ждала она, горя мало,
 Но вдруг себя представила вдовой,
 Чуть вовсе аппетит не потеряла,
 И невтерпеж ей стало спать одной.
 Коль ветром с моря ставни сотрясало,
 Казалось ей, что воры за стеной.
 И что от скуки, страха или стужи
 Теперь спасенье только в вице-муже.

Красавицы кого ни изберут,
 Им не перечь — ведь женщины упрямы.
 Она нашла, отвергнув общий суд,
 Поклонника из тех — мы будем п р я м ы , —
 Кого хлыщами светскими зовут.
 Их очень любят, хоть ругают дамы.
 Заезжий граф, он был красив, богат
 И не дурак пожить, как говорят.

Да, был он граф, знаток балета, скрипки,
 Стиха, владел французским языком,
 Болтал и на тосканском без ошибки,
 А всем ли он в Италии знаком?
 Арбитром был в любой журнальной сшибке,
 Судил театр, считался остряком,
 И *seccatura*¹ графское бывало
 Любой премьере вестником провала.

¹ Скука (итал.).

Он крикнет «браво» — и весь первый ряд
 Уж хлопает, а критики — ни слова.
 Услышит фальшь — и скрипачи дрожат,
 Косясь на лоб, нахмуренный сурово.
 Проронит «фи» и кинет строгий взгляд —
 И примадонна зарыдать готова,
 И молит бас, бледнее мела став,
 Чтобы сквозь землю провалился граф.

Он был импровизаторов патроном,
 Играл, и пел, и в рифмах был силен.
 Рассказчик, славу делавший салонам,
 Плясал как истый итальянец он
 (Хоть этот их венец, по всем законам,
 Не раз бывал французам присужден).
 Средь кабальеро первым быть умея,
 Он стал героем своего лакея.

Он влюбчив был, но верен. Он не мог
 На женщину глядеть без восхищенья.
 Хоть все они сварливы, есть грешок,
 Он их сердцам не причинял мученья.
 Как воск податлив, но, как мрамор, строг,
 Он сохранял надолго увлеченья
 И, по законам добрых старых дней,
 Был тем верней, чем дама холодней.

В такого долго ль женщине влюбиться,
 Пускай она бесстрастна, как мудрец!
 Надежды нет, что Беппо возвратится,
 Как ни рассудишь, он уже мертвец.
 И то сказать: не может сам явиться,
 Так весточку прислал бы наконец!
 Нет, муж, когда не пишет, так поверьте,
 Он или умер, иль достоин смерти.

36

Притом южнее Альп уже давно —
 Не знаю, кто был первым в этом роде! —
 В обычай двоемужье введено,
 Там *cavalier sergente*¹ в обиходе,
 И никому не странно, не смешно,
 Хоть это грех, но кто перечит моде!
 И мы, не осуждая, скажем так:
 В законном браке то внебрачный брак.

37

Когда-то было слово *cicisbeo*²,
 Но этот титул был бы ныне дик.
 Испанцы называют их *cortejo*,³ —
 Обычай и в Испанию проник.
 Он царствует везде, от По до Ташо,
 И может к нам перехлестнуться вмиг.
 Но сохрани нас бог от этой моды —
 Пойдут суды, взыскания, разводы.

38

Замечу кстати: я питаю сам
 К девицам и любовь и уваженье,
 Но в *tête-à-tête* ценю я больше дам,
 Да и во всем отдам им предпочтенье,
 Причем ко всем народам и краям
 Относится равно мое сужденье.
 И знают жизнь и держатся смелей,
 А нам всегда естественность милей.

39

Хоть мисс, как роза, свежестью сверкает,
 Но неловка, дрожит за каждый шаг,
 Пугливо-строгим видом вас пугает,

¹ Услужливый поклонник (*итал.*).

² Чичисбей (*итал.*).

³ Любовник (*исп.*).

Хихикает, краснеет, точно рак.
Чуть что, смутясь, к мамаше убегает,
Мол, я, иль вы, иль он ступил не так.
Все отдает в ней нянькиным уходом,
Она и пахнет как-то бутербродом.

40

Но cavalier servente — кто же он?
Свет очертил границы этой роли.
Он быть рабом сверхштатным обречен,
Он вещь, он часть наряда, но не боле.
И слово дамы для него закон.
Тут не ленись, для дел большое поле:
Слугу, карету, лодку подзывай,
Перчатки, веер, зонтик подавай.

41

Но пусть грешит Италия по моде!
Прощаю все пленительной стране,
Где солнце каждый день на небосводе,
Где виноград не лепится к стене,
Но пышно, буйно вьется на свободе,
Как в мелодрамах, верных старине,
Где в первом акте есть балет и задник
Изображает сельский виноградник.

42

Люблю в осенних сумерках верхом
Скакать, не зная, где мой плащ дорожный, —
Забыл или у грума под ремнем.
(Вот в Англии погоды нет надежной!)
Люблю я встретить на пути своем
Медлительный, скрипучий, осторожный,
До верху полный сочных гроздий воз
(У нас то был бы мусор иль навоз).

43

Люблю я винноградника-птицу,
Люблю закат у моря, где восход
Не в мути, не в тумане возгорится,

Не мокрым глазом пьяницы блеснет,
Но где заря, как юная царица,
Взойдет, сияя, в синий небосвод,
Где дню не нужен свет свечи заемный,
Как там, где высь коптит наш Лондон темный.

44

Люблю язык! Латыни гордый внук,
Как нежен он в признаньях сладострастных!
Как дышит в нем благоуханный Юг!
Как сладок звон его певучих гласных!
Не то что наш, рожденный в царстве выюг
И полный звуков тусклых и неясных,
Такой язык, что, говоря на нем,
Мы харкаем, свистим или плюем.

45

Люблю их женщин — всех, к чему таиться!
Люблю крестьянок — бронзу смуглых щек,
Глаза, откуда брызжет и струится
Живых лучей сияющий поток.
Синьор люблю — как часто взор мне снится,
Чей влажный блеск так нежен и глубок.
Их сердце — на устах, душа — во взоре,
Их солнце в нем, их небеса и море.

46

Италия! Не ты ль эдем земной!
И не твоей ли Евой вдохновленный,
Нам Рафаэль открыл предел иной!
Не на груди ль прекрасной, упоенный,
Скончался он! Недаром даже твой,
Да, твой язык, богами сотворенный,
И он бессилен передать черты
Доступной лишь Канове красоты!

47

Хоть Англию клянет душа поэта,
Ее люблю, — так молвил я в К а л е , —
Люблю болтать с друзьями до рассвета,

Люблю в журналах мир и на земле.
Правительство люблю я (но не это),
Люблю закон (но пусть лежит в столе),
Люблю парламент, и люблю я пренья,
Но не люблю я преть до одуренья.

48

Люблю я уголь, но недорогой,
Люблю налоги, только небольшие,
Люблю бифштекс, и все равной какой,
За кружкой пива я в своей стихии.
Люблю (не в дождь) гулять часок-другой,
У нас в году два месяца сухие.
Клянусь регенту, церкви, королю,
Что даже их, как всё и вся люблю.

49

Налог на нищих, долг национальный,
Свой долг, реформу, оскудевший флот,
Банкродов списки, вой и свист журнальный
И без свободы множество свобод,
Холодных женщин, климат наш печальный
Готов простить, готов забыть их гнет
И нашу славу чтить — одно лишь горе:
От всех побед не выиграли б тори!

50

Но что ж Лаура? Уверю вас,
Мне, как и вам, читатель, надоело
От темы отклоняться каждый раз.
Вы рады ждать, но все ж не без предела,
Вам досадил мой сбивчивый рассказ!
До авторских симпатий нет вам дела,
Вы требуете смысла наконец!
И вот где в затруднении певец!

51

Когда б легко писал я, как бы стало
Легко меня читать! В обитель муз
Я на Парнас взошел бы и немало

Скропал бы строф на современный вкус.
Им публика тогда б рукоплескала,
Герой их был бы перс или индус,
Ориентальность я б, согласно правил,
В сентиментальность Запада оправил.

52

Но старый денди, мелкий рифмоплет,
Едва-едва я по ухабам еду.
Чуть что — в словарь, куда мой перст ни ткнет,
Чтоб взять на рифму стих мой непоседу.
Хорошей нет — плохую в оборот,
Пусть критик сзади гонится по следу!
С натуги я до прозы пасть готов,
Но вот беда: все требуют стихов!

53

Граф завязал с Лаурой отношенья.
Шесть лет (а это встретишь не всегда)
Их отношенья длились без крушенья,
Текли чредою схожею года.
Одна лишь ревность, в виде исключенья,
Разлад в их жизнь вносила иногда,
Но смертным, от вельможи до бродяги,
Всем суждены такие передряги.

54

Итак, любовь им счастье принесла,
Хоть вне закона счастья мы не знаем.
Он был ей верен, а она цвела,
Им в сладких узах жизнь казалась раем.
Свет не судил их, не желал им зла.
«Черт вас возьми!» — сказал один ханжа им
Вослед, но черт не взял — ведь черту впрок,
Коль старый грешник юного завлек.

55

Еще жила в них юность. Страсть уныла
Без юности, как юность без страстей.
Дары небес: веселье, бодрость, сила,

Честь, правда — всё, всё в юности сильней.
И с возрастом, когда уж кровь остыла,
Лишь одного не гасит опыт в ней,
Лишь одного, — вот отчего, быть может,
Холостяков и старых ревность гложет.

56

Был карнавал. Строф тридцать шесть назад
Я уж хотел заняться сим предметом.
Лаура, надевая свой наряд,
Вертелась три часа пред туалетом,
Как вертится, идя на маскарад,
И вы, читатель, я уверен в этом.
Различие нашлось бы лишь одно:
Им шесть недель для праздника дано.

57

Принарядясь, Лаура в шляпке новой
Собой затмить могла весь женский род,
Свежа, как ангел с карточки почтовой
Или кокетка с той картинки мод,
Что нам журнал, диктатор наш суровый,
На титуле изящно подает
Под фольгой, чтоб раскрашенному платью
Не повредить линияющей печатью.

58

Они пошли в Ридотто. Это зал,
Где пляшут все, едят и пляшут снова.
Я б маскарадом сборище назвал,
Но сути дела не меняет слово.
Зал — точно Воксхолл наш и только мал,
Да зонтика не нужно дождевого.
Там смешанная публика. Для вас
Она низка, и не о ней рассказ.

59

Ведь смешанная — должен объясниться —
Откинув вас да избранных персон,
Что снизойдут друг другу поклониться,

Включает разный сброд со всех сторон,
Всегда в местах общественных теснится,
Презренье высших презирает он,
Хотя зовет их «светом» по привычке.
Я, зная свет, дивлюсь подобной кличке.

60

Так — в Англии. Так было в те года,
Когда блистали денди там впервые.
Тех обезьян сменилась череда,
И с новых обезьянят уж другие.
Тираны мод — померкла их звезда!
Так меркнет все: падут цари земные,
Любви ли бог победу им принес,
Иль бог войны, иль попросту мороз,

61

Полночный Тор обрушил тяжкий молот,
И Бонапарт в расцвете сил погас.
Губил французов лютый русский холод,
Как синтаксис французский губит нас.
И вот герой, терпя и стыд и голод,
Фортуны проклял в тот ужасный час
И поступил весьма неосторожно:
Фортуны чтить должны мы непреложно.

62

Судьба народов ей подчинена,
Вверяют ей и брак и лотерею.
Мне редко благосклонствует она,
Но все же я хулить ее не смею.
Хоть в прошлом предо мной она грешна
И с той поры должок еще за нею,
Я голову богине не дурю,
Лишь, если есть за что, благодарю.

63

Но я опять свернул — да ну вас к богу!
Когда ж я впрямь рассказывать начну?
Я взял с собой такой размер в дорогу,

Что с ним теперь мой стих ни тпру, ни ну.
Веди его с оглядкой, понемногу,
Не сбей строфу! Ну вот я и тяну,
Но если только доползти сумею,
С октавой впредь я дела не имею.

64

Они пошли в Ридотто. (Я как раз
Туда отправлюсь завтра. Там забуду
Печаль мою, рассею хоть на час
Тоску, меня гнетущую повсюду.
Улыбку уст, огонь волшебных глаз
Угадывать под каждой маской буду,
А там, бог даст, найдется и предлог,
Чтоб от тоски укрыться в уголок.)

65

И вот среди пар идет Лаура смело.
Глаза блестят, сверкает смехом рот.
Кивнула тем, пред этими присела,
С той шепчется, ту под руку берет.
Ей жарко здесь, она б воды хотела!
Граф лимонад принес — Лаура пьет
И взором всех критически обводит,
Своих подруг ужасными находит.

66

У той румянец желтый, как шафран,
У той коса, конечно, накладная,
На третьей — о, безвкусица! — тюрбан,
Четвертая — как кукла заводная.
У пятой прыщ и в талии изъян.
А как вульгарна и глупа шестая!
Седьмая... Хватит! Надо знать и честь!
Как духов Банко, их не перечесть.

67

Пока она соседок изучала,
Кой-кто мою Лауру изучал,
Но жадных глаз она не замечала,

Она мужских не слушала похвал.
Все дамы злились, да, их возмущало,
Что вкус мужчин так нестерпимо пал.
Но сильный пол — о, дерзость, как он смеет
И тут свое суждение имеет.

68

Я, право, никогда не понимал,
Что нам в таких особах... но об этом
Молчок! Ведь это для страны скандал,
И слово тут никак не за поэтом.
Вот если б я витией грозным стал
В судейской тоге, с цепью и с беретом,
Я б их громил, не пропуская д н я, —
Пусть Вильберфорс цитирует меня!

69

Пока в беседе весело и живо
Лаура светский расточала вздор,
Сердились дамы (что совсем не диво!),
Соперницу честил их дружный хор.
Мужчины к ней теснились молчаливо
Иль, поклонясь, вступали в разговор,
И лишь один, укрывшись за колонной,
Следил за нею как завороченный.

70

Красавицу, хотя он турок был,
Немой любви сперва пленили знаки.
Ведь туркам женский пол куда как мил
И так завидна жизнь турчанок в браке!
Там женщин покупают, как кобыл,
Живут они у мужа, как собаки:
Две пары жен, наложниц миллион,
Все взаперти, и это всё — закон!

71

Чадра, гарем, под стражей заточенье,
Мужчинам вход строжайше воспрещен.
Тут смертный грех любое развлечение,

Которых тьма у европейских жен.
Муж молчалив и деспот в обращении,
И что же разрешает им закон,
Когда от скуки некуда деваться?
Любить, кормить, купаться, одеваться.

72

Здесь не читают, не ведут бесед
И споров, посвященных модной теме,
Не обсуждают оперу, балет
Иль слог в недавно вышедшей поэме.
Здесь на ученье строгий лег запрет,
Зато и «синих» не найдешь в гареме,
И не влетит наш Бозерби сюда,
Крича: «Какая новость, господа!»

73

Здесь важного не встретишь рыболова,
Который удит славу с юных дней,
Поймает похвалы скупое слово
И вновь удить кидается скорей.
Все тускло в нем, все с голоса чужого.
Домашний лев! Юпитер пескарей!
Среди ученых дам себя нашедший
Пророк юнцов, короче — сумасшедший.

74

Меж синих фурий он синее всех,
Он среди них в арбитрах вкуса ходит.
Хулой он злит, надменный пустобрех,
Но похвалой он из себя выводит.
Живьем глотает жалкий свой успех,
Со всех языков мира переводит.
Хоть понимать их не сподобил бог.
Предостережен так, что лучше был бы плох.

75

Когда писатель — только лишь писатель,
Сухарь чернильный, право, он смешон.
Чванлив, ревнив, завистлив, — о, создатель!

Последнего хлыща ничтожней он.
Что делать с этой тварью, мой читатель?
Надуть мехами, чтобы лопнул он!
Исчерканный клочок бумаги писчей,
Ночной огарок — вот кто этот нищий!

76

Конечно, есть и те, кто рождены
Для шума жизни, для большой арены,
Есть Мур, и Скотт, и Роджерс — им нужны
Не только их чернильница и стены,
Но эти — «мощной матери сыны»,
Что не годятся даже в джентльмены,
Им лишь бы чайный стол, их место там,
В парламенте литературных дам.

77

О бедные турчанки! Ваша вера
Столь мудрых не впускает к вам персон.
Такой бы напугал вас, как холера,
Как с минарета колокольный звон.
А не послать ли к вам миссионера
(То шаг на пользу, если не в урон!),
Писателя, что вас научит с богом
Вести беседу христианским слогом.

78

Не ходит метафизик к вам вещать.
Иль химик — демонстрировать вам газы,
Не пичкает вас бреднями печать,
Не стряпает о мертвецах рассказы,
Чтобы живых намеками смущать,
Не водят вас на выставки, показы
Или на крышу — мерить небосклон.
Тут, слава богу, нет ученых жен.

79

Вы спросите: зачем же «слава богу»?
Вопрос интимный — посему молчу.
Но, обратившись к будничному слогу,

Биографам резон мой сообщу.
Я стал ведь юмористом понемногу,
Чем старше, тем охотнее шучу.
Но что ж, смеяться лучше, чем браниться,
Хоть после смеха в душу скорбь теснится.

80

О детство! Радость! Молоко! Вода!
Счастливых дней счастливый преизбыток!
Иль человек забыл вас навсегда
В ужасный век разбоя, казней, пыток?
Нет, пусть ушло былое без следа,
Люблю и славлю дивный тот напиток!
О царство леденцов! Как буду рад
Шампанским твой отпраздновать возврат!

81

Наш турок, глаз с Лауры не спуская,
Глядел, как самый христианский фат:
Мол, будьте благодарны, дорогая,
Коль с вами познакомиться хотят.
И, спору нет, сдалась бы уж другая,
Ведь их всегда волнует дерзкий взгляд.
Но не Лауру, женщину с закалкой,
Мог взять нахальством чужестранец жалкий.

82

Меж тем восток светлеть уж начинал.
Совет мой дамам, всем без исключенья:
Как ни был весел и приятен бал,
Но от бесед, от танцев, угощенья
Чуть свет бегите, покидайте зал,
И сохрани вас бог от искушенья
Остаться — солнце всходит, и сейчас
Увидят все, как бледность портит вас!

83

И сам когда-то с пира или бала
Не уходил я, каюсь, до конца.
Прекрасных женщин видел я немало

И дев, пленявших юностью сердца.
Следил, — о, время! — кто из них блистала
И после ночи свежестью лица.
Но лишь одна, взлетев с последним танцем,
Одна могла смутить восток румянцем.

84

Не назову красавицы моей,
Хоть мог бы: ведь прелестное создание
Лишь мельком я встречал, среди гостей,
Но страшно за нескромность порицанье,
И лучше имя скрыть, а если к ней
Вас повлекло внезапное желанье, —
Скорей в Париж, на бал! — и здесь она,
Как в Лондоне, с зарей цветет одна.

85

Лаура превосходно понимала,
Что значит отплясать, забыв про сон,
Ночь напролет в толпе и в шуме бала.
Знакомым общий отдала поклон,
Шаль приняла из графских рук устало,
И, распрощавшись, оба вышли вон.
Хотели сесть в гондолу, но едва ли
Не полчаса гребцов проклятых звали.

86

Ведь здесь, под стать английским кучерам,
Гребцы всегда не там, не в нужном месте.
У лодок те же давка, шум и гам, —
Вас так помнут, что лучше к ним не лезьте.
Но дома «бобби» помогает вам,
А этих страж ругает с вами вместе,
И брань стоит такая, что печать
Не выдержит — я должен замолчать.

87

Все ж, наконец усевшись, по каналу
Поплыли граф с Лаурою домой.
Был посвящен весь разговор их балу,

Танцорам, платьям дам и — боже мой! —
Так явно назревавшему скандалу.
Приплыли. Вышли. Вдруг за их спиной —
Как не прийти красавице в смятенье! —
Тот самый турок встал, как привиденье.

88

«Синьор! — воскликнул граф, прищунив г л а з . —
Я вынужден просить вас объясниться! —
Кто вы? Зачем вы здесь и в этот час?
Быть может... иль ошибка здесь таится?
Хотел бы в это верить — ради вас!
Иначе вам придется извиниться.
Признайте же ошибку, мой совет».
«Синьор, — воскликнул т о т , — ошибки нет,

89

Я муж ее!» Лауру это слово
Повергло в ужас, но известно всем:
Где англичанка пасть без чувств готова,
Там итальянка вздрогнет, а затем
Возденет очи, призовет святого
И вмиг придет в с е б я , — хоть не совсем,
Зато уж без примочек, расшнуровок,
Солей, и спирта, и других уловок.

90

Она сказала... Что в беде такой
Могла она сказать? Она молчала.
Но граф, мгновенно овладев собой:
«Прошу, войдемте! Право, толку мало
Комедию ломать перед толпой.
Ведь можно все уладить без скандала.
Достойно, согласитесь, лишь одно:
Смеяться, если вышло так смешно».

91

Вошли. За кофе сели. Это блюдо
И нехристи и христиане чтут,
Но нам у них бы взять рецепт не худо.

Меж тем с Лауры страх слетел, и тут
Пошло подряд: «Он турок! Вот так чудо!
Беппо! Открой же, как тебя зовут.
А борода какая! Где, скажи нам,
Ты пропадал? А впрочем, верь мужчинам!

92

Но ты и вправду турок? Говорят,
Вам служат вилкой пальцы. Сколько дали
Там жен тебе в гарем? Какой халат!
А шаль! Как мне идут такие шали!
Смотри! А правда, турки не едят
Свинины? Веппо! С кем вы изменяли
Своей супруге? Боже, что за вид!
Ты желтый, Беппо. Печень не болит?

93

А бороду ты отрастил напрасно.
Ты безобразен! Эта борода...
На что она тебе? Ах да, мне ясно:
Тебя пугают наши холода.
Скажи, я постарела? Вот прекрасно!
Нет, Беппо, в этом платье никуда
Ты не пойдешь. Ты выглядишь нелепо!
Ты стриженный! Как поседел ты, Беппо».

94

Что Беппо отвечал своей жене —
Не знаю. Там, где камни древней Трои
Почиют ныне в дикой тишине,
Попал он в плен. За хлеб да за побои
Трудился тяжело, раб в чужой стране,
Потом решил померяться с судьбою,
Бежал к пиратам, грабил, стал богат
И хитрым слыл, как всякий ренегат.

95

Росло богатство, и росло желанье
Вернуться под родимый небосклон.
В чужих краях наскучило скитанье,

Он был там одинок, как Робинзон.
И, торопя с отчизною свиданье,
Облюбовал испанский парус он,
Что плыл на Корфу. То была полакка —
Шесть человек и добрый груз tobассо.

96

С мешком м о н е т , — где он набрать их мог
Рискуя жизнью, он взошел на судно.
Он говорит, что бог ему помог.
Конечно, мне поверить в это трудно,
Но хорошо, я соглашусь, что бог.
Об этом спорить, право, безрассудно.
Три дня держал их штиль у мыса Бон,
Но все же в срок доплыл до Корфу он.

97

Сойдя, купцом турецким он назвался,
Торгующим — а чем, забыл я сам,
И на другое судно перебрался,
Сумев мешок свой погрузить и там.
Не понимаю, как он жив остался,
Но факт таков: отплыл к родным краям
И получил в Венеции обратно
И дом, и веру, и жену, понятно.

98

Приняв жену, вторично окрещен
(Конечно, сделал церкви подношенье),
День проходил в костюме графа он,
Языческое скинув облаченье.
Друзья к нему сошлись со всех сторон,
Узнав, что он не скуп на угощенье,
Что помнит он историй всяких тьму
(Вопрос, конечно, верить ли ему).

99

И в чем бедняге юность отказала,
Все получил он в зрелые года.
С женой, по слухам, ссорился немало,

Но графу стал он другом навсегда.
Листок дописан, и рука устала.
Пора кончать. Вы скажете: о да!
Давно пора, рассказ и так уж длинен,
Я знаю сам, но я ли в том повинен!

ДЖОН КИТС

1796—1821

* * *

День отошел и все с собой унес,
Влюбленность, нежность, губы, руки, взоры,
Тепло дыханья, темный плен волос,
Смех, шепот, игры, ласки, шутки, споры.

Поблекло все — так вянут вмиг цветы.
От глаз ушло и скрылось Совершенство,
Из рук ушло виденье Красоты,
Ушел восторг, безумие, блаженство.

Исчезло все — и мглою мир объят,
И день святой сменила ночь святая,
Разлив любви пьянящий аромат,
Для сладострастья полог тьмы сплетая.

Весь часослов любви прочел я днем
И вновь молнось — войди же, Сон, в мой дом!

* * *

О, если б вечным быть, как ты, Звезда!
Но не сиять в величье одиноком,
Над бездной ночи бодрствуя всегда,
На Землю глядя равнодушным о к о м , —

Вершат ли воды свой святой обряд,
Брегам людским даруя очищенье,
Иль надевают зимний свой наряд
Гора и дол в земном круговращенье, —

Нет, неизменным, вечным быть хочу,
Чтобы ловить любимых губ дыханье,

Щекой прижаться к милому плечу,
Прекрасной груди видеть колыханье

И в тишине, забыв покой для нег,
Жить без конца — или уснуть навек.

* * *

Когда страшусь, что смерть прервет мой труд,
И выроню перо я поневоле,
И в житницы томов не соберут
Зерно, жнецом рассыпанное в поле,

Когда я вижу ночи звездный лик
И оттого в отчаянье немею,
Что символов огромных не постиг
И никогда постигнуть не сумею,

И чувствую, что, созданный на час,
Расстанусь и с тобою, незабвенной,
Что власть любви уже не свяжет нас, —
Тогда один на берегу вселенной

Стою, стою и думаю — и вновь
В Ничто уходят Слава и Любовь.

СОНЕТ К БАЙРОНУ

О Байрон! Песней сладостной печали
Ты к нежности склоняешь все вокруг,
Как будто с арфы, потрясенной вдруг
Сочувствием, рыдания в прах упали,

И чтоб они не смолкли, не пропали,
Ты осторожно поднял каждый звук,
Дал волшебство словам душевных мук,
Явил нам скорбь в сияющем хорале.

Так темной туче ответ золотой
Дарит луна, идя тропой дозорной,
Так жемчугом блестит убор простой,

Так жилками мерцает мрамор черный.
Пой, лебедь гордый, песнь разлуки пой,
Дай нам упиться грустью благотворной.

СОНЕТ К ЧАТТЕРТОНУ

О Чаттертон! О жертва злых гонений!
Дитя нужды и горестных тревог!
Как рано взор сияющий поблек,
Где мысль играла, где светился гений!

Как рано голос гордых вдохновений
В гармониях предсмертных изнемог!
Твой был восход от смерти недалек,
Цветок, убитый стужей предосенней.

Но все прошло: среди других орбит
Ты сам звездой сияешь лучезарной,
Ты можешь петь, ты выше всех обид

Людской молвы, толпы неблагодарной.
И, слез не скрыв, потомок оградит
Тебя, поэт, от клеветы коварной.

РОБЕРТ БРАУНИНГ

1812—1889

КАК ПРИВЕЗЛИ ДОБРУЮ ВЕСТЬ ИЗ ГЕНТА В АХЕН

Я — в стремя, а Йорис и Дирк уж в седле.
Хлестнули, взвились и помчались во мгле.
«Дай бог!» — крикнул страж у подъемных ворот.
Бог! — гулом ответили стены и свод.
Ворота упали, погасли огни,
И в ночь унеслись мы галопом, одни,

Безмолвны, бок о бок, седло у седла,
Пригнувшись к луке, натянув удила.
К подпруге склоняясь, я ослабил ее,
Уставил во тьму боевое копье,
Испытанный шлем свой надвинул на лоб.
Спокоен был Роланда мощный галоп.

Мы близились к Локерну. Месяц погас.
Петух возвестил нам предутренний час.
Вот Боом — и большая звезда в вышине.
Как сладко покоится Дьюффильд во сне!
Вот Мехельн — три раза на ратуше бьет.
Тут Йорис дал шпоры и крикнул: «Вперед!»

Над Арсхотом брезжил рассвет. У пруда
В белесом тумане чернели стада.
Ио вот и заря, и, подобный скале,
Стал виден мой Роланд в рedeющей мгле,
Как делит скала набегающий вал,
Он в мутные клочья туман разрывал.

Мой смелый! Ты скачешь в степной тишине,
Ты ухом прядешь, обращенным ко мне,
На зов мой скосил ты свой умный, живой,
Свой черный зрачок с голубою каймой,
Клокочет кипящею пеной твой рот,
И каплет с боков остывающий пот.

Мы в Хассельте. «Иорис!» — «Что, Дирк,
отстаешь?

Не шпорь понапрасну, гневой был хорош.
Ты вспомнишь не раз о лихом скакуне.
Но он изменил — по своей ли вине?
Измучен твой конь, он дрожит и храпит,
И мыло на брюхе и бедрах кипит».

Мы скачем вдвоем. О, как чист небосвод!
Мы в Лоозе — мимо! Мы в Тонгре — вперед!
Мы желтое жнивье копытами бьем,
А солнце смеется и жжет нас огнем.
Вон Далем в горячей полднейной пыли.
«Гони! — услышал я. — То Ахен вдали!»

Так Йорис мне вслед прохрипел, и за мной
Пал камнем на землю его вороной.
Лишь Роланд моя скачет, он Ахен спасет,
Он гибнущим добрую весть принесет,
Хоть кровь выкипает из жарких ноздрей,
Хоть глаз ободки все мутней и красней.

Швырнул я доспехи в клубящийся прах,
Я скинул ботфорты, привстал в стремянах,
Трепал его гриву, и с ним говорил,
Молил, заклинал, и ласкал, и корил,
Я пел, я смеялся, кричал и свистел,
И весело в Ахен мой Роланд влетел.

Что было потом — вспоминаю с трудом.
Сидел меж друзей я на пире хмельном.
Мой Роланд прижался ко мне головой —
Вином я поил тебя, конь боевой!
И каждый воздал победителю честь,
Из Гента примчавшему добрую весть.

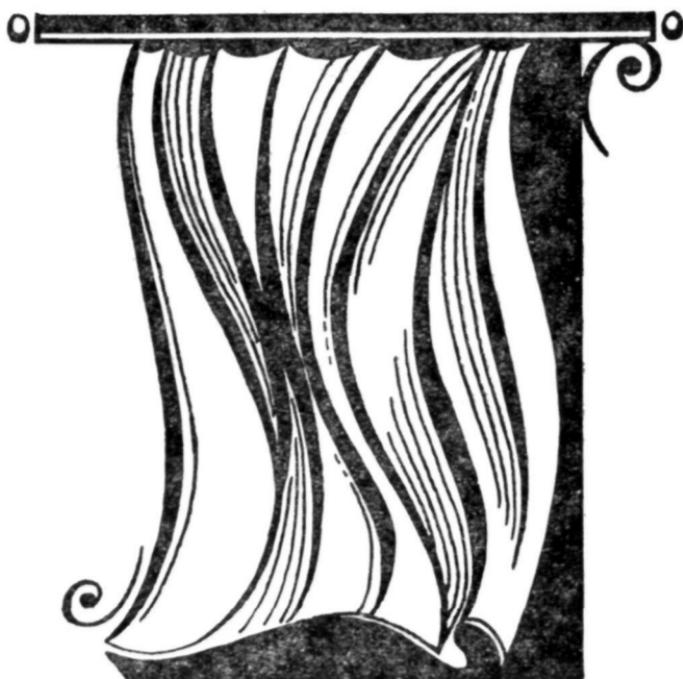

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

КАК ВАМ ЭТО ПРАВИТСЯ

Действующие лица

Старый герцог, живущий в изгнании.
Фредерик — брат герцога, захвативший его владения.
Амьен } вельможи, состоящие при изгнанном герцоге.
Жак }
Ле Бо — придворный Фредерика.
Шарль — борец Фредерика.
Оливер } сыновья Роланда де Буа
Жак }
Орландо }
Адам } слуги Оливера.
Дени }
Оселок — шут.
Оливер Пуганик — священник.
Коринн } пастухи.
Сильвий }
Гильом — деревенский парень, влюбленный в Одри.
Лицо, изображающее Гименя.
Розалинда — дочь изгнанного герцога.
Селия — дочь Фредерика.
Феба — пастушка.
Одри — деревенская девушка.

Вельможи, пажи, слуги и проч.

Место действия: дом Оливера; дворец Фредерика; Арденнский лес.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Сад при доме Оливера. Входят Орландо и Адам.

Орландо. Я знаю, Адам, — отец оставил мне жалкую тысячу крон, но завещал моему старшему брату Оливеру дать мне хорошее воспитание. С тех пор и начались мои невзгоды. Брата моего Жака Оливер определил в школу, и об успехах Жака рассказывают чудеса. Меня же, словно мужика, он воспитывает дома, вернее, держит дома, не давая мне никакого воспитания. Разве можно назвать воспитанием, приличным дворянину, то, что прилично разве быку в стойле? О своих лошадях он заботится больше, чем о родном брате. Они получают хороший корм и обучаются своему делу, причем берейторы стоят больших денег. Мне же, моему брату, он не предоставляет ничего, кроме права свободно расти. Но за это я обязан ему не больше, чем скотина, живущая на подножном корму. И, щедро отпуская мне это «ничто», он, видимо, хочет отнять у меня «кое-что», дарованное мне самой природой: сажает за один стол со своей челядью, лишает места, принадлежащего мне, как его брату. Он всеми силами старается стереть черты моего благородного происхождения. Вот это и печалит меня, Адам. Дух отца, обитающий во мне, восстает против такого рабства. Я больше не намерен это терпеть, хотя и не придумал еще разумного выхода.

Адам. Вот идет мой господин, ваш брат.

Орландо. Стань поодаль, Адам, и ты услышишь, как он сейчас накинется на меня.

Входит Оливер.

Оливер. Ну, сударь, что вы здесь делаете?

Орландо. Ничего. Меня не учили никакому делу.

Оливер. В таком случае — что ты портишь?

Орландо. Сударь, я помогаю портить то, что создано богом, губить праздностью вашего бедного недостойного брата.

Оливер. Чем бы ты ни занимался, все равно ты останешься ничем.

Орландо. Прикажете мне пасти свиней и питаться с ними отрубями? Какое наследство я промотал, от какого богатства дошел до такой нищеты?

Оливер. Известно ли вам, сударь, где вы находитесь?

Орландо. О сударь, очень хорошо известно: в вашем саду.

Оливер. А знаете ли вы, перед кем стоите?

Орландо. Еще бы! Знаю лучше, чем тот, перед кем я стою, знает меня: вы мой старший брат. Нежные узы крови должны были бы заставить и вас признать меня братом. Вам, как первородному, по обычаю народов дано превосходство надо мной. Но тот же обычай не отнимает у меня моего происхождения, хотя бы между мной и вами было двадцать братьев. По крови я близок отцу так же, как вы. Но вы явились на свет первым и первый пользуетесь почетом, который заслужил наш отец.

Оливер. Что ты сказал? Мальчишка!

Орландо. Полегче, полегче, старший братец, вы еще слишком молоды сами.

Оливер. Ты смеешь поднимать на меня руку, негодяй!

Орландо. Нет, я не негодяй. Я младший сын Роланда де Буа. Он был моим отцом, и трижды негодяй тот, кто говорит, что такой отец мог произвести на свет негодяя. Если бы ты не был моим братом, я не выпустил бы твоей глотки до тех пор, пока не вырвал бы язык, произнесший это слово! Ты оскорбляешь самого себя.

Адам (*подходит к ним*). Дорогие господа, успокойтесь. В память вашего отца, живите в мире.

Оливер. Отпусти, говорю тебе!

Орландо. Не отпущу, пока не скажу всего. Вам придется выслушать меня до конца. Отец вам завещал дать мне хорошее образование. Вы же воспитали меня как мужика, в невежестве. Вы умышленно скрывали от меня все, что обязан знать дворянин. Дух моего отца громко протестует во мне, и я больше не намерен терпеть. Либо вы позволите мне Заниматься тем, что приличествует дворянину, либо отдадите мне долю наследства, и я сам попытаю счастья.

Оливер. Что же ты будешь делать, когда промотаешь все деньги? Попрошайничать? Ступай прочь! Я не желаю больше заботиться о тебе. Ты получишь свою долю, но только оставь меня в покое.

Орландо. Я не прошу у вас ничего лишнего!

Оливер. Проваливай и ты с ним, старый пес!

Адам. В награду за верность меня называют старым псом! Впрочем, вы не ошиблись, сударь. На службе у вас я потерял все свои зубы. Упокой господи душу моего старого хозяина! Он никогда не сказал бы такого слова.

Орландо и Адам уходят.

Оливер. Вот так! Ты хочешь взять верх надо мной? Я отобью у тебя эту охоту, а тысячи крон ты все равно не получишь. Эй, Дени!

Входит Дени.

Дени. Ваша милость звали меня?

Оливер. Со мной, кажется, хотел говорить Шарль, герцогский борец.

Дени. Так точно, ваша милость, он здесь у дверей и просит принять его.

Оливер. Пусть войдет.

Дени уходит.

Это будет отличный выход. На завтра назначена борьба.

Входит Шарль.

Шарль. Доброго утра, ваша милость.

Оливер. Мой славный Шарль, какие новости при новом дворе?

Шарль. Сударь, при новом дворе только старые новости. Прежний герцог изгнан своим младшим братом, теперешним герцогом. Трое или четверо преданных ему вельмож отправились вместе с ним — в добровольное изгнание. Земли их и доходы обогащают казну герцога, и поэтому он не противится их желанию странствовать.

Оливер. А Розалинда, дочь герцога, изгнана вместе с отцом?

Шарль. О нет! Дочь нового герцога слишком любит свою двоюродную сестру — они с самой колыбели росли вместе. Она последовала бы за ней в изгнание или зачахла бы от тоски. Розалинда осталась при дворе, и дядя относится к ней, как к родной дочери. Никогда я не видал, чтобы две женщины так любили друг друга.

Оливер. Где находится прежний герцог?

Шарль. Говорят, он поселился в Арденнском лесу и окружен там веселым обществом. Они живут, как старина Ро-

бин Гуд. Каждый день к герцогу сходятся молодежь, и время летит у них беззаботно, словно в золотом веке.

Оливер. Не правда ли, завтра вам предстоит бороться в присутствии нового герцога?

Шарль. Да, сударь, и это причина моего прихода. Я должен предупредить вас кое о чем. Мне тайно сообщили, что младший брат ваш, Орландо, намерен выступить против меня в состязании. Сударь, завтра я буду защищать свою честь, и легко отделается тот, кто унесет целыми свои кости. Брат ваш молод, косточки у него нежные. Любя вас, я не хотел бы обработать его так, как потребует от меня защита моей чести. Из любви к вашей милости я пришел рассказать вам все это. Отговорите своего брата от его намеренья или не пеняйте мне за обиду, которую я, против воли, должен буду нанести вам.

Оливер. Спасибо, Шарль, за твою любовь. Поверь, я не останусь у тебя в долгу. Мне тоже известно о намеренья брата, и я уже сам пытался отговорить его. Но он и слушать не хочет. Ты должен знать, Шарль, что это самый упрямый юноша во Франции. Он честолюбив, достоинства других внушают ему одну лишь зависть. Он втайне плетет злые козни против меня, своего родного брата. Можешь поступать с ним как угодно. Сломаешь ли ты ему шею или пальцы — мне все равно. Но тебе я советую быть начеку. Если ты причинишь ему только небольшое увечье или он выйдет из борьбы без особой чести для себя, тебе не будет пощады. Он отравит тебя, он предательски заманит тебя в ловушку, он не успокоится до тех пор, пока не найдет средства лишить тебя жизни. Слезы туманят мне глаза, но я обязан предупредить тебя. Поверь, Шарль, на свете нет человека, который, будучи так молод, был бы уже так порочен. Если бы братское чувство не сдерживало меня, если б я мог показать его тебе в истинном свете, ты содрогнулся бы и побледнел. Мне же оставалось бы только краснеть от стыда и плакать.

Шарль. Я счастлив, ваша милость, что пришел к вам. Пусть только ваш брат явится завтра, уж он получит по заслугам. И если когда-нибудь он снова станет на ноги, я навсегда откажусь от участия в борьбе. Храни вас бог, ваша милость.

Оливер. До свидания, добрый мой Шарль.

Шарль уходит.

Ну, дело начато, и, я надеюсь, мы скоро покончим с Орландо. Не знаю отчего, но мне еще никто не был так ненавистен.

А между тем он добр, образован, хотя ничему не учился, полон благородных стремлений. Он покоряет сердца всех людей. А мои слуги, которые знают его лучше, чем кто бы то ни было, любят его до ослепления. Из-за него я не пользуюсь должным почетом. Но это продлится недолго, Шарль уберет его с моего пути. Мне остается лишь натравить на него мальчишку, и этим я тотчас займусь. (*Уходит.*)

Сцена 2

Лужайка перед дворцом герцога. Входят Розалинда и Селия.

Селия. Прошу тебя, развеселись, Розалинда, развеселись, моя милая сестричка!

Розалинда. Селия, дорогая, я изо всех сил стараюсь быть веселой, а ты требуешь, чтоб я была еще веселее. Ведь ты не можешь сделать так, чтобы я забыла изгнанного отца. Как же ты хочешь, чтобы я думала о развлечениях?

Селия. Значит, ты любишь меня меньше, чем я тебя. Если бы случилось наоборот, если бы изгнан был мой отец, то, оставшись с тобой, я из любви к тебе назвала бы твоего отца своим. И ты поступила бы так же, если бы твоя любовь была равна моей.

Розалинда. Хорошо. Я забуду о своем горе и буду радоваться твоему счастью.

Селия. Ты знаешь, у моего отца нет других детей, кроме меня. Когда он умрет, ты будешь его наследницей. То, что он отнял у твоего отца силой, я с любовью возвращаю тебе. Клянусь, я это сделаю. А если нарушу клятву, пусть я превращусь в чудовище. Так будь же весела, моя милая, моя дорогая Розалинда.

Розалинда. Хорошо, сестричка, отныне я буду веселиться и придумывать разные развлечения. Постой, дай сообразить... Что бы ты сказала, например, если бы я вздумала влюбиться?

Селия. Сделай милость. Развлекайся, как угодно, влюбись, если хочешь. Но смотри, не влюбись всерьез, а лишь так, чтоб, невинно покраснев, выйти из игры с честью.

Розалинда. Чем же мы позабавимся сейчас?

Селия. Давай-ка присядем и попробуем насмешками отвлечь старушку-фортуны от ее колеса. Пусть с этой минуты ее дары распределяются более равномерно.

Розалинда. Вот это было бы хорошо! Она так неспра-

ведлива, эта старая, слепая расточительница. И ты заметила, она чаще всего ошибается, когда дело доходит до нас, женщин.

Селия. Ну, конечно! Например, красавиц она редко одаряет добродетелью. А добродетельных часто делает уродливыми.

Розалинда. Нет, тут ты не права, Селия. Ты приписываешь фортуне то, что относится к природе. Ведь фортуна распоряжается мирскими благами, а не природными качествами,

Входит Оселок.

Селия. «Неправда» — говоришь ты? Если природа создала прекрасное существо, разве фортуна не может обезобразить его огнем? Если природа наделила нас остроумием, чтобы смеяться над фортуной, разве фортуна не посылает нам этого дурака, чтобы прекратить наш спор?

Розалинда. В самом деле, фортуна сильнее природы, раз она с помощью прирожденного дурака заставляет умолкнуть природное остроумие.

Селия. Но, может быть, фортуна здесь ни при чем? Может быть, природа считает наше остроумие чересчур тупым, чтобы изощрять его на таких богинях, и посылает нам дурака в качестве точильного камня? Ведь тупость дурака всегда оттачивает остроумие. Ну-ка, шут, куда ты держишь путь?

Оселок. Сударыня, вас зовет отец.

Селия. И тебя он избрал посланцем?

Оселок. Клянусь честью, нет. Мне только приказано было сходить за вами.

Розалинда. Где ты выучился этой клятве, шут?

Оселок. У одного бедного рыцаря. Он клялся честью, что пирожки хороши, а горчица никуда не годится, а я утверждал обратное: пирожки никуда не годились, а горчица была хороша. И все же рыцарь не дал ложной клятвы.

Селия. А ну-ка, снизойди к нам с высоты своей учености и докажи это.

Розалинда. Да, да, открой фонтан своей премудрости!

Оселок. Станьте обе здесь. Погладьте свои подбородки и поклянитесь своими бородами, что я плут.

Селия. Клянемся своими бородами, если они у нас есть, что ты плут.

Оселок. Клянусь своим плутовством, что если бы оно было во мне, я был бы плутом. Но, поклявшись тем, чего у вас нет, вы не дали ложной клятвы. Не дал ее и рыцарь, по-

клявшись честью, которой у него никогда не было. А если и была, то он омыл ее ложью задолго до того, как стал есть пи-
рожки и эту горчицу.

Селия. Скажи, пожалуйста, какого это рыцаря ты име-
ешь в виду?

Оселок. Да того, которого любит старый Фредерик, ваш
отец.

Селия. Но раз отец любит его, значит, он достоин ува-
жения. Поэтому молчи, если ты не хочешь, чтобы тебя вы-
секли за твой скверный язык.

Оселок. Весьма прискорбно, что дураки не имеют пра-
ва разумно говорить о том, как глупо поступают умные люди.

Селия. Честное слово, ты прав. Когда перестали давать
выход малой доле ума, которой обладают дураки, заявила
свои права малая доля глупости, которой обладают умные
люди. Но вот идет господин Ле Бо.

Розалинда. С полным ртом новостей.

Селия. Которыми он нас напичкает до отвалу, как го-
лубь своих детенышей.

Розалинда. Отчего мы раздуемся, как шары.

Селия. И на рынке повысимся в цене.

Входит Ле Бо.

Здравствуйте, господин Ле Бо, какие новости?

Ле Бо. Достоянейшая принцесса, с прискорбием должен
сообщить вам, что вы пропустили прекрасное зрелище.

Селия. Зрелище? А какой расцветки?

Ле Бо. Какой расцветки, сударыня? Право, я смущен.
Как ответить вам на такой вопрос?

Розалинда. Как подскажут удача и остроумие.

Оселок. Или как повелит судьба.

Селия. Вот это правильно. Сказал, словно припечатал.

Оселок. Если природа лишила меня ума, она, по край-
ней мере, отпустила мне острый язык.

Розалинда. Который ты постоянно оттачиваешь о свою
глупость.

Ле Бо. О сударыня, вы совсем сбили меня с толку.
Я хотел иметь честь рассказать вам о славной борьбе, свиде-
телем которой я только что был.

Розалинда. Мы готовы выслушать вас, сударь.

Ле Бо. Позвольте мне начать сначала. Правда, самое ин-
тересное впереди. Борьбу перенесут сюда. Вскоре здесь собе-
рутся герцог и свита. Надеюсь, сударыни не сочтут меня дерз-
ким, если я посоветую им остаться, чтобы посмотреть конец?

Селия. Но мы еще не слышали начала.

Ле Бо. К вашим услугам, сударыня. Итак, Шарль, герцогский борец, кликнул клич. Навстречу выступил старик с тремя сыновьями...

Селия. Это напоминает начало старой сказки.

Ле Бо. С тремя красивыми юношами высокого роста, отличного сложения...

Розалинда. С ярлычком на шее: «Настоящим объявляется...»

Ле Бо. Старший из них вступил в борьбу с Шарлем, но тот в мгновение ока повалил его на землю, сломав ему три ребра. Почти нет надежды, что бедняга останется жив. То же самое повторилось со вторым и третьим юношей. Так они и остались лежать на месте. Горю их несчастного отца нет границ. Глядя на него, нельзя удержаться от слез.

Розалинда. Какая жалость!

Оселок. Прошу прощения, сударь, какое же прекрасное зрелище пропустили дамы?

Ле Бо. Да то, о котором я говорю.

Оселок. Гм! Век живи, век учись. Первый раз в жизни слышу, чтобы прекрасным зрелищем для дам было то, что люди ломают друг другу ребра.

Селия. Я тоже не знала этого.

Розалинда. И есть еще желающие послушать такую музыку на собственных боках? Или новые любители ломать ребра? В самом деле, сестрица, поглядим и мы.

Трубы. Входят герцог Фредерик, вельможи, Орландо, Шарль, свита.

Герцог Фредерик. Пусть будет так. Раз молодой человек не слушает увещаний, ему придется пенять на самого себя.

Розалинда. И этот юноша хочет бороться с Шарлем?

Ле Бо. Да, сударыня.

Селия. Увы, он так еще молод. Но, кажется, уверен в успехе.

Герцог Фредерик. Что я вижу? Моя дочь и племянница? Вы тоже хотите посмотреть на борьбу?

Розалинда. О герцог, пожалуйста, позвольте!

Герцог Фредерик. Вы не получите удовольствия. У них слишком неравны силы. Мне жаль смелого юношу. Я пытался отговорить его, но он не слушает советов. Поговорите с ним вы. Быть может, вам легче будет убедить его.

Селя. Добрый господин Ле Бо, позовите его к нам.
Герцог Фредерик. Что ж, попытайтесь. Я отойду, чтобы не мешать.

Отходят в сторону.

Ле Бо. Сударь, принцессы просят вас к себе.

Орландо. Счастлив этой честью и с радостью повинуюсь.

Розалинда. Скажите, юноша, не вы ли вызвали Шарля на единоборство?

Орландо. Нет, прекрасная принцесса, он сам вызывает всех. Я только, по примеру других, хочу испытать силу своей молодости.

Селя. Для ваших лет вы чересчур смелы, юноша. Недавно вы видели жестокое доказательство силы этого человека. Если бы вы могли взглянуть на себя со стороны, вы убедились бы, что должны искать более равного противника. Умоляем вас, не подвергайте себя опасности, откажитесь от борьбы.

Розалинда. Сударь, исполните нашу просьбу. Честь ваша от этого не пострадает, Мы уговорим герцога прекратить состязание.

Орландо. Прошу вас, не судите обо мне слишком строго. Я сам чувствую себя виноватым, отказывая в просьбе столь прекрасным, столь благородным дамам. Пусть ваши милые взоры и добрые пожелания следуют за мной в поединке. Если я паду, побежденный, бесчестие заслужит тот, кто никогда не был в чести. Если я буду убит, смерть настигнет того, кто призывает ее. Я не причиню горя другу, потому что некому оплакивать меня, я не нанесу ущерба миру, в котором мне ничто не принадлежит. Когда меня не станет, быть может, более достойный заступит место, занимаемое мною.

Розалинда. О, как охотно приложила бы я свои слабые силы к вашим!

Селя. А я прибавила бы свои.

Розалинда. Желаю вам удачи и молю небо, чтобы наши опасения не оправдались.

Селя. Пусть исполнятся все желания вашего сердца!

Шарль. Где же тот юный герой, которому не терпится преклонить голову к матери-земле?

Орландо. Он к вашим услугам, сударь.

Герцог Фредерик. Предупреждаю, борьба прекратится, как только один из вас упадет.

Шарль. Ручаюсь вашей светлости, он не захочет вторично испытать то, от чего вы так усердно старались его отговорить.

Орландо. Насмехаться вы будете после, а заранее не советую. Приступим, что ли?

Розалинда. Да поможет тебе Геркулес, милый юноша!

Селия. Будь у меня шапка-невидимка, я подставила бы ножку этому силачу.

Шарль и Орландо борются.

Розалинда. О, смелый юноша!

Селия. Если бы глаза мои метали молнии, они знали бы, кого поразить.

Шарль падает. Восторженные крики.

Герцог Фредерик. Довольно! Довольно!

Орландо. О, позвольте нам продолжать! Я еще не разошелся.

Герцог Фредерик. А что скажет Шарль?

Ле Бо. Мой герцог, он не может вымолвить ни слова.

Герцог Фредерик. Унесите его. Как твое имя, юноша?

Орландо

Меня зовут Орландо, ваша светлость,
Я младший сын Роланда де Буа.

Герцог Фредерик

Как жаль, что не кого-нибудь другого!
В народе слыл отец твой мужем чести,
Но я в нем видел своего врага.
Меня твой подвиг больше бы растрогал,
Будь он свершен не отпрыском Роланда.
Прощай! Ты смелый юноша, и я бы
Любил тебя, когда б не твой отец.

Герцог Фредерик, его свита и Ле Бо уходят.

Селия

Клянусь, на месте моего отца
Я так не поступила бы, сестрица.

Орландо

Я сын Роланда, младший сын его,
И это имя для меня дороже,
Чем все твои владенья, Фредерик!

Розалинда

Отец любил Роланда больше жизни,
Его любил и славил весь народ.
Знай я, что сын Роланда предо мною,
Его бы я слезами удержала
От поединка.

Селия

Выразим ему
Сочувствие и юный дух поддержим.
Завистливый и желчный тон отца
Меня задел. Вам, сударь, честь и слава!
О, если вы такой же и в любви,
Каким себя в борьбе нам показали,
Блаженна будет избранная вами!

Розалинда

(снимает с шеи цепь и отдает Орландо)

Примите в дар от обойденной счастьем,
От той, кто больше подарить хотела б,
Но бедностью в желаньях стеснена.
Пойдем, сестра?

Селия

Пойдем. Прощайте, рыцарь!
Уходят.

Орландо

И что же? Не сказать: благодарю?
Душа летит за нею. Здесь остался
Двуногий столб, безжизненный чурбан.

Розалинда

Он нас зовет? Моя былая гордость
Ушла с мечтой о счастье. Будь что будет:
Вы звали нас? Вы так боролись храбро,
Что одолели не одних врагов.

Селия

Сестрица, где же ты?

Розалинда

Иду. Прощайте!
Розалинда и Селия уходят.

Орландо

Какое чувство мой язык связало?
Она звала, а я не мог ответить!

Входит Ле Бо.

Орландо, бедный! Сам ты побежден!
Не силой ты, а красотой повержен!

Ле Бо

Мой юноша! Внемлите чувству дружбы:
Вам должно удалиться. Ваша храбрость
Восторг всеобщий вызвала в народе,
Но герцог раздосадован и может
Истолковать ваш подвиг вам во зло.
Его душа изменчива. Каков он,
Легко увидеть, трудно рассказать.

Орландо

Благодарю! Позвольте мне спросить вас:
Из двух глядевших на борьбу красавиц,
Которая дочь герцога, скажите.

Ле Бо

Когда судить по нраву — ни одна.
По крови та, которая пониже.
Вторая — та, что выше и стройней, —
Дочь изгнанного герцога. Ей дядя
Велел остаться при ее сестре.
Но и родные сестры не могли бы
Друг друга так любить. И все же герцог,
Увидите, племянницу свою
Прогонит вскоре — только оттого,
Что чтит народ ее за ум и сердце
Да и как дочь изгнанника жалеет.
И, я ручаюсь, гнев его внезапно
Обрушится на девушку. Прощайте.
Узнай я вас не в этот час недобрый,
Я вашей дружбы и любви просил бы.

Орландо

Я глубоко признателен. Прощайте!

Ле Бо уходит.

О, где же справедливость, наконец:
Здесь подлый герцог, дома — брат подлец!
Но Розалинда ангел!
(Уходит.)

Сцена 3

Комната во дворце. Входят Селия и Розалинда.

Селия. Ах, сестричка, ах, Розалинда! Смилуйся, Купидон. Так-таки ни одного слова?

Розалинда. Ни одного, которое можно было бы кинуть даже собаке.

Селия. Ах, нет, твои слова слишком драгоценны, чтобы кидать их собаке. Подари мне хотя бы несколько, сокруши меня доводами.

Розалинда. Так что же останется от нас двоих, если одну сокрушат доводы, а другая без всяких доводов лишится рассудка?

Селия. Но скажи, все это из-за твоего отца?

Розалинда. Нет, кое-что из-за того, кто будет отцом моего ребенка. Ах, сколько терний в нашем будничном мире!

Селия. Нет, сестра, это просто репейник, брошенный в тебя ради праздничной шутки. Пойди ты проторенной дорожкой, он сам пристал бы к нашим платьям.

Розалинда. С платья его легко стряхнуть, но эти тернии в моем сердце, Селия.

Селия. Прокашляйся, может быть, они вылетят.

Розалинда. Я так бы и сделала, если бы это могло привлечь его сюда.

Селия. Полно, полно, сестричка, преодолей свое чувство!

Розалинда. Ах, оно на стороне более сильного, чем я.

Селия. Храни тебя бог! Со временем ты вступишь в борьбу, даже если тебе будет грозить падение. Но оставим шутки и поговорим серьезно. Ну, можно ли с первого взгляда так отчаянно влюбиться в младшего е^сша старого Роланда!

Розалинда. Но герцог, мой отец, так любил его отца!

Селия. И поэтому ты должна любить его сына? Или я должна ненавидеть его потому, что мой отец жестоко ненавидел его отца? Однако у меня нет ненависти к Орландо.

Розалинда. Нет, Селия, ради меня ты не должна его ненавидеть,

Селия. За что же я могу его ненавидеть? Разве он не показал себя достойнейшим юношей?

Входит герцог Фредерик в сопровождении придворных.

Розалинда. Так позволь же мне любить его за это, а ты люби его за то, что я люблю. Но вот идет герцог.

Селия. Какой гневный взгляд!

Герцог Фредерик

Сударыня, ступайте вон! Готовьтесь
Наш двор без промедления покинуть,

Розалинда

Я, дядя?

Герцог Фредерик

Вы, племянница, да, вы!
Знай, если ты чрез десять дней не будешь
За двадцать миль отсюда находиться,
Тебя казнят.

Розалинда

Но в чем моя вина?
Скажите мне, как милости прошу!
Когда известны мне мои желанья,
Когда не сплю и не сошла с ума,
Я ни одной, пусть нерожденной мыслью
Не оскорбляла, дядя, вашу светлость.

Герцог Фредерик

Вот так же все изменники клянутся,
И если вас судить по этим клятвам,
То вы — святая! С вас довольно знать,
Что я не верю вам.

Розалинда

Ужель измену
Мне приписало ваше недоверье?
Но что вам дало повод к подозренью?

Герцог Фредерик

Для повода довольно знать, что ты —
Дочь своего отца.

Розалинда

Была бы ею,
Когда б его земли вы не лишили,
Когда б его вы не изгнали, герцог!
Измену не передают в наследство,
А если б даже и передавали —
Что мне с того? Отец мой не изменник!
Поэтому, мой добрый господин,
Не оскорбляйте бедность подозреньем!

Селия

Позвольте молвить, дорогой отец!

Герцог Фредерик

Я только для тебя ее оставил,
Не то блуждать бы ей с ее отцом!

Селия

Я не просила вас за Розалинду!
Заступницами были ваша совесть
И ваша воля. Я еще тогда
По молодости лет не понимала
Ее достоинств. Но теперь я знаю
Ей цену. Я изменница сама,
Когда она — изменница! Мы вместе
Играли, ели, спали и учились.
Как лебеди Юоны, были мы
Всегда вдвоем, всегда неразделимы!

Герцог Фредерик

Ей не годится быть с тобою рядом:
Ее смиренье, кротость, молчаливость
В народе вызывают к ней любовь
И состраданье. Глупая! При ней
Теряешь ты и блеск, и дарованья,
И даже имя, все! Так помолчи!
Решение мое бесповоротно
И непреклонно: пусть уходит прочь!

Селия

Так прогоните и меня, отец!
Мне жизни нет без милой Розалинды!

Герцог Фредерик

Ты дурочка! А ты поберегись,
Племянница! Клянусь моею честью,
Коль ты промедлишь, я казню тебя!

Герцог Фредерик и придворные уходят.

Селия

О бедная моя! Куда пойдешь ты?
Не хочешь ли отцами поменяться?
Я своего дарю. О, не грусти
Сильней, чем я!

Розалинда

Но у меня ведь больше
Причин для грусти.

Селия

Вовсе нет, сестрица!
Утешься, иль не знаешь ты, что герцог
Изгнал и дочь свою?

Розалинда

Тебя? Изгнал?

Селия

Не знаешь? Значит, ты меня не любишь!
Не то любовь тебе бы подсказала,
Что мы с тобой — одно. Кто ж разлучит нас?
Нет, пусть найдет наследницу другую
Наш герцог. Лишь придумай, как бежать,
Куда пойдём и что возьмем с собою.
Но даже и не мысли, будто взвалишь
Все бремя скорби на себя одну.
Клянусь я небом, плачущим над нами,
Скажи куда — и я иду с тобой!

Розалинда

Отлично, так куда ж?

Селия

В Арденнский лес,
Туда, где дядя мой.

Розалинда

Нам, девушкам, идти в такую даль!
Воров прельщает красота сильнее,
Чем золото.

Селия

Оденемся попроще
И победней. Подкрасим лица охрой.
Тогда на нас разбойник не польстится,
И путь наш безопасен.

Розалинда

А не лучше ль,
Поскольку я довольно высока,
Мужчиной мне одеться? При бедре
Короткий меч, рогатина в руке —
Тогда, хоть в сердце женский страх трепещет,
На вид я буду воином отважным.
Не так ли малодушные мужчины
Скрывают трусость гордою осанкой.

Селия

Как звать тебя, когда мужчиной станешь?

Розалинда

Как Зевсова пажа. Ведь я не хуже?
Так пусть отныне буду Ганимедом.
А как мне звать тебя?

Селия

Да как-нибудь,
Чтоб к случаю такому подходило.
Не Селией, а, скажем, Алиеной.

Розалинда

Что, если мы, двор герцога покинув,
Шута с собой утащим, а, сестрица?
Он был бы нам в дороге утешеньем.

Селия

О, шут за мной пойдет куда угодно!
Я попрошу его сама. Идем же.
Уложим драгоценности и платья,

Обдумаем, какой нам выбрать час
И как верней укрыться от погони.
Так улыбнись — и весело вперед!
Нас не изгнание, а свобода ждет!
Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Арденнский лес. Входят старый герцог, Амьен и другие дворяне в охотничьих костюмах.

Герцог

Мои друзья и братья по изгнанию!
Привыкнув к этой чаще, начинаешь
Предпочитать ее дворцовым залам.
Завистлив двор, и он страшней, чем лес.
В лесу грозит нам только непогода,
Карающая нас за грех Адама.
То зубом ледяным кусает холод,
То ветер-грубиян на нас ворчит.
Но как бы ни свирепствовала стужа,
Покуда жив, я говорю с улыбкой:
Л все же лесь опасней! Зимний холод —
Советник прямодушный. Лесь, напротив,
Подобна мерзкой, ядовитой жабе,
Надевшей бриллиантовый венец.
Нам эта жизнь, далекая от шума
И суеты, открыла речь деревьев,
Язык ручья лесного, мудрость камня,
Всю щедрость бытия. Я жизнь другую
Теперь отверг бы.

Амьен

Счастлив господин мой,
Умеющий так мудро и спокойно
Воспринимать превратности судьбы!

Герцог

А не пойти ль нам подстрелить оленя?
Мне жаль смотреть, когда глупец пятнистый,

Рогатый гражданин лесной пустыни,
Облившись кровью, падает.

Первый дворянин

Мой герцог,
И наш печальный Жак скорбит об этом.
Он говорит, что вы охотой больше
Творите зла, чем брат, изгнавший вас.
Сегодня я и господин Амьен,
Мы шли за ним бесшумно и видали,
Как помечтать он лег под старым дубом,
Купающим в ручье нагие корни.
Туда приплелся раненый олень,
Чтоб умереть. И верите, мой герцог,
Несчастный издавал такие стоны,
Дышал с такой натугой, что казалось,
Его покровы кожаные лопнут.
И крупными тяжелыми слезами
Он плакал, погибая без вины.
Печальный Жак следил за зверем лежа,
А он стоял, ветвисторогий дурень,
Стоял в тоске предсмертной и слезами
Ручей пополнить силился.

Герцог

А Жак?

Ужель оставил зрелище такое
Без проповеди?

Первый дворянин

О! Несчастье зверя
Оплакивал он в тысячах метафор.
Сначала о слезах, ручью ненужных.
«Бедняга! — говорил о н . — Что же в воду
Ты воду льешь? Так люди поступают,
Наследство завещая богачу».
Затем об одиночестве оленя,
Покинутого бархатной родней,
«Да! — молвил о н . — Так разрывает горе
Все дружеские связи». В это время
Шло мимо, с дальних пастбищ возвращаясь,
Оленье стадо. «Прочь! — воскликнул о н , —
Вы, жирные, вы, сытые, бегите!
Так повелось! Не пяльте вы глаза

На дурня, околпаченного жизнью!»
В таких сопоставленьях поносил он
Столицу, двор — державы нашей сердце,
И нашу жизнь в лесу. Он говорил,
Что мы ничем разбойников не лучше,
Когда мы гоним или бьем зверей,
Вторгаясь в их исконные владенья.

Герцог

И что ж, он так и рассуждал все время,
Пока вы не ушли?

Второй дворянин

Все время, герцог.

Он говорил о плачущем олене
И плакал сам.

Герцог

А где же это место?

Когда он скорбным думам предается,
Исполненная мысли речь его
По сердцу мне.

Второй дворянин

Позвольте проводить вас.

Сцена 2

Комната во дворце. Входят герцог Фредерик, вельможи,
свита.

Герцог Фредерик

Возможно ли? Никто ее не видел?
Не верю. При дворе нашлись плуты,
Помогшие девчонкам в их затее.

Первый вельможа

Не знаю, кто видал ее, но дамы,
Принцессе помогавшие раздеться
И лечь в постель, твердят, что на рассвете
Кровать ее была уже пуста.

Второй вельможа

Мой герцог, шут, который вашу светлость
Всегда смешил, у нас на подозренье.
Гесперия, прислужница принцессы,
Призналась, что подслушала тайком,
Как ваша дочь с племянницею вашей
Всё восхищались мужеством и силой
Того борца, что опозорил Шарля.
И где б они теперь ни находились,
Тот юноша, она считает, с ними.

Герцог Фредерик

Ступайте к брату наглеца: пусть он
Молодчика разыщет. А не сможет,
Так самого сюда приволоките,
Да поживей! Забудьте про усталость,
Покуда обе дуры не нашлись!

Сцена 3

Перед домом Оливера. Орландо и Адам встречаются.

Орландо

Кто здесь?

Адам

Как? Юный господин? Мой благородный,
Любимый господин? Живой портрет
Покойного Роланда! О, зачем вы
Пришли сюда? Зачем вы так прекрасны,
Добры, сильны, прославлены народом?
Зачем так безрассудно побороли
Любимца своенравного тирана?
Домой примчалась ваша слава раньше,
Чем вы пришли. Мой мальчик, вы не знали,
Что слава может злейшим стать врагом.
Не знали вы, что ваша добродетель —
Предательница в образе святоши.
О, страшный мир, где люди могут пасть
Безвинной жертвой собственных достоинств!

Орландо

Мой друг, о чем ты?

Адам

Юноша несчастный!

Бегите прочь от этого порога!
Здесь враг живет всего, что в вас прекрасно,
Ваш брат — о нет, не брат! Он только сын —
Нет, он не сын! Не должен зваться сыном
Того, кто был ему отцом! Он слышал,
Как славят вас, и хочет нынче ночью
Ваш домик сжечь, а вместе с ним и вас.
Коль не удастся это, он измыслит
Другое, чтоб убить вас. Я подслушал,
Как обсуждал он умысел злодейский.
Мой мальчик, здесь разбойничий притон.
Спасайте жизнь, бегите прочь отсюда!

Орландо

Адам, куда же я могу бежать?

Адам

Куда угодно, — здесь грозит вам гибель!

Орландо

Так что ж — уйти и стать бродягой, нищим?
Иль на дорогах подлю промышлять
Разбойничьим ножом на пропитанье?
Я никакому делу не обучен,
Но этим — будь что будет! — не займусь.
Пусть лучше злобу выместит на мне
Кровавый брат, презревший узы крови!

Адам

Нет, сделаем иначе! Ваш родитель
Мне подарил пред смертью сто червонцев.
Я их сберег. Я в них мечтал найти
Помощников, когда ослабнут члены
И старость в угол зашвырнет меня.
Возьмите их. Пусть тот, кто кормит птиц,
От сокола до маленькой пичужки,
Меня утешит в старости. Вот деньги.
Берите все. Я ваш слуга до гроба.
На вид я стар, но телом бодр и крепок.
Все оттого, что смолоду горячим
Дурманящим питьем не портил крови,

Что не ходил просить у лекарей
От немощи и слабости лекарство.
И старость, как хорошая зима,
Суровой, но здоровой мне явилась.
Позвольте вас сопровождать. Я буду
Равно и в деле и в нужде служить вам,
Как молодой.

Орландо

Чудесный мой старик!
Как сохранил ты это постоянство
И верность прошлых лет, когда служили
Не из-за денег, из одной любви?
Не заражен ты наших дней корыстью,
Когда идут служить лишь ради платы,
А чуть мошну набили, так и службе
И верности конец. Ты не таков!
Но, бедный мой старик, ты уповаешь
На дерево, засохшее в расцвете,
Которое твой труд уж не заставит
Опять цвести. Но так и быть, в дорогу!
Еще у нас и деньги не уйдут,
А мы с тобой уже найдем приют!

Адам

С надеждой в путь! Я ваш везде и всюду,
До гроба верно вам служить я буду.
В семнадцать лет мне стал ваш дом родным,
Но в семьдесят я порываю с ним.
Мы гонимся в семнадцать за фортуной,
Но в семьдесят уж нет той прыти юной.
Так пусть фортуна даст мне в смертный час
Хотя б одно: не быть в долгу у вас.

Уходят.

Сцена 4

Арденнский лес. Входят Розалинда в мужском платье, Селия, одетая пастушкой, и Оселок.

Розалинда. О Юпитер, нет у меня больше душевных сил!

Оселок. Стал бы я заботиться о своей душе, когда так болят ноги!

Розалинда. Я способна опозорить свое мужское платье и расплакаться, как женщина. Но нет, моя обязанность — поддерживать того, кто слабее. Этот камзол и эти штаны должны показать свое превосходство над этой юбкой. Приободришь, дорогая Алиена!

Селия. Я больше ни шагу не в состоянии сделать. Прошу тебя, отнесись терпеливо к моей слабости!

Оселок. Я предпочел бы терпеливо отнестись к вашей слабости, чем понести вас на руках, показывая свою силу. Впрочем, ноша едва ли была бы тяжела. Наверное, в вашем кошельке и ломаного гроша не осталось.

Розалинда. Вот мы и в Арденнском лесу!

Оселок. Вот я и в Арденнском лесу. И что-то не видно, чтобы я поумнел от этого. Напротив, даже как будто поглупел. Дома мне было гораздо лучше. Но, как известно, путешественники обязаны восхищаться всем, что видят.

Розалинда. Это правильно, добрый мой Оселок.

Входят Коринн и Сильвий.

Но кто там идет? Какой-то молодой человек и с ним старик. Они поглощены разговором.

Коринн

Вот средство, чтоб она тебя отвергла!

Сильвий

Когда б ты знал, Коринн, как я люблю!

Коринн

Отчасти знаю — сам любил когда-то.

Сильвий

Нет, ты не можешь знать, ты слишком стар!
Не можешь знать, хотя б любил ты жарче
Всех юношей, вздыхающих ночами.
Но, если ты любил, Коринн, как я, —
Не верю, так никто не любит в мире! —
Скажи, каким безумствам научила
Тебя любовь твоя?

Коринн

Им счета нет,
Но я забыл их.

Сильвий

Нет, любви не знал ты!
Когда ты хоть безделицу забыл,
Хоть глупость, вдохновенную любовью,
Ты не любил.
И если ты своей любви восторги
Не расточал, как я, пред каждым встречным,
Ты не любил.
И если от людей не уходил ты,
Как я, внезапно, страсти повинуюсь,
Ты не любил. — О Феба! Феба! Феба!
(Уходит.)

Розалинда

Пастух несчастный! Я внимала ранам
Твоей души — и вижу в них свою.

Оселок. А я свою. Помнится, когда я был влюблен, я разбил о камень свою шпагу за то, что она позволяла себе каждую ночь посещать Джен Смайл. Я покрывал поцелуями скалку этой девушки и вымя коровы, которую доили ее хорошенькие шершавые ручки. А однажды я так ласкал гороховый стручок, словно это была она сама. А потом вынул из него две горошины и протянул ей. «Возьмите это на память обо мне», — сказал я и залился горячими слезами. Истинно влюбленные совершают много безумных поступков. Все в мире от природы смертно, а все влюбленные смертные — от природы дураки.

Розалинда. Ты и сам не можешь оценить, как умно сказанное тобою.

Оселок. Я оценю свой ум только тогда, когда сломаю на нем свою шею.

Розалинда

Пастух несчастный! Видя скорбь твою,
Своей души печаль я узнаю.

Оселок. А я — своей. Но моя немного постарела вместе со мной.

Селия. Давайте спросим этого мужчину — не может ли он нам продать съестного? Я голодна смертельно.

Оселок. Эй, ты, олух!

Розалинда. Молчи, дурак! Он не родня тебе!

Коринн. Кто там болтает?

Оселок. Те, кто вас повыше.

Коринн. А ниже нас уже и быть нельзя.

Розалинда. Молчи, тебе сказали! — Добрый

Коринн. Вам также добрый вечер, господа.

Розалинда

Пастух, послушай: если добрым словом
Иль золотом возможно в этой чаще
Найти приют, будь ласков, покажи нам,
Где мы поесть и отдохнуть могли бы,
Тут с нами девушка. Она в дороге
Устала и нуждается в покое.

Коринн

Мне жаль ее, мой добрый господин.
И больше чем когда-нибудь, я нынче
Досаую, что беден и не в силах
Принять ее достойно. Я пасу
Чужих овец и не стригу их шерсти.
А мой хозяин — бессердечный скряга
И не стремится для души своей
Дорогу в рай открыть гостеприимством.
Притом теперь он продает и стадо,
И этот луг, и дом. Он сам в отъезде,
А потому еды у нас в овчарне —
Ни крошки. Впрочем, попрошу сюда:
Я буду рад служить вам, господа.

Розалинда

Но кто же купит у него и стадо
И дом?

Коринн

А этот молодой пастух,
Которого вы здесь со мной видали.
Он без раздумий купит что угодно.

Розалинда

Прошу тебя, коль честный торг у вас,
Купи ты сам и луг, и дом, и стадо, —
За наши деньги.

Селия

Мы тебя сумеем
Вознаградить. Отличное местечко,
И я б охотно поселилась тут.

Коринн

Ун; верьте мне, все это продается.
Пойдемте же. Коль есть у вас достаток,
А наша жизнь и место вам по н р а в у, —
Готов я быть посредником для вас
И это все купить вам в добрый час.
Все уходят.

Сцена 5

Другая часть леса. Входят Амьен, Жак и другие.

Амьен

Кто кинуть дом готов
И жить в глуши лесов,
Кто тем одним гордится,
Что может петь, как птица,
Приди, приди, скорей приди сюда!
От человека злого
Укроет нас дуброва,
А снег, и дождь, и холод — не беда.

Жак. Еще, еще! Прошу вас, еще!

Амьен. Эта песня нагонит на вас меланхолию, господин Жак.

Жак. Я буду ей только благодарен за это. Пойте, пожалуйста, пойте. Я умею высасывать из песни меланхолию, как ласточка высасывает желток из яйца. Спойте еще!

Амьен. Но я совсем охрип. Боюсь, мое пение не доставит вам удовольствия.

Жак. Я не требую, чтобы вы доставляли мне удовольствие. Я хочу только, чтобы вы пели. Пожалуйста, следующий станс. Вы называете это стансами?

Амьен. Называйте это любым именем, господин Жак.

Жак. И впрямь, не все ли равно? Ведь эти стихи не должны мне денег, так что за важность, как они зовутся. Споете вы, наконец?

Амьен. Спую для того, чтобы исполнить вашу просьбу, но не для того, чтобы доставить себе удовольствие,

Жак. Отлично, — если я когда-нибудь выражу кому-нибудь благодарность, — это будете вы. Обмен любезностями всегда напоминает мне встречу двух обезьян. Если кто-нибудь от души благодарит меня, мне кажется, что я подал милостыню и это благодарность нищего. Ну, пойте же, пойте! А кто против пения, пусть придержит свой язык!

Амьен. Хорошо, спою до конца свою песню. А вы, господа, накройте тем временем на стол. Сегодня герцог желает есть и пить под этим деревом. Он весь день искал вас, господин Жак.

Жак. А я весь день избегал его. Для меня он слишком разговорчив. Мыслей у меня в голове не меньше, чем у него, но я благодарю за это небо и никому своих мыслей не навязываю. Итак, песню, песню!

Все вместе поют.

Кто предпочтет покой
Всей суете мирской,
Кто повар, и охотник,
И сам себе работник,
Приди, приди, скорей приди сюда!
От человека злого
Укроет нас дуброва,
А дождь, и снег, и холод — не беда.

Я для этого мотива приготовил вам другой стишок, — состряпал его вчера назло своей бездарности.

Амьен. Ну-ка скажите, я его спою.

Жак. Слушайте:

А если дурь пришла
Изобразить осла,
Так от тепла да холи
Сбежишь, как от неволи,
Дукдам, дукдам, дукдам:
Найдешь у нас в хоромаш
Десятка два знакомых —
Таких же дураков, как сам.

Амьен. Что означает «Дукдам»?

Жак. Это греческое заклинание для дураков — когда надо их собрать в кружок. Однако пойду вздремнуть, если смогу. А не смогу, так прокляну всех египетских первенцев.

Амьен. А я поищу герцога. Его обед готов.

Расходятся в разные стороны.

Сцена 6

Другая часть леса. Входят Орlando и Адам.

Адам. Дорогой господин, я не в силах больше идти. О, я умираю от голода. Позвольте мне лечь здесь, и пусть это место будет моей могилой. Прощайте, мой добрый господин!

Орlando. Стыдись, Адам! Как быстро ты утратил мужество! Поживи еще немного! Подтянись, Адам! Подбодрись, Адам! Если в этом проклятом лесу водится дичь, пусть она лакомится мной, если ты не полакомишься ею. Не силы твои кончились, а воображение скончалось. Ради меня развеселись, Адам! Докажи, что ты любишь меня, прогони смерть подальше. Я возвращусь мигом. Если приду с пустыми руками, так и быть, разрешаю тебе умереть. Но если ты умрешь, не дождавшись меня, значит, ты ни во что не ставишь мои труды. Ну вот, ты и развеселился! Я тотчас вернусь. Только прежде я снесу тебя под какое-нибудь укрытие. Тут слишком сыро. Нет, Адам, ты не умрешь от голода, если только в Этой пустыне есть какая-нибудь живность. Не падай духом, мой добрый старик! (*Уходит.*)

Сцена 7

Другая часть леса. Накрытый стол. Входят старый герцог, Амьен, дворяне.

Старый герцог

Сдается мне, он зверем обернулся,
Его не сыщешь в облике людском.

Первый дворянин

Мой господин, он был недавно здесь.
Он слушал нашу песнь и улыбался.

Старый герцог

О, если он — ходячий диссонанс —
Внезапно оказался музыкальным,
Тогда и в пенье сфер не все согласно.
Пусть он придет, — найдите мне его.

Входит Жак.

Первый дворянин

Он нас решил от поисков избавить.

Старый герцог

Что с вами, сударь? Что за поведенье?
Друзья весь день найти ваш след не могут!
Вы веселы?

Жак

Я отыскал шута!

Шута! Шута в лесу! Шута в натуре!
О, жалкий мир! На солнце растянувшись,
Он грелся и всю честил фортуны.
Но так умно! — Шут! В колпаке дурачком!
«Здорово, шут!..» — сказал я. — «Стойте,
сударь, —

Ответил он, — пока не стану счастливым,
Меня шутком вы называть не вправе».
Он солнечные выгащил часы
И мудро молвил: «На часах уж девять.
По ним мы видим все движенье мира.
А через час они покажут десять.
Так с каждым часом к нам приходит зрелость,
И каждый час несет нам увяданье.
В том суть вещей». Когда я от шута
Такую философию услышал,
Я так захохотал, как будто в легких
Петух закукарекал. Вот так шут!
Я по его часам без перерыва
Час хохотал. О, многомудрый шут!
О, шут-философ! Истина в дурачком
Наряде, с шутовскою погремушкой!

Старый герцог

Откуда шут в лесу?

Жак

Достойный шут!

Он был придворным. По его словам,
Всем женщинам, когда они прекрасны
И молоды, известна эта мудрость.
В его мозгу, хоть он черствей и суше
Остатков пирога в дорожной сумке,

Есть несколько извилин, начиненных
Суждениями, добытыми из жизни.
О, почему я не рожден шутом!
Завидую его дурацкой куртке.

Старый герцог

Ты можешь получить ее.

Жак

Клянусь вам,
Я буду счастлив. Лишь одно условие:
Забудьте думать, будто я умен.
Я должен быть свободным беспредельно,
Ни в чем не ограниченным, как ветер,
И дуть, куда х о ч у , — лишь с этим правом
Могу я стать воистину шутом.
Кого сильней ужалю — смейся громче!
Вы спросите: зачем? Но это ясно
И очевидно, как дорога в церковь.
Ведь тот, кто больно дураком ужален,
Проявит глупость, если выдаст боль.
И чем глупее дурака остроты,
Тем явственнее глупость мудреца.
Скорей же к делу: мой колпак дурацкий —
И предоставьте мне свободу слова!
Я исцелю больного мира плоть,
Пусть только примет он мои лекарства!

Старый герцог

Я знаю, что ты прописал бы миру!

Жак

А что же, герцог, если не добро?

Старый герцог

Карая грех, ты худший грех свершил бы.
Ты сам разврату в прошлом предавался
И плыл по воле чувственных страстей.
Теперь весь мир ты заразить хотел бы
Болячками и язвами своими,
Плодами той разнузданной свободы.

Жак

Как? Разве обличение тщеславья
Касается кого-то одного?
И разве гордость не бурлит, как море,
Пока не стихнет, силы исчерпав?
Какую разумел я среди женщин,
Сказав, что видел пурпур королевы
На недостойном теле? И какая
Воскликнет: «Это видел он меня!»,
Когда во всем подобна ей соседка?
Признает ли последний из людишек,
Что не в него свою стрелу пустил я?
О нет, он возомнит, что речь о нем, —
Всем видом подтвердит свою же глупость
Но почему? Чем я его обидел?
Ведь если прав я, значит, он не прав.
А если я не прав, мои упреки
Летят, как гуси дикие, чей крик
Не привлекает слуха. — Кто идёт?

Входит Орландо с обнаженным мечом.

Орландо

Не смейте есть!

Жак

А мы и не едим.

Орландо

Так отойдите, пусть наестся голод!

Жак

Откуда эта птица?

Старый герцог

Отвечай нам:

Тебе нужда внушила эту дерзость,
Или ко всем обычаям презренье
Заставило про вежливость забыть?

Орландо

Нет, голода язвительное жало
Во мне убило вежливость. Я в сердце
Страны рожден, и я обычай знаю.

Но прочь, сказал я, кто коснется пищи,
Пока я не насытился — умрет!

Жак

Ну, если вас нельзя призвать к рассудку,
То я умру.

Старый герцог

Да что вам нужно? Дружелюбность ваша
Верней, чем сила, к дружбе нас принудит,

Орландо

Я только есть хочу. Я умираю
От голода.

Старый герцог

Садитесь, будьте гостем!

Орландо

Вы так добры? О, я прошу прощенья!
Я думал, все в такой трущобе дико,
И оттого приказывать решил.
Но кто же вы? Зачем в лесу таитесь,
Влача под сенью сумрачных деревьев
Ленивой жизни праздные часы?
О, если встарь вы знали жизнь другую,
И если в праздник посещали церковь,
И если чашу с другом осушали
И слезы тайно смахивали с глаз,
И если проявляли состраданье
Иль сами состраданье вызывали,
Тогда на мягкость я меняю грубость, —
Цвети, надежда, скройся в ножны, меч!

Старый герцог

Да, мы другие времена знавали,
И в церковь звал нас колокольный звон,
И мы с друзьями пировать любили
И осушали слезы состраданья,
А потому садитесь мирно с нами
За дружескую трапезу и ешьте
Все, чем богаты мы.

Орландо

Тогда прошу вас
Повременить немного. Я, как лань,
Детеныша сперва насытить должен.
Со мной старик, немало прошагавший
Лишь из любви ко мне. Покуда он,
И голодом и старостью томимый,
Не будет сыт, я не притронусь к пище.

Старый герцог

Идите, мы охотно подождем вас.

Орландо

Спасибо вам! Благослови вас бог!
(Уходит.)

Старый герцог

Ты видишь, Жак, не мы одни несчастны,
И много есть ролей на сцене мира
Грустней, чем та, что мы с тобой играем.

Жак

Весь мир — театр, а люди — все актеры.
У каждого свой выход и уход.
И каждый акт — иная роль, а в жизни
Всего семь актов. Первый акт: младенец
Блюет и хнычет на руках у няньки.
Второй: плаксивый школьник со щеками
Румянее зари, с набитым ранцем
Ползет улиткой в школу. Третий акт:
Глазам своей возлюбленной влюбленный,
Пыхтя, как печь, слагает серенаду,
Потом солдат, свирепый бородач,
Рубака, бабник, пьяный богохульник,
Крошит людей и в дуло пушки лезет
За мыльным пузырем неверной славы.
Потом судья с подстриженной бородкой
И с брюхом, начиненным каплунами,
С башкою, полной стертых изречений
И общих мест, играет роль свою.
В шестом актер опять меняет облик.
Теперь он тощий, сонный Панталоне
В чулках, в очках, с ключами на боку.

Штаны, в которых щеголял он прежде,
Для ног иссохших стали широки,
Мужской басовый голос превратился
В писклявый детский тоненький дискант.
Но акт седьмой: причудливые смены
Кончаются. Идет второе детство.
Где слух? Где зубы? Зренье? Обонянье? —
Финал!

Орландо возвращается с Адамом.

Старый герцог

Добро пожаловать, друзья!
На пень свой груз почтенный опускайте
И ешьте вволю.

Орландо

За него я должен
Вдвойне благодарить вас.

Старый герцог

Это верно.
Пью за гостей! А вы усердней ешьте.
Я вам мешать расспросами не стану.
Эй, музыканты! Спойте нам, мой друг!

ПЕСНЯ

Амьен

Вей, зимний ветер, вей!
Ты зол, но люди злей,
Твой гнев не так обиден.
Не так остер твой зуб,
Не так ты черств и глуп,
А главное — невиден.
Хейза! Споем же под сенью зеленой!
Друг ненадежен, неверен влюбленный.
Хей, не печальтесь! Пойте со мной!
Весело жить нам в чаще лесной.

Мети, мети, пурга,
Не подпускай врага,
Ударь морозом, вьюга!
Коварней лютых вьюг
Неблагодарный друг,

В беде забывший друга.
Хейза! Споем же под сенью зеленой!
Друг ненадежен, неверен влюбленный,
Хей, не печальтесь! Пойте со мной!
Весело жить нам в чаще лесной!

Старый герцог

О, если правду вы шепнули мне
И сын Роланда славного пред нами,
Что подтверждают и мои глаза,
Увидя в вас его портрет оживший, —
От сердца вас приветствую. Я — герцог.
Отец ваш был всегда моим любимцем.
Пойдемте же. О ваших злоключеньях
Расскажете вы мне в моей пещере.
Старик, ты ташке гость мой. Помогите
Ему, бедняге. В путь, мой юный друг.
И посвятим беседе наш досуг.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 1

Зал во дворце. Входят герцог Фредерик, вельможи и
Оливер.

Герцог Фредерик

Так он исчез? Я вам не верю, сударь,
Не будь я милосердным, я не стал бы
Разыскивать для мщенья беглеца,
Когда здесь ты! Но гнев мой только дремлет.
Найди мне брата, где б, живой иль мертвый,
Он ни скрывался — с фонарем ищи!
Даю год сроку. Если не разыщешь,
Забудь о том, что жил в моих владеньях.
Со всем своим имуществом — с землей,
С отцовским домом — можешь распроститься,
Пока устами брата своего
Все подозренья наши ты не снимешь.

Оливер

О ваша светлость, если бы вы знали,
Как брата ненавидел я всю жизнь!

Герцог Фредерик

Тем хуже для тебя. Вон с глаз моих!
Пусть казначей наложит отчужденье
На собственность его. Прогнать мерзавца!
Все уходят.

Сцена 2

Лес. Орландо входит с листком бумаги в руке.

Орландо

Останься на стволе, наперсник мук моих!
А ты, царица-ночь, зажги нам все светила,
Чтоб ясно виден был при свете звезд мой стих,
Поющий славу той, кто мир мой озарила.
О, Розалинда! Здесь — моей любви тетрадь.
Я вверю ей всю боль, все счастье, все печали.
Я буду в каждый ствол слова любви врезать,
Чтоб имя нежное везде глаза встречали.
На каждом дереве, мой нож, запечатлей
Хвалу возлюбленной, единственной моей!
(Уходит.)

Входят Коринн и Оселок.

Коринн. Ну, господин Оселок, по нутру ли вам наша пастушеская жизнь?

Оселок. Сказать правду, пастух, сама по себе эта жизнь прилась мне по нутру. Но поскольку эта жизнь — пастушеская, она мало чего стоит. Она нравится мне как жизнь уединенная. Но поскольку это жизнь в одиночестве — она довольно-таки жалка. Как жизнь на лоне природы она мне очень приятна. Но как жизнь вдали от двора она изрядно скучна. Поскольку это жизнь воздержанная, она мне по вкусу. Но как жизнь, лишенная изобилия, она вредна моему желудку. Пастух, ты имеешь какое-нибудь понятие о философии?

Коринн. Имею кой-какое. Знаю, например, что человек, чем тяжелей он болен, тем хуже себя чувствует. Что без денег, без довольства и без имущества он лишен трех лучших друзей. Что платье под дождем промокает, а в огне сгорает. Что на хороших пастбищах овцы жиреют и что заход солнца означает приход ночи. Что человек, родившийся дураком и до смерти оставшийся дураком, получил дурное воспитанье или произошел от глупых родителей.

Оселок. Ну, пастух, ты прирожденный философ. Скажи, ты бывал когда-нибудь при дворе?

Коринн. По правде сказать, не бывал.

Оселок. Значит, попадешь в ад.

Коринн. Не попаду, бог милостив.

Оселок. А я тебе говорю, попадешь в ад. Тебя будут припекать с одного боку, и ты станешь похож на недопеченное яйцо.

Коринн. Только оттого, что я не бывал при дворе? С чего вы это взяли?

Оселок. А вот с чего. Если ты никогда не бывал при дворе, значит, ты не видал хороших манер. А раз ты не видал хороших манер, значит, у тебя дурные манеры. А все дурное — грех. А кто грешен, того бог осудит. Плохи твои дела, пастух.

Коринн. А вот уж и неправда, Оселок. В деревне придворные манеры были бы смешны, как смешны при дворе мужичьи ухватки. Вы говорили, что при встрече с вельможами вы не кланяетесь, а только целуете руку. Но эта придворная вежливость была бы нечистоплотной, если бы придворные были пастухами.

Оселок. Докажи, докажи мне это, философ!

Коринн. Чего там доказывать! Мы постоянно трогаем овец руками, а ведь шерсть у них, сами знаете, жирная.

Оселок. А разве у придворных руки не потеют? Чем бараний жир хуже мужского пота? Слабо, приятель, слабо. Ищи доказательство получше!

Коринн. Потом, у нас руки жесткие.

Оселок. Тем ощутительней их кожа для губ. Давай покрепче доказательство!

Коринн. И часто они дегтем вымазаны, которым мы наших овец лечим. Что ж нам — деготь целовать, что ли? У придворных небось руки мускусом надушены.

Оселок. О глупейший из глупых! Ты все равно что падаль в сравнении с куском хорошего мяса! Слушай мудреца и учись! Мускус более низкого происхождения, чем деготь, — его изготавливают из кошачьего семени. Твои доводы никуда не годятся, пастух!

Коринн. Вы недаром обучались придворному остролию: я сдаюсь.

Оселок. Ну, так тебе не избежать преисподней! Да смиляется над тобой господь, глупый ты человек! Да просветит он твой разум, соломенная башка!

Коринн. Сударь, я честный труженик. Я зарабатываю

то, что ем, и покупаю то, что ношу. Я не завидую чужому благополучию и довольствуюсь собственными невзгодами. Я горжусь, когда вижу, как овны мои пасутся, а ягнята сосут.

Оселок. Это второй непростительный грех с твоей стороны. Зарабатывать на случке овец и баранов! Быть сводником между юной годовалой овцой и старым хромоногим рогоносцем! Стыдись! Ты нарушаешь все законы брака! Если ты и за это не попадешь в ад, значит, сам дьявол не желает иметь дело с пастухами.

Коринн. Смотрите, вот юный Ганимед, брат моей новой госпожи.

Входит Розалинда с листком бумаги в руках, читая.

Розалинда

«Нет под солнцем и луной
Перла краше Розалинды,
Вольный ветер вслед за мной
Славит имя Розалинды.
Ни один венец земной
Не достоин Розалинды,
Меж красавиц ни одной
Нет прекрасней Розалинды».

Оселок. Я мог бы так рифмовать восемь лет подряд, за вычетом времени для еды и сна. Стопы стучат как башмаки торговки, спешащей на рынок.

Розалинда. Убирайся, шут!

Оселок. А все-таки я попробую:

Ищет лань олень лесной,
Он не знает Розалинды.
Как для кошки кот весной,
Нужен муж для Розалинды.
Что без масла хлеб ржаной,
То и жизнь без Розалинды.
Плащ подкладки ждет зимой,
Как жених ждет Розалинды.
Сладок плод под кожурой,
Слаще грудь у Розалинды,
А любишь розы, так открой
Их за шипами Розалинды.

Это же настоящий стихотворный галоп. Зачем вы набираетесь такой заразы?

Розалинда. Молчи, глупый шут, я нашла их на дереве.

Оселок. Дрянные же плоды приносит это дерево!

Розалинда. Я привью к нему сначала тебя, а потом кизил. Тогда это дерево принесет самые ранние плоды в стране. Ты сгниешь, не созрев и наполовину, а ведь в этом главное достоинство кизила.

Оселок. Так вы сказали. А глупо это или умно — пускай рассудит лес.

Входит Селия, читая по листку бумаги.

Селия

«В тишине лесов густых
Все безмолвно, как в пустыне.
Я к стволам прибью мой стих,
Дам деревьям речь отныне.

Все расскажет рифм язык:
Что недолго дружба длится,
Что проходит жизнь как миг,
А в мгновенье век таится.

Но в какой безвестный край
Легкий стих мой ни направлю,
В каждом стансе невзначай
Розалинду я прославлю.

И не сможет не прочесть,
Кто искал в лесу дороги,
Что в моей любимой есть
Все, что лучшим дали боги.

Ибо в ней совмещено
Все, что небо сотворило,
Все благое, чем оно
Славу женщин озарило.

В ней Елены красота,
Клеопатры горделивость,
Атланты чистота
И Лукреции стыдливость.

Так, от каждой взяв одно,
Сочетал творец вселенной
Все, что порознь им дано,
В Розалинде несравненной.

А мне творец — как сладок мой удел! —
Ее рабом до гроба стать велел».

Розалинда. О любезнейший из проповедников! Какой скучной проповедью любви угощаете вы своих прихожан! И хотя бы разочек промолвили: «Потерпите, люди добрые!»

Селия. Вы здесь, друзья? Оставьте нас! Пастух, отойди в сторонку! И ты, шут, отойди с ним.

Оселок. Отступим с честью, пастух. Хоть без обоза и поклажи, зато с сумой и мешком.

Уходят.

Селия. Ты слышала стихи?

Розалинда. Слышала всё и даже больше, чем нужно, потому что в некоторых строках больше стоп, чем полагается по размеру.

Селия. Эти стопы поддерживают стихи.

Розалинда. Нет, они сами хромают. Они не находят поддержки в стихах и шатаются, как пьяные.

Селия. А тебя не удивляет, что все деревья кругом украшены твоим именем?

Розалинда. Я уже целую неделю не перестаю удивляться. Погляди, что я нашла на одном пальмовом дереве. Меня не воспевали так со времени Пифагора, когда моя душа обитала в теле ирландской крысы. Но это было так давно, что я уже все позабыла.

Селия. Угадай, кто это сделал?

Розалинда. Мужчина?

Селия. Конечно. И на шее у него золотая цепь, которую когда-то носила ты. Ага, ты краснеешь?

Розалинда. Ради бога, скажи, кто это?

Селия. О, небо, небо! Трудно встретиться двум друзьям. Но горы, сдвинутые землетрясением, могут столкнуться.

Розалинда. Да кто же он, кто, скажи, наконец?

Селия. Возможно ли?

Розалинда. Умоляю, не томи, скажи, кто это?

Селия. Необычайно! Поразительно! Невероятно! Сверхестественно!

Розалинда. Селия, не мучь! Ты думаешь, нарядившись мужчиной, я и характер свой втиснула в камзол и штаны? Для меня секунда неизвестности все равно что океан, который надо переплыть. Ну, говори же, говори! Ах, почему ты не заика? Это имя вырвалось бы из твоих уст, как вино из узко-

гордой бутылки: или все сразу, или ни капли. Откупорь свой рот, дай до дна выпить твою тайну.

Селия. Ты рискуешь проглотить мужчину.

Розалинда. Кто этот мужчина? Создание бога или ада? Голова его достойна шляпы? Подбородок достоин бороды?

Селия. Ну, борода у него пока небольшая.

Розалинда. Бог пошлет ему большую, если он умеет быть благодарным. Я готова ждать, пока отрастет его борода, лишь бы ты поторопилась описать его лицо.

Селия. Ну, так знай, это юный Орlando, одновременно победивший и борца, и твое сердце.

Розалинда. К черту шутки! Будь честной девушкой, скажи мне правду.

Селия. Клянусь, сестричка, это он.

Розалинда. Орlando?

Селия. Орlando.

Розалинда. О, Юпитер! А я в камзоле и штанах! Где ты видела его? Что он делал? Что говорил? Как он попал сюда? Он спрашивал обо мне? Где он? Когда ты увидишь его? Ответь мне на все одним словом!

Селия. Прежде дай мне рот Гаргантюа. Для моего рта Это слишком длинное слово. Если ограничиться одними «да» или «нет» — и то времени понадобится больше, чем для ответа на все вопросы катехизиса.

Розалинда. Но он знает, что я здесь, в этом лесу, и одета в мужское платье? Скажи, он выглядит так же, как тогда, в день поединка?

Селия. Отвечать на вопросы влюбленных все равно что считать пылинки в солнечном луче. Удовольствуйся одной частицей моего открытия, зато насладись ею до конца. Я нашла Орlando у подножия дерева, где он лежал, как сбитый с дуба желудь.

Розалинда. О, это древо Юпитера, если оно приносит такие плоды!

Селия. Потрудитесь выслушать меня спокойно, сударыня!

Розалинда. Я вся внимание.

Селия. Он лежал растянувшись, точно раненый рыцарь.

Розалинда. Что за горестное зрелище! Но как оно должно быть прекрасно!

Селия. Вели своему языку перестать болтаться. Он слишком далеко заносит тебя. Орlando был в костюме простого охотника.

Розалинда. Это зловещий признак. Он пришел, чтобы прострелить мое сердце.

Селия. Прошу не аккомпанировать моей песенке. Ты сбиваешь меня с тона.

Розалинда. Ты забыла, что я женщина. Чуть подумаю — мигом сболтну. Милая, прошу тебя, продолжай!

Селия. Ты спутала все мои мысли. Но тише, это, кажется, он.

Розалинда. Да, это он. Спрячемся и подсмотрим, что он будет делать.

Селия и Розалинда прячутся.
Входят Орlando и Жак.

Жак. Благодарю за компанию. Но, честное слово, мне было бы так же приятно оставаться наедине с самим собой.

Орlando. Как и вашему покорному слуге. Однако из вежливости позвольте и мне поблагодарить вас за компанию.

Жак. Храни вас небо. Надеюсь, мы не часто будем встречаться?

Орlando. Я предпочел бы вовсе не быть с вами знакомым.

Жак. Прошу вас, перестаньте вырезать на коре любовные песни и портить деревья.

Орlando. Прошу вас, перестаньте портить мои стихи скверной декламацией.

Жак. Вашу возлюбленную зовут Розалиндой?

Орlando. Да!

Жак. Мне не нравится это имя.

Орlando. Когда ее крестили, никому не пришло в голову справиться о ваших вкусах.

Жак. Какого она роста?

Орlando. Она достигла моего сердца.

Жак. Изысканный ответ! Вы, должно быть, водили дружбу с женами ювелиров и начитались надписей на кольцах.

Орlando. Нет, я отвечаю вам как фигуры на гобеленах. Не у этих ли фигур вы учились задавать вопросы?

Жак. У вас быстрый ум. Вероятно, он рожден пятою Аталанты. Хотите, присядем здесь и отведем душу, браня весь мир и все бедствия, которые он насыляет?

Орlando. Мне некого бранить, кроме самого себя, потому что у себя я нахожу самые большие пороки.

Жак. И наибольший из них тот, что вы влюблены.

Орландо. Ну, этот порок я не променяю на ваши величайшие добродетели. Вы надоели мне!

Жак. Клянусь, я искал шута и встретил вас.

Орландо. Он утонул в ручье. Поглядитесь в воду — увидите шута.

Жак. В воде я увижу лишь собственное лицо.

Орландо. Которое принадлежит шуту или бездельнику.

Жак. Я пресытился вашим обществом. Прощайте, господин Любовь!

Орландо. Счастлив расстаться с вами. Прощайте, господин Меланхолия!

Жак уходит.

Розалинда (*тихо Селии*). Я попытаюсь разыграть его и поговорю с ним в тоне наглого лакея. (*Выходит на сцену*.) Эй, охотник! Вы слышите меня?

Орландо. Слышу. Что вам нужно?

Розалинда. Скажите, пожалуйста, который час?

Орландо. Вам следовало бы спросить, какое время дня. В лесу нет часов.

Розалинда. Значит, в лесу нет влюбленного. Каждую минуту он вздыхал бы, каждый час он стонал бы и тем самым, как хорошие часы, отсчитывал бы медленно ползущее время.

Орландо. А почему не быстро летящее время? Ведь ему подходит и такое название.

Розалинда. Никак нет, сударь. Для разных людей время идет по-разному. Я могу вам сказать, для кого оно движется медленно, для кого бежит рысью, для кого скачет галопом и для кого стоит на месте.

Орландо. Ну, для кого оно бежит рысью?

Розалинда. Для молодой девушки между днем обручения и днем свадьбы. Пусть этот промежуток длится всего неделю, ей будет казаться, что прошло не семь дней, а семь лет.

Орландо. А для кого время идет медленно?

Розалинда. Для священника, не знающего латыни, и для богача, не страдающего подагрой. Священник не может заниматься наукой и поэтому спит спокойно, а богач не мучается от боли и поэтому весело живет. Одному незнакома тяжесть сухой, ненужной учености, другой не знает унылой, голодной нищеты. Их время идет с ними в ногу.

Орландо. А для кого оно скачет галопом?

Розалинда. Для вора по дороге на виселицу. Он еле волочит ноги, а думает, что летит.

Орландо. Для кого же оно стоит на месте?

Розалинда. Для правоведа во время каникул. Он спит от сезона до сезона и поэтому не замечает, как движется время.

Орландо. Где ты живешь, прекрасный юноша?

Розалинда. Живу с моей сестрой, вот этой пастушкой. Наш домик на краю леса, как бахрома на подоле юбки.

Орландо. Ты здесь и родился?

Розалинда. Да, как кролик, который родился там, где он живет.

Орландо. Для такой глуши твоя речь слишком изысканна.

Розалинда. Я это слышал от многих. Я перенял эту речь у моего старого благочестивого дядюшки. В молодости он жил в городе и там выучился светскому обхождению, потому что был влюблен. Ио скольких я слышался от него проповедей против любви! Благодарение богу, я не женщина, и ко мне не относятся все оскорбительные слова, которыми он осыпал, бывало, женский пол.

Орландо. Не можешь ли ты мне назвать главные пороки, в которых он обвинял женщин?

Розалинда. Среди них не было главных. Все они были равны, как полупенсовые монеты. Каждый порок казался чувовищным, пока рядом не всплывал другой.

Орландо. Но все же, назови мне хотя бы один.

Розалинда. О нет, я даю свои лекарства только тем, кто в них нуждается. Вот, например, сюда ходит какой-то человек, который портит молодые деревья, вырезая на коре имя «Розалинда». Кусты боярышника он увешивает одами, кусты куманики элегиями. И все это только для того, чтобы прославить имя Розалинды. Вот если бы я встретил этого разносчика сердечных тайн, я дал бы ему полезный совет, потому что он, мне кажется, страдает любовной лихорадкой.

Орландо. Перед тобой жертва любовной лихорадки. Помоги мне, дай мне лекарство.

Розалинда. Но у вас нет ни одного признака болезни, которую не раз описывал мне мой дядя. Он научил меня распознавать влюбленных с первого взгляда, и я знаю наверняка, что вы в эти силки не попадались.

Орландо. Какие же это признаки?

Розалинда. Прежде всего — впалые щеки, чего у вас нет. Синева под глазами, чего у вас тоже нет. Необщитель-

ность, которой у вас нет. Всклоченная борода, которой у вас нет... впрочем, это я вам прощаю, потому что у вас этого добра ровно столько, сколько полагается иметь младшему брату. Если бы вы были влюблены, панталоны ваши были бы не подпоясаны, завязки на шляпе развязаны, рукава растегнуты, башмаки не зашнурованы — словом, все в вас указывало бы на пренебрежение к своей особе, на запущенность. А вы разряжены, как щеголь. Можно подумать, что вы влюблены в самого себя, а не в кого-то другого.

Орландо. Прекрасный юноша, как мне убедить тебя, что я влюблен?

Розалинда. Убедить меня? С таким же успехом вы бы могли убеждать и ту, которую любите. И все же, она скорее поверила бы вам, чем созналась бы, что верит. Это один из тех случаев, когда женщины лгут собственной совести. Но, кроме шуток, вы в самом деле тот, кто увешивает деревья стихами, прославляющими имя Розалинды?

Орландо. Клянусь белоснежной рукой Розалинды, это именно я, — я этот несчастный!

Розалинда. И вы действительно так любите, как пишете об этом в своих стихах?

Орландо. Ни стихи, ни разум человеческий не способны выразить всю силу моего чувства!

Розалинда. Но ведь любовь — чистейшее безумие. Она, как буйный сумасшедший, заслуживает карцера и кнута. То, что влюбленных не подвергают этому целительному наказанию, объясняется лишь распространенностью недуга. Те, кто должны бы наказывать, сами влюблены. Но я лечу таких больных советами.

Орландо. А вы уже кого-нибудь вылечили таким способом?

Розалинда. Да, одного человека вылечил. И вот как это было. Он должен был вообразить, что я — его любимая, его единственная. Я заставлял его каждый день добиваться моей благосклонности. Я разыгрывал перед ним капризную женщину, то печальную, то женственно нежную, то изменчивую, то тоскующую и влюбленную, то гордую и своенравную, то пустую и глупую. Я играл в непостоянство, то утопая в слезах, то расплываясь в улыбках. Я, подобно детям и женщинам, предавался мимолетно каждому чувству, ни одного не испытывая глубоко. Я то любил его, то ненавидел, то привлекал к себе, то отталкивал. Один день я вместе с ним проливал слезы, другой день я оплевывал его и в конце концов довел своего вздыхателя до того, что любовное безумие пере-

шло у него в полное помешательство. Он бежал от вихря мирской суеты и скрылся в монашеском уединении. Вот как я исцелил его. Таким же способом я берусь очистить и вашу печень, чтобы в ней не оставалось ни единого пятнышка любви, чтобы своей чистотой она уподобилась хорошо промытому сердцу здоровой овцы.

Орландо. Нет, юноша, тебе не удастся исцелить меня.

Розалинда. Увидите, я исцелю вас. Попробуйте только называть меня Розалиндой и каждый день приходите ко мне в хижину и ухаживать за мной.

Орландо. Клянусь верностью своей любви, я это сделаю. Скажи, где твоя хижина?

Розалинда. Пойдемте со мной, и я вам покажу ее. А по дороге вы мне расскажете, как отыскать в лесу ваше жилище.

Орландо. С большим удовольствием, милый юноша!

Розалинда. Нет, вы должны называть меня Розалиндой. Ты пойдешь с нами, сестричка? *(Уходит.)*

Сцена 3

Другая часть леса. Входят Оселок и Одри.

За ними следует Жак.

Оселок. Иди скорее, милая Одри. Я помогу тебе собрать твоих коз, Одри. Ну, так как же, Одри? Я тебе нравлюсь? Или грубые черты моего лица тебе не по вкусу?

Одри. Ваши черты? Господи помилуй! Какие еще там черты?

Оселок. С тобой и с твоими козами я похож на самого причудливого из поэтов — на почтенного Овидия среди готов.

Жак. О бедная ученость! Какое жалкое жилье ты обрела!

Оселок. Когда стихи человека не находят сочувствия, когда ум его не встречает живого понимания, — это для него прискорбнее, чем большой счет для маленькой компании. Ах, почему боги не создали тебя более поэтичной!

Одри. А что такое поэтичная? Что-нибудь вроде честная? Правдивая?

Оселок. По совести говоря, ни то, ни другое. Чем поэзия правдивее, тем больше в ней вымысла. Все влюбленные предаются поэзии, и то, в чем клянутся их стихи, придумывает их влюбленность.

Одри. И после этого вы жалеете, что боги не наделили меня поэтичностью?

Оселок. Разумеется. Ты клялась мне, что ты честная девушка. Но если бы ты была поэтом, я мог бы надеяться, что Это твоя фантазия.

Одри. Разве вы не хотели бы, чтоб я была честной девушкой?

Оселок. Конечно, нет, потому что тогда тебе надо было бы стать безобразной. При красоте хранить честность — все равно что сдабривать сахар медом.

Жак (*в сторону*). Глубокомысленный шут!

Одри. Но так как я некрасива, пусть боги сохранят меня честной.

Оселок. Наделять честностью уродливую неряху — это все равно что подавать изысканное блюдо на грязной тарелке.

Одри. Я вовсе не неряха, я только благодарю богов за то, что они сделали меня уродливой.

Оселок. Слава богам за твою уродливость! Неряшливость придет потом. Но как бы там ни было, я хочу на тебе жениться. Я уже договорился с господином Оливером Путаником, священником ближайшего прихода. Он обещал придти сюда и обвенчать нас.

Жак (*в сторону*). Хотел бы я посмотреть на эту церемонию!

Одри. Пусть боги пошлют нам счастье!

Оселок. Аминь! Робкий человек не осмелился бы на такое дело. Нашим храмом будет лес, нашими свидетелями — рогатые звери. Но будем смелы! Рога отвратительны, но неизбежны. Говорят, что многие не ведают своего богатства. Правильно: у многих есть рога, но владелец и не подозревает об этом. А что тут смешного? Не он их растил, а жена принесла. Рога? Конечно. Разве они имеются только у бедняков? Благороднейший олень так же рогат, как иная жалкая скотина. Но что же е , — значит, блаженны холостяки? Ну нет, как обнесенный стенами город поважнее деревни, так женатый рогоносец много почтенней, чем гололобый холостяк. И насколько защищенность дороже беззащитности, настолько рогатость весомей безрогости. А вот и господин Оливер!

Входит Оливер Путаник.

Добро пожаловать, господин Оливер Путаник! Вы согласны обвенчать нас под этим деревом? Или мы должны отправиться вместе с вами в часовню?

Оливер Путаник. А здесь никого нет, кто мог бы вручить вам вашу жену?

Оселок. Я ни от кого не желаю принимать ее в дар.

Оливер Путаник. Но без этого брак ваш не будет законным.

Жак (*подходя*). Соедините их, я вручу ему эту женщину.

Оселок. Добрый вечер, милостивый государь Как-Вас-Зовут! Вы пришли в самый раз. Ну, как вы поживаете? Бог да благословит вас за ваше появление. Я счастлив видеть вас. Только зачем вы держите шляпу в руке? Накройтесь, пожалуйста!

Жак. Ты в самом деле задумал жениться, шут?

Оселок. Отчего же нет? Бык имеет свое ярмо, лошадь — свою узду, сокол — свои бубенчики, а человек — свои желанья. Голуби целуются, а супруги милуются.

Жак. И вы, человек столь образованный, хотите венчаться под этим деревом, словно нищий бродяга? Ступайте в церковь и обвенчайтесь у порядочного священника, который сумеет объяснить вам, что такое брак. А этот человек соединит вас, как две панельные доски. Одна из них раскохнетя и начнет трещать: крак, крак!

Оселок (*в сторону*). Я думаю, пусть лучше он обвенчает нас. Едва ли он сделает это как следует. А если я обвенчаюсь не как следует, у меня будет хороший повод бросить потом свою жену.

Жак. Пойдем со мной — и слушайся моих советов.

Оселок. Пойдем, дорогая Одри: мы должны вступить или в брак, или в незаконное сожителство. Прощайте, добрый господин Оливер! Нет:

О добрый Оливер,
О славный Оливер,
Не уходи, — что я отвечу людям?

Или:

Уйди, на что мне брак?
Мы ладим с ней и так,
А посему венчаться уж не будем!

Жак, Оселок и Одри уходят.

Оливер Путаник. Все равно ни один из этих сумасбродов не отвратит меня от моего призванья. (*Уходит*).

Сцена 4

Другая часть леса. Входят Розалинда и Селия.

Розалинда. Не говори со мной: я хочу плакать!

Селия. Сделай милость. Только помни, что слезы не подобают мужчине.

Розалинда. Но разве у меня нет причины для слез?

Селия. Причина самая уважительная. Ну и плачь!

Розалинда. Даже волосы у него цвета измены.

Селия. Они немногим темней, чем волосы Иуды. Но его поцелуи родные дети поцелуев Иуды.

Розалинда. А все-таки волосы у него красивые!

Селия. Восхитительные! Каштановый цвет всегда считают самым красивым для волос.

Розалинда. А его поцелуи полны святости, как прикосновение к причастию.

Селия. Он купил уста у Дианы. Монахини из зимнего аббатства не целуют более благочестиво. Весь лед целомудрия сокрыт в его поцелуях.

Розалинда. Но он поклялся, что придет сегодня утром, а его все нет. Почему бы это?

Селия. Потому что в его словах нет ни тени правды.

Розалинда. Ты думаешь?

Селия. Да. Конечно, он не карманный вор и не конокрад, но его любовные признания пусты, как выпитый стакан или как выеденный червями орех.

Розалинда. Значит, ты считаешь, он нечестен в любви?

Селия. Да, если только он любит. Но я думаю, что он не любит.

Розалинда. Но ты ведь слышала, он клялся, что любил.

Селия. Любил не значит любит. Кроме того, клятвам влюбленного можно верить не больше, чем клятвам кабатчика. Тот и другой ручаются за фальшивые счета. Он сопрождает здесь в лесу герцога, твоего отца.

Розалинда. Вчера я встретила герцога, и он забросал меня вопросами. Он спросил о моем происхождении, и я сказала, что принадлежу к такому же знатному роду, что и он. Герцог засмеялся и отпустил меня. Но с какой стати мы заговорили об отце, когда на свете есть Орландо?

Селия. О, это прекрасный юноша. Он сочиняет стихи, расточает прекрасные слова, дает прекрасные клятвы и прекраснейшим образом разбивает их о сердце своей возлюбленной. Он напоминает неумелого рыцаря, который на турнире прищпоривает лошадь с одного бока и, как все благородные

гусаки, кончает тем, что ломает свое копьё. Но все прекрасно там, где властвует юность и правит безрассудство, Сюда кто-то идет.

Входит Коринн.

Коринн

Мой господин и госпожа. Вы часто
Справлялись о влюбленном пастухе,
Который на траве сидел со мною
И восхвалял надменную пастушку,
Свою любовь.

Селия

Да, что с ним?

Коринн

Если вы
Хотите видеть мертвенную бледность
Любви гонимой, красный пламень гнева
И гордого презренья, так пройдемте
Со мной — здесь, близко — я вам покажу.

Розалинда

Пойдем! Прекрасно зрелище влюбленных
Для тех, кто любит. Я хочу их видеть.
И дай мне роль хоть малую, творец,
В чудесной драме любящих сердец.
Уходят.

Сцена 5

Другая часть леса. Входят Сильвий и Феба.

Сильвий

Не отвергай моей любви, о Феба!
А если гонишь, хоть смягчи враждебность!
Палач, привыкший видеть смерть и муку,
Не отсечет виновной головы,
Не испросив прощенья у жертвы.
Иль ты черствей, чем он — слуга закона,
Кормящийся кровавым ремеслом?

Входят Розалинда, Селия и сзади Коринн.

Феба

Быть палачом твоим я не желаю,
Бегу, чтобы не стать твоим убийцей,
Ведь ты сказал, что смерть в моих глазах.
Как это мило, как правдоподобно!
Когда глаза так слабы, так нежны,
Что закрываются, боясь пылинки,
Ты говоришь мне, что они тираны,
Убийцы, палачи! О, если взор мой гневный
Способен ранить — пусть убьет тебя.
Ну, падай! Грохнись в обморок хотя бы!
Не можешь? Так стыдись! К чему ты лжешь
И называешь взор мой смертоносным?
Ну, покажи хоть рану, оцарапай
Себя иголкой! Если б на мгновенье
Тростинку ты зажал в своей ладони,
Остался б отпечаток. А мой взор,
Хотя бы им я молнии метала,
И малого вреда не причинит.

Сильвий

Любимая! Когда б огонь любви
Запал в твоё нетронутое сердце, —
Кто знает, скоро ль этот час придет! —
Ты поняла бы, что стрела любви
Наносит нам невидимые раны.

Феба

Но час не пробил, так отстань, несчастный.
Не приближайся! Если полюблю я —
Глумись над гордой Фебой, а покуда
Она глумиться будет над тобой!

Розалинда (выходя на сцену)

Но почему? — спросить бы я хотела.
Кто ваша мать? Она ль вас научила
Насмешкой злобной оскорблять страданье?
Допустим, вы красивы (хоть по правде,
В постель с тобой не лягу при свечах!),
Так разве неразрывна с красотой
Бесчувственная гордость? Вы молчите?
Чего вы так уставились в меня?

В моих глазах вы дюжинный товар,
Базарное изделие природы.
(Клянусь, она глядит, как будто хочет
Меня приворожить!) Эй ты, красotka!
Ни сливки щек твоих, ни взгляд коровий,
Ни брови, наведенные чернилом,
Ни черный шелк волос меня не тронул.
А ты, пастух безумный, для чего
Ты следуешь за ней, как южный ветер
С дождем и громом? Верь мне: как мужчина
В сто тысяч раз ты лучше, чем она
Как женщина. О, сколько вздорных баб
Из-за глупцов подобных расплодилось!
В твоих глазах, как в зеркале своем,
Она себя в сто раз прекрасней видит.
Одумайся, красotka! На колени!
Постом творца благодари за то,
Что славного поклонника нашла ты!
Я на ухо шепну тебе, как друг:
Спускай товар, его не каждый купит!
А он — спаситель твой, люби ж его!
И помни, что насмешливый урод —
Урод вдвойне. Женись на ней, пастух,
И счастлив будешь!

Ф е б а

Мой красавец юный!
Хотя б ты целый год меня бранил,
Мне брань твоя милей его признаний.

Розалинда (*в сторону*). Он влюбился в ее безобразие, а она влюбилась в мою злость. Если так, то всякий раз, как она злобно посмотрит на него, я прижгу ее злобу горькой истиной. Что ты на меня так смотришь?

Феба. О, не от дурного чувства!

Р о з а л и н д а

Не вздумайте, прошу, в меня влюбиться!
Я вероломней пьяных кляत्व, и знайте —
Не полюблю вас. Если захотите
Найти мой дом, он там, в масличной роще.
Пойдем, сестра? — Пастух, будь с ней потверже!
Сестра, идешь? — Не заносись, пастушка!

Будь с ним нежна. Ни для кого другого
Ты божеством уже не станешь снова.
Пойдемте к стаду.

Розалинда, Селия и Коринн уходят.

Феба

Прав пастух умерший:
«Лишь тот узнал любви священный пыл,
Кто с первого мгновенья полюбил».

Сильвий

О Феба, милая!

Феба

А!.. Что ты, Сильвий?

Сильвий

О Феба, сжалься, я у ног твоих!

Феба

Мне жаль тебя, мне жаль, мой милый Сильвий!

Сильвий

Но жалость — утешения сестра!
Так если ты испытываешь жалость
При виде мук моих, ответь любовью,
Тогда конец и жалости и мукам.

Феба

Я — друг твой, а любовь — соседка дружбы.

Сильвий

Но я хочу, чтоб ты была моей!

Феба

А это — жадность. Было время, Сильвий,
Когда я ненавидела тебя.
Я и теперь тебя не полюбила,
Но о любви ты говоришь так чудно,
Что стала я терпеть без раздраженья
Услуги и присутствие твое.
Так радуйся тому, что ты мне служишь,
И лучшей не выпрашивай награды.

Сильвий

Я так боготворю тебя, о Феба,
Так скорбно жажду милости твоей,
Что подниму, как высший дар, колосья,
Которые счастливый жнец обронит.
Лишь изредка мне улыбнись небрежно,
И в той улыбке будет жизнь моя.

Феба

Не знаешь ли ты юношу, который
Здесь говорил со мной?

Сильвий

Не знаю, кто он,
Но я встречал его. Купил он стадо
И пастбище, которым старый Карл
Владел недавно.

Феба

Не подумай, Сильвий,
Что мой вопрос любовью тайной вызван.
Мальчишка груб! Он говорит отлично,
Но что слова, — слова всегда приятны,
Когда нам тот, кто их сказал, приятен.
А он красив, — не бог весть как, но все же...
Он горд, но гордость молодцу к лицу.
Мужчина выйдет славный! Бесподобны
Его глаза. Он словом ранит быстро,
Еще быстрее глазами исцеляет.
Он невысок. Нет, по годам — высок!
Нога мала, но спору нет — красива.
Уста его румяны, — чуть румяней,
Чем щеки. Все различье между ними —
Как между алой и пурпурной розой.
Немало женщин, Сильвий, если б так же
Его всего подробно рассмотрели,
Влюбились бы. Я не люблю его,
Но ненависти тоже не питаю,
А ведь скорей должна бы ненавидеть —
Кто он такой, чтобы бранить меня!
Мои глаза черны — ведь так сказал он —
И волосы черны... Я вспоминаю,
Он оскорблял меня... Но почему я

Ему смолчала? Это странно! Впрочем...
Ведь пропустить не значит допустить!
Письмом отвечу, высмею нахала!
А ты снесешь. Не правда ль? Хочешь, Сильвий?

Сильвий

Всем сердцем, Феба!

Феба

Тотчас напишу.
Письмо готово и в уме и в сердце,
Оно должно быть злым и кратким. Сильвий!
Ступай за мной!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена 1

Лес. Входят Розалинда, Селяя, Жак.

Жак. Позволь мне, прекрасный юноша, поближе познакомиться с тобой.

Розалинда. Говорят, вы склонны к меланхолии?

Жак. Это правда. Я больше люблю предаваться меланхолии, чем веселью.

Розалинда. Люди, доходящие до крайности, в том или в другом одинаково противны. Они даже больше, чем пьяницы, заслуживают всеобщего порицания.

Жак. Но ведь это прекрасно — быть грустным и молчаливым!

Розалинда. Еще прекраснее — попросту быть столбом!

Жак. Моя меланхолия — вовсе не меланхолия ученого, вызванная неудачным соперничеством. Это и не меланхолия музыканта, коренящаяся в игре воображения. И не меланхолия придворного, за которой скрывается высокомерие, и не меланхолия солдата, порожденная честолюбием, и не меланхолия законоведа, являющаяся политической маской, и не меланхолия женщины, придуманная кокетством, и не меланхолия влюбленного, под которой таится одновременно все, что

я назвал. Нет, моя меланхолия — это меланхолия особого рода, свойственная лишь мне одному. В ней много сторон, она имеет много причин, и вся она, в сущности, результат размышления о моих странствиях. Стоит мне задуматься об этом предмете, у меня разливается черная желчь. Она-то и вызывает меланхолию.

Розалинда. Так вы путешественник? Тогда и впрямь у вас имеются причины для грусти. Боюсь, что вы продали все свои земли, чтобы посмотреть на чужие. А много видеть и ничем не владеть — это значит иметь богатство перед глазами и нищету в руках.

Жак. Да, я дорого заплатил за свой опыт.

Розалинда. И ваш опыт делает вас печальным? Нет, по мне лучше веселая неопытность, чем грустный опыт. И ради этого еще путешествовать!

Входит Орландо.

Орландо. Привет мой, дорогая Розалинда!

Жак. Ну, если уж вы заговорили белыми стихами, так прощайте! (*Уходит.*)

Розалинда. Прощайте, господин путешественник! Старайтесь картавить, носить иноземное платье, принижайте все, что есть хорошего в вашем отечестве, проклиняйте свое происхождение и даже хулите бога за то, что он сделал вас таким, какой вы есть. Если не будете все это исполнять, никогда я вам не поверю, что вы имели счастье кататься в гондоле. Ну, Орландо, где же вы пропадали? Что это значит? Хорош влюбленный! Если еще раз выкинете такую штуку, не смейте больше показываться мне на глаза!

Орландо. Прекрасная Розалинда! Я опоздал всего только на час против условленного времени.

Розалинда. Всего только на час! На целый час опоздал к возлюбленной! Да если влюбленный опоздает на тысячную долю минуты — и то я скажу, что Амур только похлопал его по плечу, но сердце его оставил нетронутым.

Орландо. Прости меня, дорогая Розалинда!

Розалинда. Нет, если вы способны так опаздывать, больше на глаза мне не показывайтесь! Пусть лучше за мной ухаживает улитка!

Орландо. Улитка?

Розалинда. Да, улитка. Она хоть и медленно ползет, но зато тащит на себе свой дом. Приданое получше того, которое могли бы предложить женщине вы! Кроме того, она несет на себе и свою судьбу.

Орландо. Как это судьбу?

Розалинда. А вот так — судьбу! Рога, которыми, по мнению мужей, украшают их жены! Улитка сразу является рогой и тем избавляет свою жену от клеветы.

Орландо. Добродетель рогов не наставляет, а моя Розалинда добродетельна.

Розалинда. А ваша Розалинда — это я.

Селия. Ему нравится так звать тебя, но у него есть другая Розалинда — лучше, чем ты!

Розалинда. Ну, поухаживайте, поухаживайте за мной! Я сегодня в праздничном настроении и готова на многое согласиться. Что бы вы мне сказали сейчас, будь я ваша самая что ни на есть настоящая Розалинда?

Орландо. Прежде чем говорить, я бы тебя поцеловал.

Розалинда. Нет, сперва вы должны поговорить со мной, а когда вам не хватит больше слов, тогда уж можете и поцеловать. Если хороший оратор случайно зайдет в тупик, он сплевывает, а если влюбленный — упаси нас боже — исчерпал свое красноречие, он спасается поцелуем.

Орландо. А если ему отказывают в поцелуе?

Розалинда. Тогда он начинает умолять возлюбленную, и, таким образом, появляется новый предмет для разговора.

Орландо. Кто может исчерпать слова перед лицом возлюбленной?

Розалинда. Да хоть бы вы — если бы я была вашей возлюбленной. В противном случае моя добродетель оказалась бы сильнее моего ума. Разве не я — ваша Розалинда?

Орландо. Я рад называть тебя именем Розалинды, потому что хочу бесконечно говорить о ней.

Розалинда. Ну, так я, от имени Розалинды, заявляю вам, что вы мне не нужны.

Орландо. Тогда мне от своего имени остается только умереть.

Розалинда. Передоверьте это адвокату. Наш бедный мир существует почти шесть тысяч лет, и за все это время ни один мужчина не умер от любви. Троилу раздробила череп греческая палица, а уж чего только он не делал, чтобы до Этого умереть от любви. Он ведь был образцом влюбленного. Леандр, — уйди Геро хоть в монастырь, — прожил бы еще много прекрасных лет, если бы не жаркая июльская ночь. Славный юноша захотел искупаться в Геллеспонте, но его схватила судорога, и он утонул. А глупые летописцы его времени все свалили на Геро из Сестоса. Это лживые басни.

Люди время от времени умирают, и черви пожирают их, но не любовь тому причиной.

Орландо. Мне не хотелось бы, чтобы моя настоящая Розалинда так думала. Клянусь, один ее суровый взгляд убил бы меня.

Розалинда. Даю руку на отсечение — он не убил бы и мухи. Но ладно, ваша Розалинда сегодня в хорошем настроении. Просите чего хотите, я на все соглашусь.

Орландо. Любите меня, Розалинда.

Розалинда. Согласна. Буду любить вас по пятницам, по субботам и во все остальные дни.

Орландо. И ты согласна взять меня в мужья?

Розалинда. Да, и еще двадцать таких, как вы.

Орландо. Что это значит?

Розалинда. Разве вы не хороши?

Орландо. Надеюсь, хорош.

Розалинда. А кто же не согласится иметь много хорошего? Поди сюда, сестра, ты будешь нашим священником и обвенчаешь нас. Дайте вашу руку, Орландо. Что ты на это скажешь, сестра?

Орландо. Пожалуйста, обвенчайте нас!

Селия. Я не знаю, какие слова говорить.

Розалинда. Ты должна начать так: «Хотите ли вы, Орландо...»

Селия. А, знаю. Хотите ли вы, Орландо, взять в жены эту Розалинду?

Орландо. Хочу.

Розалинда. Но когда?

Орландо. Сейчас же, в ту самую минуту, как она обвенчает нас.

Розалинда. Тогда вы должны сказать: «Я беру тебя в жены, Розалинда».

Орландо. Я беру тебя в жены, Розалинда.

Розалинда. Я могла бы потребовать свидетельства на право вступления в брак, — но я беру тебя в мужья, Орландо. Вот невеста и опередила священника. У женщин мысли всегда опережают действие.

Орландо. У мужчин — тоже. Ведь мысли — крылаты.

Розалинда. Скажите: получив Розалинду, как долго вы захотите ею владеть?

Орландо. Всю вечность и один день.

Розалинда. Скажите лучше, один день, а вечность отбросьте. Нет, нет, Орландо! Мужчина похож на апрель, когда ухаживает, а женился — становится декабрем. Зато девуш-

ка — май, пока она девушка. А чуть вышла замуж — погода меняется. Я буду ревнивей, чем берберийский голубь, крикливей, чем попугай перед дождем, капризней, чем орангутанг, сладострастней, чем мартышка. Когда ты захочешь веселиться, я буду плакать, как Диана у фонтана, и все по пустякам, когда захочешь спать, я буду хохотать, словно гиена.

Орландо. Но неужели такова будет и моя Розалинда?

Розалинда. Клянусь жизнью, она будет точь-в-точь такая же, как я.

Орландо. Но Розалинда ведь умна?

Розалинда. Разумеется. Иначе у нее на все это не хватило бы ума. Чем женщина умней, тем она изобретательней. Заприте перед женской хитростью двери — она проберется в окно. Заколотите окно — она пролезет в замочную скважину. Заткните скважину, она ускользнет через дымовую трубу.

Орландо. Человек, женившийся на женщине, у которой столько ума, в конце концов спросит: «Ум, куда ты ведешь мою жену?»

Розалинда. Пусть подождет с этим вопросом, пока не Застигнет ум своей жены на дороге в постель своего соседа.

Орландо. А у какого ума в такую минуту хватит ума для оправдания?

Розалинда. Да она скажет, что искала мужа у соседа. Без ответа вы не останетесь, разве что она останется без языка. Женщина, не умеющая свалить свою вину на мужа, не имеет права кормить ребенка, потому что она вскормит дурака.

Орландо. Розалинда, я вынужден часа на два тебя покинуть.

Розалинда. Увы, мой возлюбленный, я не могу два часа прожить без тебя.

Орландо. Я должен присутствовать на обеде герцога. Через два часа я снова буду здесь.

Розалинда. Ступайте, ступайте, скатертью дорога! Я знала, с кем я имею дело! Друзья предостерегали меня, но я и сама не заблуждалась. Ваши льстивые речи меня одурманили. Одной обманутой больше стало на свете, — приди же, смерть! Вы сказали — на два часа?

Орландо. Да, прелестная Розалинда!

Розалинда. Клянусь моей верой, любовью, святой истиной, всемогущим богом и всеми прочими прекрасными и безопасными клятвами, — если вы хоть на йоту нарушите свое обещание, если вы хоть на одну минуту опоздаете, я буду считать вас подлеишим клятвопреступником, вероломнейшим

любовником, гнуснейшим изменником и самым, во всей этой шайке, недостойным той, кого вы зовете своей Розалиндой. Смотрите же, берегитесь моего приговора и сдержите слово.

Орландо. Сдержу так же свято, как если бы ты была моей Розалиндой. Итак, прощай.

Розалинда. Идите. Время — старый судья — разоблачает подобных преступников. Пусть оно и покажет правду. Прощайте.

Орландо уходит.

Селия. В своей любовной болтовне ты просто оклеветала женщин. Следовало бы задрать тебе на голову камзол и штаны, чтобы весь мир увидел, как птица испакостила свое собственное гнездо.

Розалинда. О, сестричка, моя маленькая, дорогая сестричка! Если бы ты знала, на сколько футов глубины я погружилась в любовь! Но достать ее дно невозможно. Оно неизведанно, как дно Португальского залива.

Селия. Вернее сказать, твоя любовь бездонна. Сколько чувства в тебя ни вливай, оно все выливается обратно.

Розалинда. Нет, пускай этот злобный сын Венеры, незаконное дитя, задуманное мечтой, зачатое тоской и рожденное безумием, этот слепой плутишка, обманывающий чужое зрение только за то, что потерял свое, — пусть он судит о глубине моей любви. Говорю тебе, Алиена, я не могу жить, не видя Орландо. Пойду поищу тенистый уголок и буду там вздыхать, пока он не вернется.

Селия. А я пойду спать.

Уходят.

Сцена 2

Другая часть леса. Входят Жак, дворяне и охотники.

Жак. Кто убил оленя?

1-й дворянин. Я, сударь.

Жак. Представим герцогу этого стрелка в виде римского триумфатора. Хорошо бы украсить его голову оленьими рогами, как триумфальным венком. Охотники, нет ли у вас какой-нибудь песни, подходящей к этому случаю?

Охотник. Есть, сударь.

Жак. Пойте. Неважно, если будете фальшивить, лишь бы шуму было побольше.

ПЕСНЯ

Охотник

Кто лань убьет, по праву тот
И шкуру и рога берет.

Хор

Рога для чести не ущерб,
Твой прадед взял рога в свой герб.

Охотник

Их принял дед, и, как венец,
Носил всю жизнь их твой отец.

Сцена 3

Другая часть леса. Входят Розалинда и Селия.

Розалинда. Ну что ты скажешь? Ведь прошло уже больше двух часов, а Орlando нет как нет.

Селия. Поверь, исполненный чистой любви в сердце и густого тумана в голове, он взял лук и стрелы и отправился спать. Но сюда кто-то идет!

Входит Сильвий.

Сильвий

Я к вам послан, о юноша прекрасный!
Вам шлет моя возлюбленная Феба
Письмо. Я не читал его, но понял
По хмурому лицу и гневным жестам,
С которыми она его писала,
Что в нем немало резкостей. Простите,
Моей вины в том нет. Я — лишь гонец.

Розалинда

(прочитав письмо)

Само терпенье может возмутиться!
Кто стерпит эту брань, тот стерпит все.
Мол, некрасив я, горд и невоспитан,
Она в меня влюбиться не могла бы,
Хотя б мужчина был редчайшей птицей,
Как феникс, — и вовеки не удастся
Мне затравить ее любовь, как зайца.
Черт побори! К чему мне это все?

Сильвий

Но я клянусь, его писала Феба,
Я не читал его.

Розалинда

Ступай, ступай!
Несчастный раб любовного безумства!
У этой Фебы руки, словно глина,
Темны и жестки. Я сперва их принял
За старые перчатки. Это руки
Коровницы. Конечно, суть не в этом.
Но ей ли сочинять такие письма,
В которых слог и почерк — все мужское!

Сильвий

Клянусь, она своей рукой писала.

Розалинда

А что за наглый и развязный тон!
Какая злость! Так может разве турок
Ругать христианина. Женский ум
Ни этих слов не знает эфиопских,
Ни мыслей мерзких. Ведь письмо по сути
Черней чернил, которыми писалось.
Прочешь тебе?

Сильвий

Прочтите. Я не знаю,
Как пишет Феба, но ее жестокость
Я испытал.

Розалинда

Ужасно! Вот так Феба!
Послушай, как злодейка разошлась!
(Читает.)

«Пастух, не ты ли бог Эрот,
Чей пламень сердце девы жжет?»

Ну, может ли женщина так браниться!

Сильвий. Вы называете это бранью?

Розалинда

«Не тот ли грозный ты, чья власть
И в женском сердце будит страсть?»

Способна ли женщина так оскорблять?
«Не мог доньше взор мужской
Моей души смутить покой».
Что ж я — животное, что ли?
«Но если твой суровый взор
Зажег любви моей костер,
Его сильнее во сто крат
Воспламенил бы нежный взгляд.
Ты в гневе мил душе моей,
Ты — ласковый — стократ милей,
Но мой посол — не знает он,
Что ты у Фебы отнял сон.
Так запечатанным письмом
Ответь, придешь ли ты в мой дом,
Возьмешь ли ты любовь мою
И все, что с ней я отдаю,
Иль не дано мне быть с тобой
И смерть мне суждена судьбой».

Сильвий. И это вы называете оскорблением?

Селия. Увы, несчастный пастух!

Розалинда. Вам жаль его? Нет, он не заслуживает жалости. Как ты можешь любить такую женщину? Она превратила тебя в дудку, на которой разыгрывает свои фальшивые песни. Это невыносимо! Ну да ладно, возвращайся к ней, я вижу, любовь преобразила тебя в ручную змею. Но скажи ей вот что: если она меня любит, я приказываю ей любить тебя. Если она начнет отбрыкиваться, я и видеть ее не желаю, разве что ты сам будешь просить за нее. Но если ты действительно любишь ее... молчи, ни слова больше, сюда идут.

Входит Оливер.

Оливер

Здорово, люди добрые! Прошу вас,
Не скажете ли, как найти дорогу
К масличной роще, где стоит овчарня
И домик пастуха?

Селия

Ступай на запад
И по лощине вдоль ручья иди.
За мостиком направо будет роща.
Но в этот час хозяев дома нет.

Оливер

Пускай язык моим глазам поможет.
Я знаю вас, — ваш возраст, вид и платье
Подходят к описаньям «Белокурый
Красивый парень женственного вида.
Ведет себя как старшая сестра.
С ним девушка — смуглей и ниже ростом».
Не вы ли пастушкой хижины владельцы?

Селия

Ответить на вопрос не значит хвастать.
Да, это мы.

Оливер

Привет вам от Орlando.
Вы ли юноша, которого назвал он
Своею Розалиндой? Вам он шлет
Платок окровавленный.

Розалинда

Что такое?
Как это понимать?

Оливер

Как мой позор.
Узнайте, кто я, что за человек
И почему в крови платок Орlando.

Селия

Я вся вниманье.

Оливер

Расставаясь с вами,
Орlando через час хотел вернуться.
Он по тропинке брел, питая сердце
То горестной, то сладостной мечтой,
И вдруг — заметил человека в чаще.
Он присмотрелся: под корявым дубом
С замшелыми ветвями и с вершиной
Уже сухой от старости и голой
Лежал мужчина — грязный, весь обросший,
В поношенной одежде, и храпел.
А у него вокруг шеи обвилась

Зелено-золотистая змея,
Вытягивая голову и целясь
Проворным жалом в рот его раскрытый,
Она метнулась, увидав Орlando,
И, кольца разомкнув, исчезла мигом
В траве, где, притаившись под кустом,
Лежала львица с тощими сосцами,
Напружась, будто кошка, выжидая,
Не шевельнется ль спящий. Царь зверей
Того, кто мертвым кажется, не тронет.
Тогда Орlando подбежал к мужчине
И брата — брата старшего узнал.

Селия

Он говорил не раз об этом брате
И называл чудовищем...

Оливер

Он прав.

Тот был чудовищем.

Розалинда

Но что ж Орlando?
Ужели брата кинул он в добычу
Голодной львице?

Оливер

Нет, уже два раза
Он повернулся, чтоб уйти, но жалость,
Но доброта, что благородней мести,
И голос крови братской — победили.
Он в бой смертельный с хищницей вступил.
И мертвым рухнул зверь. Лишь тут вскочил я,
Разбужен битвой.

Селия

Как? Вы брат Орlando?

Розалинда

И вас от лютой смерти он избавил?

Селия

Вас, кто хотел убить его?

Оливер

Меня!
Того, кто замышлял убийство брата!
Признанья не стыжусь, — я стал другим,
И сладко мне раскаянье.

Розалинда

Но странно...
Платок — в крови!

Оливер

Позвольте досказать вам.
Когда мы оба роковую повесть
О наших бедах братскими слезами
Оплакали от слова и до слова,
Меня решил он герцогу представить.
Наш благородный повелитель дал мне
Одежду, пищу, и заботе братской
Меня он вверил. Мы в его пещеру
Пошли с Орландо. Там он снял одежды,
И на его руке я вдруг увидел
Глубокий след когтей. Струю кровь
Еще текла из раны, и внезапно
Упал он, — только вскрикнул: «Розалинда!»
Его привел я в чувство и на рану
Повязку наложил. Едва Орландо
Пришел в себя, мне дал он порученье
Найти вас, обо всем вам рассказать
И за него просить у вас прощенья
В том, что придти не смог он. А платок,
В его крови омоченный, отдать
Вам, юноша, — тому, кого он в шутку
Зовет своей прелестной Розалиндой.
Розалинда лишается чувств.

Селия

Что с ним? Мой брат! Мой милый Ганимед!

Оливер

Иные не выносят вида крови.

Селия

Нет, здесь не то! Мой Ганимед!

Розалинда

(очнувшись)

Хочу домой!

Селия

Мы отведем тебя,

Прошу вас, под руку его возьмите.

Оливер. Ободритесь, юноша! Какой же вы мужчина! У вас не мужское сердце!

Розалинда. Да, должен признаться в этом. Ну как, сударь, кто не согласился бы, что я хорошо разыгрываю комедию? Пожалуйста, расскажите вашему брату, как ловко я умею притворяться. Ха-ха!

Оливер. Да где тут притворство! По вашему лицу видно, как вы взволновались.

Розалинда. Нет, я притворился, уверяю вас.

Оливер. Хорошо. Тогда возьмите себя в руки и притворитесь мужчиной.

Розалинда. Я стараюсь. Но, по совести говоря, я должен был бы родиться женщиной.

Селия. Пойдем. Ты бледен как смерть. Будьте так добры, сударь, проводите нас.

Оливер

Охотно. Я узнать еще надеюсь,

Прощаете ль вы брата, Розалинда.

Розалинда. Я придумаю, что ему ответить. Но, пожалуйста, расскажите ему, как я искусно притворяюсь. Идем.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена 1

Лес. Входят Оселок и Одри.

Оселок. Да время-то мы уж найдем, Одри! Потерпи, милая Одри!

Одри. Право, священник был хороший, что бы ни говорил тот старый господин.

Оселок. Нет, он мерзкая личность, этот Оливер. Страшнейший путаник! Однако, Одри, здесь в лесу ходит какой-то молодой человек, который имеет на тебя виды.

Одри. Я знаю, о ком вы говорите. Нет, уж ему от меня ничего не перепадет. Да вот он — легок на помине!

Входит Гильом.

Оселок. Меня хлебом не корми и вином не пои, а подай мне этакое дурня. На людях моего полета лежит большая ответственность. Недаром нас бог одарил остроумием. Мы должны высмеивать, не давать спуску.

Гильом. Добрый вечер, Одри.

Одри. Добрый вечер, Гильом.

Гильом. И вам добрый вечер, сударь.

Оселок. Добрый вечер, друг любезный. Надень шляпу. Нет, прошу тебя, надень. Который тебе год, приятель?

Гильом. Мне двадцать пять лет, сударь.

Оселок. Возраст уже зрелый. Тебя зовут Гильом?

Гильом. Гильом, сударь.

Оселок. Красивое имя. Ты здесь в лесу и родился?

Гильом. Да, благодарение богу.

Оселок. «Благодарение богу» — хороший ответ. Ты богат?

Гильом. Ни да, ни нет, сударь.

Оселок. Ни да, ни нет? Что ж, это хорошо, очень хорошо. Прямо-таки превосходно, и вместе с тем это никак — Это ни да, ни нет. А ты в уме?

Гильом. О сударь, башка у меня варит.

Оселок. Недурно ты отвечаешь. Помнится, есть такая поговорка: «Дурак думает, что он умный, а умный знает, что он дурак». Языческий философ, желая поесть винограду и поднося ягоды ко рту, раздвигал губы. Он хотел этим доказать, что виноград создан для того, чтобы его ели, а губы — для того, чтобы их раздвигали. Ты любишь эту девушку?

Гильом. Да, сударь.

Оселок. Дай мне руку. Ты учился чему-нибудь?

Гильом. Нет, сударь.

Оселок. Так я тебя выучу кое-чему. Иметь значит иметь. Риторическая фигура говорит, что напиток, вылитый из чаши в стакан, наполняет стакан посредством опорожнения чаши. И все писатели сходятся на том, что «ipse»¹ означает «он». Ну, а ты не «ipse», потому что «он» — я.

¹ Сам, он самый (лат.).

Гильом. Какой такой «он», сударь?

Оселок. «Он» — это, сударь, тот, кто женится на этой девушке. Так вот, деревенщина, оставь строить куры, или, выражаясь низким слогом, брось ухаживать, или, выражаясь по-мужицки, перестань ухлестывать за этой особой женского пола, короче говоря, за этой женщиной, что в целом означает — не смей, мужик, бегать за этой бабой, не то сыграешь в ящик, другими словами — издохнешь. Я убью тебя, живу со света, твою жизнь превращу в смерть, твою свободу — в рабство. Я отравлю тебя, забью палками, зарежу. Я подниму против тебя мятеж, я опутаю тебя кознями. Я найду полтораста способов, чтобы расправиться с тобой. Поэтому трепещи и проваливай!

Одри. Уйди, мой добрый Гильом.

Гильом. Господь с вами, сударь. (*Уходит.*)

Входит Коринн.

Коринн. Вас ищут хозяин и хозяйка. Скорей, скорей, идите!

Оселок. Беги, Одри, беги! Я сейчас, сейчас!

Сцена 2

Арденнский лес. Входят Орlando и Оливер.

Орlando. Возможно ли? Едва успев познакомиться, вы были очарованы. Едва увидев ее, влюбились. Едва влюбившись, посватались. Едва посватались — получили согласие. И вы настаиваете на браке?

Оливер. Не углубляйся во все эти вопросы: не думай ни о моем легкомыслии, ни об ее бедности, ни о моем внезапном сватовстве, ни об ее мгновенном согласии. Пойми только, что я люблю Алиену. Пойми, что она любит меня. Дай согласие на наш брак, и ты на этом не проиграешь. Я уступлю тебе дом со всеми доходами покойного сеньора Роланда, а сам останусь в этом лесу, чтобы жить и умереть пастухом.

Орlando. Я согласен. Завтра сыграем свадьбу. Я пригласу герцога и всю его веселую свиту. Идите, я подготовлю Алиену. Я вижу, сюда идет моя Розалинда.

Входит Розалинда.

Розалинда. Храни вас бог, брат мой.

Оливер. И вас, моя прекрасная сестра.

Розалинда. Мой дорогой Орландо, мне грустно думать, что сердце твое на перевязи.

Оливер. Не сердце, а рука.

Розалинда. А мне показалось, будто сердце твое ранено когтями львицы.

Орландо. Оно ранено, это правда, но не когтями львицы, а глазами женщины.

Розалинда. Ваш брат рассказал вам, как я ловко избразил обморок, увидев ваш платок?

Орландо. Он рассказал мне еще о больших чудесах.

Розалинда. А, знаю! Поистине ничто на земле не бывало таким стремительным, — разве что драка двух козлов да натиск Цезаря в тот день, когда он воскликнул: «Пришел, увидел, победил!» Ваш брат и моя сестра не успели встретиться, как пленились друг другом, не успели плениться, как влюбились, не успели влюбиться, как стали вздыхать, не успели вздохнуть, как спросили друг друга о причине, а едва узнали причину, как стали искать утешения. Словом, они так быстро соорудили брачную лестницу, что теперь им надо без удержу взобраться на самый верх или стать невоздержанными до брака. Оба охвачены любовным безумием и так жаждут соединиться, что их не разгонишь и палками.

Орландо. Завтра они обвенчаются. Я хочу пригласить на свадьбу герцога. Но боже, как это горько — видеть счастье только чужими глазами! Завтра я буду тем несчастней, чем будет счастливей мой брат, получивший то, о чем он мечтал.

Розалинда. Как, значит, завтра я уже не смогу заменить вам Розалинду?

Орландо. Я не могу больше питаться воображением.

Розалинда. Так я не стану больше утомлять вас праздной болтовней. Знайте же (теперь я говорю серьезно), мне известно, что вы дворянин и человек с большими достоинствами. Говорю это не для того, чтобы похвастать своим умением узнавать людей. И не для того, чтобы внушить вам большее уважение, чем требуется для вашего доверия ко мне. Я могу сделать вам добро, но для этого вы должны поверить, что я умею творить чудеса. С трехлетнего возраста я общался с волшебником, который глубоко изучил свое искусство, но никогда не имел дела с нечистой силой. Если ваша любовь к Розалинде так сильна, как безумно ваше по-

веденье, то вы с ней обвенчаетесь тогда же, когда ваш брат женится на Алиене. Я знаю, что Розалинда сейчас в затруднительном положении, но могу, если хотите, показать ее вам завтра в обычном виде, не подвергнув ее никакой опасности.

Орландо. Неужели ты говоришь это серьезно?

Розалинда. Клянусь жизнью, которую очень ценю, хотя и утверждаю, что я волшебник. Поэтому наденьте ваше лучшее платье и пригласите друзей. А если хотите жениться, то завтра женитесь. А если хотите взять в жены Розалинду, то завтра она станет вашей женой.

Входят Сильвий и Феба.

Смотрите, сюда идут влюбленная в меня и влюбленный в нее.

Феба

(Розалинде)

Как вы жестоки, юноша, зачем вы
Мое письмо прочли пред всеми, вслух?

Розалинда

Да, я жесток. И я хочу, чтоб Феба
Нашла меня презрения достойным.
Вот ваш пастух. Он вас боготворит.
Так на него молитесь, им любуйтесь!

Феба

О мой пастух, скажи ему, что значит
Любить.

Сильвий

То значит — лишь вздыхать да плакать,
Как я — по Фебе.

Феба

А я — по Ганимеду.

Орландо

А я — по Розалинде.

Розалинда

А я — ни по одной из женщин.

Сильвий

То значит быть усердным и покорным,
Как я — пред Фебой.

Орландо

А я — пред Розалиндой.

Розалинда

А я — ни пред одной из женщин.

Сильвий

То значит быть сплетенным из желаний,
Из прихотей, из ревности и страсти,
Из обожанья, нежности, смиренья,
Покорности, терпенья, нетерпенья,
Заботливости, верности, вниманья,
Как я — для Фебы.

Феба

А я — для Ганимеда.

Орландо

А я — для Розалинды.

Розалинда

А я — ни для одной из женщин.

Феба

(Розалинде)

Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?

Сильвий

(Фебе)

Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?

Орландо

Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?

Розалинда

Не разобрал, кому сказали вы:

«Тогда за что ж мою любовь ты гонишь?»

Орландо

Той, кто не здесь и кто меня не слышит.

Розалинда. Хватит, перестаньте! Собрались и воют, словно ирландские волки на луну! (*Сильвию.*) Я помогу вам, если смогу. (*Фебе.*) Я полюбил бы вас, если бы мог. Завтра приходите сюда. Если я когда-нибудь обвенчаюсь с женщиной — а обвенчаюсь я завтра, — этой женщиной будете вы. (*Орландо.*) Если я захочу осчастливить мужчину, то я осчастливлю вас, и завтра вы женитесь. (*Сильвию.*) Если вам доставит удовольствие то, что вам нравится, то я вам доставлю удовольствие, и завтра вы женитесь. (*Орландо.*) Если правда, что вы любите Розалинду, приходите. (*Сильвию.*) Если правда, что вы любите Фебу, приходите. Если правда, что я не люблю ни одной женщины, я приду. А теперь прощайте. Мой приказ вам известен.

Сильвий. Если только буду жив, я приду.

Феба. И я.

Орландо. И я.

Уходят.

Сцена 3

Лес. Входят Оселок и Одри.

Оселок. Завтра радостный день, Одри. Завтра мы обвенчаемся.

Одри. Жажду этого всем сердцем. И надеюсь, ничего нет зазорного в том, что я хочу стать замужней женщиной. Вон идут пажи изгнанного герцога.

Входят двое пажей.

1-й паж. Почтеннейший! Какая счастливая встреча!

Оселок. Поистине счастливая. Садитесь, садитесь живей и давайте песню.

1-й паж. Что же, так сразу и начнем? Не откашлявшись, не сплюнув, не сославшись на хрипоту или на что другое, чем оправдываются плохие певцы?

2-й паж. Да, да, без всяких предисловий и оба в один голос, как два цыгана на одной лошади.

ПЕСНЯ

С пастушкой бродит пастушок,
И всё им: хо-тили-хей-нонино!
Цветет и роща, и лужок,

Весна идет, любовь ведет,
И птица динг-дили-динг! поет.
А сердце — сердце счастья ждет.

А рожь густа, рожь зелена,
И всё им: хо-тили-хей-нонино!
И с ним легла во ржи она,
Весна идет, любовь ведет,
И птица динг-дили-динг! поет,
А сердце — сердце счастья ждет.

Лежит с пастушкой пастушок,
И всё им: хо-тили-хей-нонино!
И то, что юность — лишь цветок,
Что май идет, любовь ведет,
И птица динг-дили-динг! поет,
А сердце — сердце счастья ждет.

Так пой, люби и весел будь!
Про всё: хей-хо-тили-хей-нонино!
Про то, что краток жизни путь,
Что май идет, любовь ведет,
Что птица динг-дили-динг! поет,
А сердце — сердце счастья ждет.

Оселок. Ну, молодые люди, хоть песенка ваша и проста, а спета была прескверно.

1-й паж. Вы, сударь, ошибаетесь. Мы ни разу не сбились и не потеряли ритма.

Оселок. Зато я потерял время, слушая ваше дурацкое пение. Да хранит вас бог, и да исправит он ваши голоса. Идем, Одри.

Уходят.

Сцена 4

Лес. Входят старый герцог, Амьен, Жак, Орландо, Оливер и Селия.

Старый герцог

И неужели веришь ты, Орландо,
Что мальчик может это все исполнить?

Орландо

И верю, и не верю, и надеюсь,
И чувствую, что сам боюсь надежды.
Входят Розалинда, Сильвий и Феба.

Розалинда.

Теперь одну минуту! Мы сначала
Оговорим условия.

(Герцогу.)

Вы сказали,
Что, если я верну вам Розалинду,
Ее вы за Орландо отдадите?

Старый герцог

Да, и хотел бы с ней отдать свой трон.

Розалинда

(к Орландо)

А вы бы взяли Розалинду в жены?

Орландо

Да, — хоть бы всей землей повелевала!

Розалинда

(Фебе)

А вы? Вы за меня пошли бы замуж?

Феба

Да, хоть бы это смертью мне грозило!

Розалинда

Но если б вам пришлось меня отвергнуть,
То верный Сильвий стал бы вашим мужем?

Феба

Да, я бы согласилась.

Розалинда

(Сильвию)

А вы бы, Сильвий, взяли в жены Фебу
С ее согласия?

Сильвий

Хоть ценою жизни.

Розалинда

Ну, что ж, я это все вам обещаю,
Сдержите слово, герцог, и отдайте
Орландо в жены дочь. А вы, Орландо,
Возьмите дочь его. Вы также, Феба,
Сдержите слово. Я — иль ваш пастух!
Сдержите слово, Сильвий, и женитесь
На Фебе, если буду я отвергнут.
Чтоб это все могло свершиться нынче,
Я ухожу.

Розалинда и Селия уходят.

Старый герцог

Я словно вижу дочь,
Когда гляжу на этого мальчишку.

Орландо

Мой герцог, увидав его впервые,
Я братом вашей дочери готов был
Его назвать, но он из здешних мест,
В лесу рожден и вырос и у дяди
Магическим наукам обучался.
А дядя, говорит он, маг великий,
Но жизнь в лесу он славе предпочел.

Входят Оселок и Одри.

Жак. Видно, близится второй потоп, и чтобы плавать в ковчеге, все соединяются в пары. Вот еще одна пара странных животных, которых на всех языках называют дураками.

Оселок. Почет и уважение высокому обществу!

Жак. Мой добрый герцог, примите его благосклонно. Это тот нашпигованный мыслями господин, которого я неоднократно встречал в лесу. Он клянется, что был придворным.

Оселок. Кто в этом сомневается, может меня испытать. Я танцевал менуэт, я льстил дамам, я был неискренним другом, я усыплял любезностью врага. Я трех портных пустил по миру. У меня было четыре ссоры, и одна из них чуть не окончилась дуэлью.

Жак. А почему дуэль расстроилась?

Оселок. Мы было сошлись в условленном месте, но выяснили, что ссора произошла по седьмому пункту.

Жак. Как это по седьмому пункту? Мой добрый герцог, прошу вас, полюбите этого человека.

Старый герцог. Он мне очень нравится.

Оселок. Награди вас бог, сударь, я бы желал, чтоб и вы мне понравились. Я хотел присоединиться к этим сельским парочкам, чтобы вместе с ними дать клятву и потом нарушить клятву. Это будет соответствовать тому, как брак соединяет, а кровь разъединяет. Бедная девственница, сударь, существо невзрачное, сударь, но зато мое собственное. По злощастной прихоти, сударь, я хочу взять себе то, чего никто другой не берет. Сокровища добродетели, подобно скупцу, таятся в жалкой лачуге, как жемчужина в грязной раковине.

Старый герцог. Клянись честью, он острит метко и без промаха.

Оселок. Что и требуется от стрел шута и от любых целительных уколов.

Жак. Так что же седьмой пункт? Как вы установили, что ссора произошла именно по седьмому пункту?

Оселок. Ее причиной было семикратное опровержение лжи. Ты неприлично стоишь, Одри! Вот как было дело, сударь. Мне не понравилось, как подстрижена борода у одного из придворных. Он велел мне передать, что если я нахожу его бороду некрасивой, то он, наоборот, находит ее красивой. Это называется Учтливое Возражение. Если бы я сказал, что борода его все-таки подстрижена плохо, он бы ответил, что стрижет ее в соответствии со своим вкусом. Это называется Тонкая Насмешка. Если бы я стоял на своем: «подстрижена плохо», он бы съязвил насчет моей способности судить о таких вещах. Это был бы Дерзкий Ответ. Если бы я заладил «подстрижена плохо», он заявил бы, что я говорю неправду. Это был бы Открытый Вызов. Если бы я продолжал долбить «подстрижена плохо», он сказал бы, что я лгу. Это был бы Смелый Отпор. И так дошло бы до Лжи Условной, а потом до Безусловной Лжи.

Жак. Сколько раз вы сказали, что борода его плохо подстрижена?

Оселок. Я не решился пойти дальше Условной Лжи, а он не решился дойти до Безусловной Лжи. Поэтому мы только померялись мечами и разошлись.

Жак. А вы можете перечислить по порядку все степени лжи?

Оселок. О сударь, мы ссорились по книжке. Вы ведь знаете книгу хорошего тона? Я помню все степени. Первая — Учтливое Возражение, вторая — Тонкая Насмешка, третья — Дерзкий Ответ, четвертая — Открытый Вызов, пятая — Смелый Отпор, шестая — Условная Ложь. И все это

можно обойти. Нельзя выкарабкаться только из Безусловной Лжи, но и тут есть выход в частичке «если». Я знаю случай, когда семеро судей не могли уладить ссору. Но когда противники сошлись, одному из них пришло в голову это «если». Он и говорит: «Если вы сказали то-то, так я сказал то-то», после чего они пожали друг другу руки и поклялись в братской любви. Ваше «если» — великое слово. Это истинный миротворец.

Жак. Ну что, мой герцог, разве не драгоценный человек? Во всем великолепно разбирается и при этом дурак.

Старый герцог. Он пользуется глупостью, как прикрытием, из-под которого пускает стрелы.

Входят Гименей, Розалинда, Селия. Музыка.

Гименей

На небе рады боги,
Что ссоры и тревоги
У нас пришли к концу,
И я, Гимен, ликую,
Вручая дочь родную
Счастливому отцу.
Пусть передаст ее скорей
Тому, кто сердце отдал ей.

Розалинда

(герцогу)

Я ваша и вверяюсь вам навек.

(К Орландо.)

Я ваша и вверяюсь вам навек.

(Фебе.)

Я вам не солгала: вы иль никто!

Гименей

Мы близимся к развязке,
Пора нелепой сказке
Правдивый дать конец.
Что правда, то не враки,
Так закрепим же в браке
Любовь восьми сердец.

(Розалинде и Орландо.)

Вас не разделит ссора.

(Оливеру и Селию.)

Вам жить — не знать раздора.

(Фебе.)

Вам надо Сильвия любить
Иль в брак с девицею вступить.
(*Оселку и Одри.*)
Вы связаны природой,
Как стужа с непогодой.
Но хватит вам стоять столбом.
Пока мы спляшем и споем,
Порасспросите, что случилось
И как все это получилось.

ПЕСНЯ

О дар Юноны, брак святой,
Союз постели и стола,
Ты населил наш мир пустой,
За то хвала тебе, хвала!
Вовеки будь благословен,
Сердца связующий Гимен!

Старый герцог

Вот и племянница со мной!
Я рад тебе, как дочери родной.

Феба

И я, мой Сильвий, не нарушу слова,
Твою любовь я наградить готова.
Входит Жак де Буа.

Жак де Буа

Позвольте мне просить у вас вниманья.
Я средний сын покойного Роланда.
К вам, господа, я прибыл с важной вестью.
Выслушивая чуть не каждый день,
Что снова кто-то из мужей достойных
Бежал в Арденны, герцог Фредерик
Собрал войска и двинулся походом,
Чтоб захватить и уничтожить брата.
Он прибыл на опушку этой чащи,
Но повстречал святого человека,
Отшельника, и, с ним поговорив,
Не только от сраженья отказался,
Но даже от короны и оставил
Свою державу изгнанному брату.
А тем, кто изгнан вместе с ним, вернул

Все их владенья. Я ручаюсь жизнью,
Что сказанное мной — святая правда.

Старый герцог

Добро пожаловать, счастливый вестник!
Обоим братьям дар принес ты к свадьбе:
Отобранные земли — одному,
И трон большого герцогства — другому.
Но здесь, в лесу, мы завершим сначала
То, что возникло и созрело здесь.
А там все те, кто мне своею дружбой
Изгнания скорбь всечасно облегчали,
Вкусят согласно рангу своему
Все блага изменившейся фортуны.
Идемте же! Пренебрегая саном,
Примкнем, друзья, к веселым поселянам.
Эй, музыка! На брачный пир любви
Всех женихов и всех невест зови!

Жак

Простите, сударь, — если вас я понял,
То герцог отказался от престола
И душу обратил на путь спасенья?

Жак де Буа

Да, это так.

Жак

Пойду к нему. У новообращенных
Есть что послушать и чему учиться.
Вас, доблестный и терпеливый герцог,
Я оставляю подданным и трону.

(К Орландо.)

Вас оставляю преданной любви,
Которой заслужила ваша верность.

(Оливеру.)

Вас оставляю родственникам сильным,
Богатствам вашим и любви. А вас —

(Селии.)

Заслуженному счастью в долгом браке.

(Оселку.)

Вас оставляю частым потасовкам, —
Для свадебной поездки вам припасов
На месяц хватит. Каждому — свое!

А я веселью предпочту другое:
Отправлюсь поразмыслить на покое.

Старый герцог
Куда вы, Жак, не уходите!

Жак

Я для забав давно захлопнул двери.
Приказов ваших буду ждать в пещере.

Старый герцог
Пойдем, друзья! Чем свадьба веселей,
Тем больше брак сулит веселых дней.
Уходят.

ЭПИЛОГ

Розалинда. Обычай запрещает женщине выступать в роли Эпилога. Но чем это хуже мужчины в роли Пролога? Если правда, что хорошее вино не нуждается в этикетке, то хорошая пьеса не нуждается в эпилоге. Но красивая этикетка привлекает к хорошему вину, а хорошая пьеса выигрывает от хорошего эпилога. Как же мне быть, если я плохой эпилог и не могу постоять за хорошую пьесу? Я одета не в рубище, поэтому я не могу просить вас, как нищий. Я могу только умолять вас. Начнем с женщин. О женщины! Той любовью, которую вы питаете к мужчинам, заклинаю вас одобрить в этой пьесе все, что вам понравится. О мужчины! Той любовью, которую вы питаете к женщинам, — а по вашим улыбкам я вижу, что вы не чувствуете к ним отвращения, — заклинаю вас сделать так, чтобы эта пьеса понравилась и вам и женщинам.

Не играй я здесь мужчину, я расцеловала бы в этом зале всех, чья борода понравилась бы мне, чье лицо показалось бы мне приятным, чье дыхание не оттолкнуло бы меня. И я уверена, что все, у кого красивая борода, приятное лицо и ароматное дыхание, разразятся дружными рукоплесканиями в ответ на мой прощальный поклон и пожелают мне счастливого пути.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПОРТУГАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

ЛУИС КАМОЭНС

«Порой Судьба надежду мне дает...»	7
«Я бросил щит, едва был начат спор...»	8
«Колокола сзывали в божий храм...»	8
«В огне гореть таким, как ты, пролазам...»	9
«Что унесла ты, Смерть?» — «Взошедшее светило...»	9
«Прощальный час, прощальной речи звук...»	10
«Когда б мой дух, утративший покой...»	10
«Я думаю все чаще день от дня...»	11
«Вы, струи Тахо, ты, прозрачный ток...»	11
«Мой нежный враг, в чьи руки отдала...»	12
«Меняется и время и мечты...»	12
«Зачем, желанья, вы стучитесь в грудь...»	13
«Луга, леса в вечерней тишине...»	13
«Воспоминанья горькие, вы снова...»	14
«Тот радостный и горестный рассвет...»	14
«Таких созвучий, полных красоты...»	15
«То случай иль судьба — не все ль равно...»	15
«За что?! Сижу, прикованный к стене...»	16
«Меня сочли погибшим, наблюдая...»	16
«Как лебедь умирающий поет...»	17
«Зачем Надежда лжет мне, как всегда...»	17
«Как смерть в глаза выдавший мореход...»	18
«Зарею ли румянит мир весна...»	18
«Я встарь любовью жил. Я в те года...»	19
«Я знаю ваши фокусы и штуки...»	19
«Я мало жил. Был горек каждый час...»	20
«Когда брожу я по лугам зеленым...»	20
«Я воспевал минувшие года...»	21
«Будь проклят день, в который я рожден!...»	21

«В отчаянье глубококом пребывала...»	22
«Найду ли сердцу я приют укромный...»	22
«О вы, кто честным изменил дорогам...»	23
«Любовь, ошибки и враждебный рок...»	23
«Когда Носитель высшей красоты...»	24
«Дожди с небес, потоки с гор мутят...»	24
«О вы, кто внемлет жалобам, звенящим...»	25
«Когда улыбкой, звуком нежных слов...»	25
«Верните все, в чем ваше торжество...»	26
«Туманный очерк синеватых гор...»	26
«Как птица утром, пробудясь от сна...»	27
«Мучительно за годом год идет...»	27
«Деревня! Для изведавших крушенье...»	28
«Итак, Судьбы узнал я благодать!...»	28
«Подряд мои надежды разбивая...»	29
«Весельем боя взор воспламенен...»	29
«Уя!асная судьба! Жестокий рок!...»	30
«Когда, дымясь, вода воспламенится...»	30
«Когда для всех ты хочешь быть мила...»	31
«Вы мчитесь, волны, мимо всех преград...»	31

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

Тициан	35
Коро	36
Сезанн	37

ИЗ АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

Форма	41
Корчма в степи	41
Лотта (<i>Песни в камышах</i>)	45
Прогулка в горах	47
Твой образ	51
Почтовый рожок	52
Журавль	54
Неудачник	55
Три индейца	56
Смотри в поток	57
Печаль небес	57
Осеннее чувство	58

Три цыгана	59
К весне 1838 года	59
Холостяк	61

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Крымские сонеты	
Аккерманские степи	65
Штиль на высоте Тарканкута	65
Плавание	66
Буря	66
Вид гор из степей Козлова	67
Бахчисарай	67
Бахчисарай ночью	68
Гробница Потоцкой	68
Могилы гарема	69
Байдары	69
Алушта днем	70
Алушта ночью	70
Чатырдаг	71
Пилигрим	71
Дорога над пропастью в Чуфут-Кале	72
Гора Кикинеиз	72
Развалины замка в Балаклаве	73
Аюдаг	73

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Аист	77
Венгерец я!	80
Тиса	81
Добрый учитель	83
Бродяга	85
«Осенний ветер шелестит в деревьях...»	87

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ДЖОН МИЛЬТОН

Аллегро	91
ДЖОНАТАН СВИФТ	
Басня о Мидасе	95

СЭМИОЕЛЬ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ	
Сказание о Старом Мореходе	98
ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ	
«Монашке мил свой нищий уголок...»	118
На ликвидацию Венецианской республики, 1802 г.	118
Тросекс	119
Прощальный сонет реке Даддон	119
Англия, 1802 г.	120
Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года	120
«Моя любовь любила птиц, зверей...»	121
Ты все молчишь!..	121
ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ	
Облако	123
Жаворонок	125
* Стансы 14 апреля 1814 г.	128
* Озимандиа	129
ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН	
«Когда б я мог в морях пустынных...»	130
Стихи, написанные под старым вязом на кладбище Харроу	131
Застольная	132
«Я был подвергнут испытанью...»	133
Женщине, которая спросила, почему я весной уезжаю из Англии	135
Строфы из «Дон-Жуана»	135
К Тирзе	137
«Еще усилье — и постылый...»	139
Эвтаназия	140
Стансы Августе («Когда стустилась мгла кругом...»)	141
Стансы Августе («Хоть судьба мне во всем изменила...»)	143
«Убита в блеске красоты!..»	144
Гибель Сеннахериба	144
Прометей	145
Паломничество Чайльд-Гарольда	147
Паризина	247
Беппо	263
ДЖОН КИТС	
* «День отошел и все с собой унес...»	290
«О, если б вечным быть, как ты, Звезда!..»	290
* «Когда страшусь, что смерть прервет мой труд...»	291

Сонет к Байрону	291
Сонет к Чаттертону	292
РОБЕРТ БРАУНИНГ	
Как привезли добрую весть из Гента в Ахен . . .	293
ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР	
* КАК ВАМ ЭТО ПРАВИТСЯ	296

Левик В.

Л 36 Избранные переводы. В 2-х томах, Т. 2. М., «Худож. лит.», 1977.

383 с.

Во второй том избранных переводов В. Левика вошли сонеты великого португальского поэта Л. Камюэнса, стихи испанского лирика Р. Альберти, произведения А. Мицкевича и Ш. Петефи, а также стихотворения и поэмы английских поэтов XVII—XIX веков. В книгу включен перевод комедии В. Шекспира «Как вам это нравится».

Л $\frac{70404-241}{028(01)-77}$ 167-77

**ВИЛЬГЕЛЬМ ВЕНИАМИНОВИЧ
ЛЕВИК**

Избранные переводы
в двух томах
том 2

Редактор *А. Ларин*
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
С. Ефимова
Корректоры *Г. Асланянц*
и *М. Пастер*

ИБ № 611

Сдано в набор 29/XII 1976 г. Подписано в печати 28/VI 1977 г.
Бумага типогр. № 1. Формат 84x108¹/₃₂. 12,0 печ. л. 20,16
усл. печ. л. 18,652 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 3635
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой
типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва,
М-54, Валовая, 28

Отпечатано в полиграфическом комбинате имени Я. Коласа
Государственного комитета Совета Министров БССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Крас-
ная, 23